К 76 1/16

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

ВЪ

ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ, ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ

И ПРОМЫШЛЕННОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

ПО ПОРУЧЕНІЮ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

К. Свенске.

СЪ КАРТОЮ И ДВУМЯ РИСУНКАМИ.

ИЗДАНО НА ИЖДИВЕНІЕ

ЧЛЕНА-СОРЕВНОВАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

М. К. СИДОРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. остр., 9 лин., № 12.)

1866.

К76 1/16

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

889

ВЪ

ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ, ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ

И ПРОМЫШЛЕННОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

ПО ПОРУЧЕНІЮ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

К. Свенске.

СЪ КАРТОЮ И ДВУМЯ РИСУНКАМИ.

ИЗДАНО НА ИЖДИВЕНІЕ

ЧЛЕНА-СОРЕВНОВАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

М. К. СИДОРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. остр., 9 лин., № 12.)

1866.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

БИБЛИОТЕКА
Госуд. Антаркт. Музея
№ 4620
II — III — 1932 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе	V
Глава I. Обзоръ путешествій на новую Землю	1—44
Неопредѣленность времени открытія Новой Земли	1
Экспедиція Сэръ Гуга Виллоби	2
Учрежденіе въ Лондонѣ Московской Компаніи	3
Экспедиція Стефана Бурро	3
» Артура Пета и Чарльса Джакмана	3
» Вильгельма Баренца и Корнелиса Ная	4
Вторая экспедиція Баренца и Ная	8
Зимовка Баренца на Новой Землѣ	9
Возвращеніе Гемскерка въ Голландію	12
Экспедиція Генри Гудсона	12
Вторая экспедиція Генри Гудсона	13
Экспедиція фанъ Горна	13
Экспедиція Корнелія Босмана	13
» Датчанъ на Новую Землю	13
» Фламинга	14
» Корнелиса Сноббегера	14
» Капитана Вуда	14
» Розмыслова	15
» Поспѣлова и Лудлова	18
» Флота-Лейтенанта Лазарева I-го	19
Первая экспедиція Капитанъ-Лейтенанта Литке	20
Вторая » » » »	22
Третья » » » »	23
Четвертая » » » »	25

	стран.
Экспедиція Подпоручика Пахтусова и Лейтенанта Кротова	28
» » » и Прапорщика Цивольки	33
» Академика фонъ Бэра и Цивольки	37
» Прапорщиковъ Цивольки и Моисѣева	40
Глава II. Географическій Очеркъ Новой Земли	45—65
Глава III. Геогностическій строй Новой Земли	65—71
Глава IV. Климатъ Новой Земли	71—86
Глава V. Растительность Новой Земли	86—103
Глава VI. Животная жизнь Новой Земли	103—111
Глава VII. Промышленность на Новой Землѣ	111
Общія замѣчанія	111—116
Промыслы	116—125
а) Моржевой промыслъ	117
б) Тюленій промыслъ	120
в) Бѣлужій промыслъ	122
Рѣчные промыслы	125
Ловля гольцовъ	125
Сухопутные промыслы	126
а) Охота за бѣлыми медвѣдями	126
б) Охота за песцами	127
в) Охота за оленями	128
г) Охота за птицами	128

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если тропическій міръ прельщаетъ воображеніе человѣка, являя ему картину роскошнѣйшаго развитія органическихъ существъ и неистощимаго изобилія разнообразнѣйшихъ формъ бытія, то арктическій дѣйствуетъ на него совершенно противоположнымъ образомъ, представляя ему природу какъ бы еще въ пеленахъ, органическую жизнь въ первыхъ и простѣйшихъ ея видахъ. Но и самая простота и скудость эти для любознательнаго ума чрезвычайно привлекательны, потому что онъ можетъ изучать въ нихъ крайнія условія, необходимыя для проявленія органическаго быта вообще. Для жителей же сѣвера арктическій міръ имѣетъ еще особенную занимательность, доставляя ему многое, потребное для его существованія, — матеріалы пищи, одежды, освѣщенія и разныхъ удобствъ жизни, безъ которыхъ онъ не можетъ обходиться. Одна изъ такихъ странъ, наболѣе важная для обитателей сѣверной Россіи, есть Новая Земля и потому ближайшее знакомство съ нею составляетъ для нихъ существенную потребность, а сверхъ того не лишена особой занимательности и для всякаго образованнаго человѣка вообще.

Въ исходѣ предпрошедшаго года г-ну Вице-Предсѣдателю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества благоугодно было изъявить мнѣ мысль, чтобы я принялся за составленіе свода имѣющихся налицо объ этой странѣ свѣдѣній, причемъ Его Высокопревосходительство соизволилъ объяснить мнѣ въ короткихъ словахъ планъ, по которому онъ желаетъ, чтобы было сдѣлано это описаніе и указать источники, которыми можно при этомъ пользоваться. Согласно, съ этими указаніями предлежащій опытъ изображенія Новой Земли раздѣленъ на три главные отдѣла: историко-географическій, естественно-научный и промышленный. Первый сообщаетъ краткій обзоръ важнѣйшихъ плаваній, предпринятыхъ на Новую Землю, сначала со стороны иностранцевъ, а потомъ со стороны Россіи и географическій очеркъ страны, т. е. бѣглый взглядъ на ея пространство, рѣки, озера, проливы, заливы, горы, мысы и пр. — Второй отдѣлъ содержитъ

въ себѣ очерки геогностическаго строя и климата Новой Земли, а равно растительнаго и животнаго ея быта; а третій — очеркъ производимыхъ на Новой Землѣ промысловъ: морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ.

При описаніи экспедицій на Новую Землю положенъ былъ за основаніе обзоръ ихъ по 1821 годъ, помѣщенный въ началѣ сочиненія: четырекратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый Океанъ флота-капитана Ѳедора Литке, а для дальнѣйшаго времени — отчеты и донесенія самихъ лицъ, совершавшихъ путешествіе, помѣщенные въ Запискахъ Географическаго Департамента. Ч. I, II, III, СПб. 1842, 1844, 1845. Географическій очеркъ Новой Земли главнѣйшее почерпнутъ изъ «Путешествія Академика Ивана Лепехина 1772 года и изъ сейчасъ упомянутыхъ отчетовъ. — Естественно-научный отдѣлъ основанъ на единственномъ по этой части источникѣ, — превосходныхъ статьяхъ великаго нашего естествоиспытателя, К. М. фонъ Бэра, помѣщенныхъ въ Бюллетенѣ Академіи Наукъ и до сихъ поръ еще вполнѣ неизданныхъ на Русскомъ языкѣ. При составленіи же третьяго отдѣла: очерка промышленности Новой Земли главнымъ руководствомъ служили вышесказанное путешествіе Лепехина и изданныя Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи. Томъ VI: «Рыбные и звѣриные промыслы на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ. 1862 г.» Другіе источники приведены въ примѣчаніяхъ.

Непремѣннымъ долгомъ справедливости и почтительнѣйшей съ моей стороны благодарности считаю не умолчать что Его Высокопревосходительство г. Вице-Предсѣдатель Географическаго Общества, подавшій, какъ выше было сказано, первую мысль къ составленію этой книги, не только соизволилъ постоянно слѣдить за ея исправностью и руководить меня благосклонными своими совѣтами, но еще принялъ на себя трудъ самъ вовсе переработать нѣкоторыя части, а именно относящіяся къ собственнымъ его путешествіямъ на Новую Землю и введеніе къ географическому отдѣлу. Сверхъ того, по препорученію Его Высокопревосходительства, нѣкоторыя части этого описанія были въ рукописи просматриваемы относительными спеціалистами, какъ то зоологическая г. заслуженымъ Академикомъ фонъ Бэромъ, геологическая, — г. Академикомъ Гельмерсеномъ и ботаническая, — г. Академикомъ Рупрехтомъ. — Мое дѣло состояло въ собираніи матеріаловъ, и сгруппированіи ихъ въ одно цѣлое, сообразно плану и цѣли сочиненія.

Карлъ Свенске.

ГЛАВА I.

ОБЗОРЪ ПУТЕШЕСТВІЙ НА НОВУЮ ЗЕМЛЮ.

Время открытія Новой Земли въ точности неизвѣстно: но не подлежитъ сомнѣнію, что предпріимчивые Новгородцы, вскорѣ по заселеніи ими Двинскаго края, столь замапчиваго для нихъ по своему изобилію въ пушныхъ звѣряхъ, то-есть съ XI вѣка, стали посѣщать и этотъ величайшій на сѣверѣ островъ, о которомъ они могли слышать отъ обитавшей по берегамъ Бѣлаго моря Чуди. Эти русскіе поселенцы и дали открытому ими острову, котораго вѣроятно знали только нѣкоторые отдѣльные берега, названіе Новой Земли. Они ходили туда изъ Бѣлаго моря и изъ рѣки Печоры на простыхъ лодьяхъ, по большей части, для звѣринаго и рыбнаго промысловъ. Но иныхъ могла привлекать туда и другая приманка. Какъ о разныхъ другихъ странахъ глубокаго Сѣвера [1]), такъ и о Новой Землѣ издавна существовало преданіе, что она изобилуетъ драгоцѣнными металлами, а особенно серебромъ.

Названіе одного изъ тамошнихъ заливовъ, губы Серебрянки, есть слѣдъ этого повѣрья. Хотя эта молва впослѣдствіи времени и не оправдалась [2]), однако уже существованія ея было достаточно для того, чтобы привлекать туда многихъ искателей приключеній. Впрочемъ, само собою разумѣется, что всѣ эти попытки невѣжественныхъ промышленниковъ могли пролить только весьма мало свѣта на большой, но безлюдный островъ Ледовитаго моря.

Точнѣйшее знакомство съ Новою Землею тѣсно связано съ исторіею отысканія ближайшаго пути въ Восточную Индію.

Великія открытія Васко де Гамы и Колумба въ исходѣ XV вѣка, столь внезапно обога-

---

[1]) По повѣствованію датскихъ лѣтописцевъ, короли датскіе и норвежскіе, въ исходѣ XIII вѣка, посылали по этому поводу суда въ Гренландію. Но оказалось, что полученная оттуда руда была — не золотой, а просто слюдистый песокъ. (J. Shillinglaw. A narrative of arctic discovery. London 1850 стр. 56.)

[2]) Извѣстный Амстердамскій бургомистръ, Витсенъ, въ своемъ сочиненіи Noord en Oost Tartarye 1702 пишетъ, что онъ, не смотря на всѣ старанія, не могъ узнать ни объ одномъ кусочкѣ серебра, который былъ бы найденъ на Новой Землѣ, а тѣмъ менѣе о цѣлыхъ рудникахъ.

тившія Португалію и Испанію, возбудили соревнованіе и въ другихъ мореходныхъ націяхъ, и каждая изъ нихъ въ свою очередь устремилась къ достиженію той же цѣли.

Первая, на этомъ поприщѣ состязанія, является Англія. Къ счастію ея въ то время находился тамъ мореходецъ, который могъ руководить ее своими совѣтами и своею опытностію,— знаменитый открытель Сѣверной Америки, — Себастіанъ Каботъ, сынъ венеціанскаго мореходца, Джіованни Кабота, но самъ родившійся въ Бристолѣ около 1477 года. Онъ подалъ мысль искать прохода въ Китай новымъ путемъ, а именно съ сѣвера, обогнувъ Норвегію чрезъ Ледовитое море. Для осуществленія этого плана составилась въ Лондонѣ компанія на акціяхъ[1]), и были снаряжены 3 судна: Bona Esperanza о 120, Edward Bonaventura о 160 и Bona Confidentia о 90 тоннахъ. Начальство надъ первымъ изъ нихъ и надъ всею экспедиціей получилъ Сэръ Гугъ Виллоби, надъ вторымъ капитанъ Ричардъ Ченслеръ, а надъ третьимъ мастеръ Дуръворгъ. Самъ Себастіанъ Каботъ начерталъ для нея инструкцію. Эти суда, 11 мая 1553 года, отплыли отъ береговъ Темзы при огромномъ стеченіи народа, привлеченнаго новизною предпріятія и питавшаго о немъ самыя преувеличенныя ожиданія. На случай разлученія судовъ одного отъ другаго, мѣстомъ соединенія ихъ вновь назначенъ былъ Вардегусъ[2]), островъ съ гаванью на востокъ отъ Нордкапа. И дѣйствительно, застигнутыя 30 іюля бурею, суда разлучились. Адмиралъ Виллоби проникъ далеко къ сѣверу и 14 августа завидѣлъ берегъ, вѣроятно, часть Новой Земли между сѣвернымъ и южнымъ Гусинымъ Носомъ; но напедъ его окованнымъ льдами, возвратился къ западу и, по причинѣ уже позднаго времени года, приталъ для зимовки къ берегу Лапландіи въ небольшой гавани при устьѣ рѣки Arzina (Варенны), къ западу отъ острова Покуева, въ широтѣ 68° 23′ и долготѣ 38° 39′ отъ Гринича. Въ этомъ пустынномъ краю онъ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ отыскать жителей внутри страны, претерпѣлъ роковую участь Франклина, сдѣлавшись со всѣмъ экипажемъ двухъ судовъ (Bona Esperanza и Bona Confidentia) — всего 65 человѣкъ, — **жертвою стужи, а вѣроятно также и голода.**

Слѣдующею весною они были найдены случайно заѣзжими туда Лопарями. Прерванный, можетъ быть, незадолго до кончины Сэръ Гугъ, дневникъ гласилъ, что онъ еще былъ живъ въ январѣ мѣсяцѣ и грузъ обоихъ судовъ былъ доставленъ въ Холмогоры и, по повелѣнію царя Іоанна Васильевича, возвращенъ въ Англію, гдѣ чрезъ то впервые узнали о судьбѣ, **постигшей Сэръ Гуга Виллоби и его спутниковъ.**

Между тѣмъ капитанъ Ченслеръ съ третьимъ судномъ (Edward Bonaventura), заѣздъ въ Вардегусъ, цѣлую недѣлю ждалъ адмирала, а потомъ, направясь опять къ востоку, прибылъ въ Бѣлое море къ устью Двины. Облекшись въ званіе англійскаго посла, онъ, 23 ноября, изъ Холмогоръ отправился въ Москву, къ царю Іоанну IV Васильевичу, который только что возвратился туда по покореніи Казани, и благосклонно принялъ въ торжественной аудіенціи грамоту изъ рукъ посла короля Эдуарда VI. Этимъ было положено начало торговымъ связямъ **между обѣими державами.**

[1]) The «Mystery», Company and Fellowship of Merchant Adventurers for the discovery of unknown lands etc.
[2]) У русскихъ промышленниковъ этотъ островъ называется Варгаевъ.

Съ тѣхъ поръ общество купцевъ, снарядившее эту первую экспедицію въ сѣверныя моря, приняло названіе Московской компаніи (the Muscovy Company) [1], и снискавъ себѣ право исключительной торговли съ Россіею, стало преслѣдовать двоякую цѣль: во 1-хъ, упрочить и далѣе развить эту торговлю и во 2-хъ, продолжать попытки отысканія какъ сѣверовосточнаго пути, такъ и новыхъ странъ на сѣверѣ.

Съ этой двойною цѣлью компанія, въ 1556 году, снарядила новое судно, а именно пинку «Искатель» (Searchthrift) подъ командою Стефана Бурро (Stephen Burrough), который въ званіи мастера сопровождалъ Ченслера въ первое его плаваніе. Въ данной ему инструкціи сказано было, чтобы онъ старался проникнуть по крайней мѣрѣ до рѣки Оби. Оставивъ Гревзендъ 29 апрѣля, онъ, 23 мая обогнулъ Нордканъ, а 9 іюня прибылъ въ Кольскую губу, которую называетъ рѣкою Колою. Въ Колѣ онъ нашелъ русскихъ промышленниковъ, готовившихся идти къ Печорѣ на ловлю моржей [2]. Одинъ изъ нихъ, Гаврило, сынъ священника, вызвался быть его лоцманомъ и во все время его путешествія оказывалъ ему большія услуги. Пробывъ въ Колѣ для починки своего судна до 22 іюня, Бурро вмѣстѣ съ нѣсколькими русскими лодьями вышелъ въ море и, прошедъ мимо Канина и Святаго Носа, 15 іюля прибылъ въ Печору. На дальнѣйшемъ своемъ пути онъ въ широтѣ 70° 15′ встрѣтилъ огромныя льдины, ежеминутно грозившія сокрушить его судно, а 25 іюля прибылъ къ острову въ широтѣ 70° 42′, который онъ назвалъ островомъ Св. Якова и который, какъ онъ узналъ отъ одного русскаго кормчаго, по имени Лошакъ, находился въ виду Новой Земли. 31 іюля онъ достигъ острова Вайгача, гдѣ въ то время случилось много Русскихъ, отъ которыхъ свѣдалъ, что большіе острова обитаемы Самоѣдами. Но проплывъ около 15 морскихъ миль далѣе устья Печоры, былъ остановленъ непроходимыми льдами, и 10 сентября прибылъ въ Холмогоры.

Въ слѣдующемъ году Бурро, собравшійся было плыть къ рѣкѣ Оби, получилъ отъ своего правительства порученіе отыскать погибшія суда экспедиціи Сэръ Гуга Виллоби. Въ это плаваніе онъ опредѣлилъ широту острова Сосновца 66° 24′ и Трехъ острововъ 66° 58′30″. Отъ мыса Ивановы Кресты онъ перешелъ прямо къ Семи островамъ (St. George's Islands), не останавливаясь у острова Нокуева, и оттого именно не достигъ своей цѣли, потому что за этимъ островомъ онъ навѣрно нашелъ бы искомыя суда. Затѣмъ онъ направилъ свой курсъ къ Вардегусу, откуда воротился въ Холмогоры.

Слѣдующая экспедиція Англичанъ въ Ледовитое море была незначительна. Та же самая компанія въ 1580 году снарядила два небольшихъ судна (barks) Джорджъ и Вилліамъ подъ командою Артура Пега и Чарлса Джакмана. 30-го мая они отправились изъ Гарвича, и 23 іюня прибыли въ Вардегусъ. Задержанные здѣсь сильными вѣтрами, они не прежде 1 іюля могли продолжать путь свой и, седьмаго числа, въ широтѣ $70\frac{1}{2}^{\circ}$, увидѣли берегъ, который приняли

[1]) Она и понынѣ еще существуетъ, но уже подъ названіемъ Русской компаніи (the Russia Company) и не съ тѣми обширными привиллегіями, какъ прежде.

[2]) Во время двухнедѣльнаго своего пребыванія въ Кольской губѣ, онъ видѣлъ тамъ до 30 таковыхъ лодей, изъ которыхъ на каждой было до 24 человѣкъ.

за Новую Землю. Прослѣдивъ его до 14 числа, поплыли къ SO и 18 числа прибыли къ острову Вайгачу. Прошедъ потомъ въ Карское море, едва не были затерты льдами. Съ трудомъ выбравшись оттуда въ Югорскій Шаръ, они рѣшили оставить всякое дальнѣйшее слѣдованіе и предпринять обратный путь свой. Нетъ, 26 декабря, благополучно прибылъ въ Ратклифъ; но спутникъ его, Джакманъ, послѣ зимовки въ Норвегіи, пропалъ безъ вѣсти [1]).

Неудача этихъ попытокъ Англичанъ нѣсколько охладила ихъ усердіе искать пути на Востокъ чрезъ Ледовитое море. Но зато съ тѣмъ бо́льшимъ рвеніемъ являются, какъ бы имъ на смѣну, соперники ихъ на морѣ, Голландцы, только что успѣвшіе пріобрѣсть свою независимость отъ испанскаго владычества.

Нѣсколько богатыхъ купцевъ изъ Амстердама, Миддельбурга и Энкгейзена, руководимые совѣтами славнаго въ то время космографа, Планція, снарядили въ 1593 и 1594 годахъ четыре судна. Капитаномъ амстердамскаго корабля Посланникъ назначенъ былъ искусный мореходецъ Вильгельмъ Баренцъ, миддельбургскаго судна Лебедь — уже знакомый съ Россіею Корнелисъ Корнелиссонъ Най, а энкгейзенскаго судна Меркурій, также опытный морякъ Брантъ Иебрантъ; а сверхъ того, Баренцу придана была въ помощь еще рыбачья яхта. На кораблѣ Меркурій суперкаргомъ былъ Іоаннъ Гуго фанъ Линехотенъ, историкъ этого путешествія. Экспедиція должна была дѣйствовать въ двухъ направленіяхъ. Лебедь и Меркурій подъ главною командою Ная должны были плыть между островомъ Вайгачемъ и материкомъ, а Посланникъ и рыбачья яхта подъ управленіемъ Баренца, по совѣту Планція — къ сѣверу отъ Новой Земли.

5 іюня 1594 года Най отплылъ съ своими двумя судами изъ Текселя, а нѣсколькими днями позже и Баренцъ. 29 іюня они прибыли къ устью Колы и тутъ оба отряда разлучились: Баренцъ, 29 іюля, направилъ свой курсъ къ сѣверовостоку и 4 іюля увидѣлъ берегъ Новой Земли, а ночью прибылъ къ ровному, далеко выдававшемуся въ море мысу, который онъ назвалъ Langeness: это вѣроятно тотъ самый, который у русскихъ промышленниковъ именуется Сухимъ Носомъ и лежитъ въ широтѣ 73° 46′. Въ большой губѣ, къ востоку отъ этого мыса, — губѣ Сафроновой русскихъ картъ, — Баренцъ выходилъ на берегъ, но не нашелъ людей, а только слѣды ихъ пребыванія. Миновавъ затѣмъ мысъ Langenhoeck, въ 4-хъ миляхъ отъ Лангенеса, онъ, 5-ю милями далѣе достигъ губы Lomsbay, которая была имъ названа такъ по причинѣ водящихся тамъ во множествѣ птицъ съ короткими крыльями, именуемыхъ у Голландцевъ Lommen.

Это губа Крестовая, лежащая въ широтѣ 74° 20′ и въ $8^1/_2$ нѣмецкихъ миляхъ отъ Сухаго Носа; въ глуби ея находится высокая гора съ уступами, на которыхъ дѣйствительно витаетъ множество разнаго рода морскихъ птицъ. Въ этой большой губѣ Баренцъ нашелъ безопасную гавань, отъ 6 до 8 саженъ глубиною и выходилъ въ ней на берегъ. Между за-

[1]) Покойный Академикъ Гамель, въ статьѣ, помѣщенной въ бюллетенѣ Имп. Академіи Наукъ выразилъ догадку, что Джакманъ, перезимовавъ въ Норвегіи, въ слѣдующемъ году возобновилъ свою попытку, достигъ Оби и тамъ погибъ. Догадку эту онъ основываетъ на нѣкоторыхъ темныхъ извѣстіяхъ—что у устья Оби показывались суда, вооруженныя пушками, и что тамъ найдены зарытыя въ пескѣ тѣла Нѣмцовъ.

надною оконечностію Lomsbay и Langeness онъ открылъ еще двѣ губы, а къ сѣверу отъ Lomsbay островъ Адмиралтейства [1]). 6 іюня, онъ прибылъ къ Черному мысу (Swartenhoeck) въ широтѣ 75° 20′, а миль 8 далѣе нашелъ островъ Вильгельма, принадлежащій къ группѣ Горбовыхъ острововъ. Здѣсь онъ увидѣлъ много выброшеннаго набереть лѣса и большое число моржей, которыхъ онъ описываетъ престрашными морскими чудовищами — Баренцъ опредѣлилъ широту этого мѣста въ 75° 55′, 10-ью минутами больше противъ опредѣленія капитана Литке. 9-го іюля, суда останавливались въ губѣ Beerenfort, т. е. въ Горбовомъ Становищѣ русскихъ картъ. Въ слѣдующій день они усмотрѣли Крестовый островъ (Kruys Eyland), совершенно голый, но удобнодоступный для гребныхъ судовъ а 8-ью милями далѣе достигли Нассавскаго мыса (Hoeck van Nassau), низменнаго и ровнаго, но опаснаго по причинѣ окружающихъ его рифовъ. Еще 5-ью милями далѣе къ востоку Баренцъ увидѣлъ берегъ, который онъ принялъ за островъ, различный отъ Новой Земли; но внезапно наступившій штормъ помѣшалъ ему ближе изслѣдовать его [2]). 13 іюля, суда уже встрѣтили множество льдовъ. Пробираясь между ними и берегомъ Новой Земли, они, 26-го числа, подошли къ мысу Утѣшенія (Troosthoeck), а 29-го, достигши широты 77°, увидѣли передъ собою прямо къ востоку самый сѣверный конецъ Новой Земли, которому дали имя Ледянаго мыса (Yshoeck). Здѣсь моряки замѣтили множество разбросанныхъ по берегу камышковъ, блистающихъ, какъ золото. 31 іюля, Баренцъ достигъ Оранскихъ острововъ, вѣроятно острова Максимкова, въ широтѣ 74½°, крайняго предѣла, до котораго доходятъ русскіе промышленники. Этотъ пунктъ былъ на этотъ разъ также предѣломъ плаванія Баренца. Видя дальнѣйшій свой путь загражденнымъ льдами и принужденный ропотомъ своихъ людей, онъ, 1 августа, поворотилъ назадъ съ тѣмъ, чтобы, соединясь съ отрядомъ Ная, узнать отъ него, не нашелъ ли онъ съ своей стороны какого нибудь прохода.

Плывя тѣмъ же путемъ, какъ и прежде, Баренцъ, 8-го августа, прибылъ къ острову, который онъ, по причинѣ черньвшейся его вершины, назвалъ Чернымъ (het Swart Eylant). Это островъ Подрѣзовъ въ сѣверномъ устьѣ Костина Шара; но широта его, показываемая Баренцомъ 71° 20′, въ дѣйствительности, по опредѣленію Капитанъ-Лейтенанта Литке, 8-ью минутами больше, т. е. 71° 28′. За этимъ островомъ Баренцъ нашелъ большой заливъ, который онъ называетъ Constint Sarck. Это ничто иное, какъ искаженное имя Костина Шара. Въ 3-хъ миляхъ отъ Чернаго острова онъ встрѣтилъ низменный мысъ, который онъ, по водруженному на немъ кресту именовалъ Крестовымъ (Kruys hoeck), а 4-мя милями далѣе другой, также невысокій мысъ св. Лаврентія (St. Laurent's hoeck), за которымъ находился большой заливъ. Этотъ мысъ вѣроятно, или Бобриневскій, или Костинъ Носъ. Въ слѣдъ за этимъ мысомъ простирается южное устье Костина Шара. Еще 3-мя милями далѣе онъ увидѣлъ мысъ Schanshoeck (Мучной Носъ русскихъ промышленниковъ). Тутъ онъ съѣзжалъ на берегъ и нашелъ зарытые въ землѣ 6 кулей ржаной муки, изъ чего

[1]) Впослѣдствіи времени дознано, что это — полуостровъ.

[2]) По мнѣнію Капитана Литке, Баренцъ видѣлъ тутъ какой нибудь выдавшійся мысъ Новой Земли или скопившійся туманъ принялъ за землю.

заключилъ, что тамъ были люди, но скрылись при видѣ чужихъ пришельцевъ. Недалеко оттуда стояли три деревянные дома, въ которыхъ лежало множество разобранныхъ бочекъ, изъ чего видно было, что тутъ вѣроятно производилась ловля семги. Находящейся въ этомъ мѣстѣ безопасной гавани Баренцъ далъ имя Мучной (Meelhaven). Между этою гаванью и мысомъ Schanshoeck онъ замѣтилъ губу св. Лаврентія, безопасную при NO и NW вѣтрахъ. Это губа Строгановская. 10 милями далѣе онъ, 12-го августа, увидѣлъ два островка, которымъ далъ названіе св. Клары. Въ этомъ мѣстѣ онъ былъ остановленъ льдами, вынесенными изъ Карскихъ воротъ и оттого не могъ достигнуть самой южной оконечности Новой Земли. Направясь къ SW, онъ въ широтѣ 69° 15′ достигъ острововъ Матвѣева и Долгаго, гдѣ опять соединился съ судами Ная, который только что прибылъ туда отъ Вайгача и думалъ, что Баренцъ обошелъ вокругъ всей Новой Земли.

На этомъ обратномъ пути Баренцъ, въ широтѣ между 73° и 74°, долженъ былъ проходить мимо пролива, пересѣкающаго Новую Землю въ направленіи къ востоку, т. е. Маточкина Шара, который былъ бы для него столь важнымъ; но держась въ этой широтѣ нѣсколько по-одаль отъ берега, онъ не замѣтилъ его.

Между тѣмъ Най, по разлученіи съ Баренцомъ, оставался еще 4 дня за островомъ Кильдиномъ, въ широтѣ 69° 40′. 2-го же іюля, снявшись съ якоря, направился къ востоку. Уже три дня спустя, онъ, въ широтѣ 71° 20′ встрѣтилъ множество льду и столь густой туманъ, что принималъ его за берегъ. 7-го числа онъ достигъ Канинскаго берега. Въ слѣдующіе два дня снова показались большіе льды, наносимые изъ губы между Канинымъ и Святымъ Носомъ, т. е. Чешской губы. 9-го числа Най приблизился къ берегу св. Носа, а 10-го, въ широтѣ 68° 30′, сталъ на якорѣ за островомъ Токсаромъ, вѣроятно Простымъ. Тутъ онъ встрѣтилъ 4 русскія лодьи, шедшія въ Печору. Промышленники, на нихъ бывшіе, отсовѣтовали ему идти Вайгачскимъ проливомъ (Югорскимъ Шаромъ), потому что онъ будто бы почти постоянно покрытъ льдомъ и усѣянъ множествомъ подводныхъ скалъ, а сверхъ того, въ немъ водится много китовъ и моржей, опасныхъ для судовъ. Но Голландцы не повѣрили этимъ разсказамъ, считая ихъ за вымыслы, нарочно придуманные для того, чтобы отклонить ихъ отъ начатаго ими дѣла: 16-го іюля, они поплыли далѣе, благопріятствуемые теплою и почти знойною погодою. Держась вдоль низменнаго и песчанаго берега, они миновали извилистую рѣку Колоколкову (Colcocova). Бывшіе тутъ съ лодьею русскіе рыбаки вызвались быть ихъ проводниками. 17-го, Най вмѣстѣ съ ними вошелъ въ рѣку Песчанку, мелкую и неудобную. Тутъ Голландцы узнали, что до устья Печоры, отстоявшаго отъ нихъ въ 11-ти миляхъ, они встрѣтятъ много мелей; но далѣе найдутъ большую глубину, а у острова Варандея—хорошую гавань. 18-го числа они вошли въ Печору, гдѣ, ставъ на якорь на глубинѣ 6 саженъ, пережидали сильную бурю отъ востока. Къ разсвѣту вѣтръ измѣнился къ сѣверу и они могли продолжать свое плаваніе; 21 числа, въ 30-ти миляхъ отъ Печоры, они увидѣли берегъ острова Вайгача; море было покрыто иловучими древесными стволами, корнями и вѣтвями, вынесенными, по ихъ догадкамъ, изъ какой нибудь большой рѣки. Подошедъ ближе къ острову, они увидѣли берегъ, покрытый травою и разнаго рода цвѣтками. Тутъ, вѣроятно у мыса Лемчека, они бросили якорь на глу-

бинѣ 10-ти саженъ и нашли широту 69°45′. 22-го числа они прибыли къ другому мысу, въ 5-ти миляхъ къ SO отъ перваго, а еще тремя милями далѣе нашли проливъ около одной мили шириною посреди котораго лежалъ островъ. Линшотенъ полагалъ, что это тотъ самый проливъ, который отдѣляетъ Вайгачъ отъ материка земли; но Адмиралъ Най, для большаго въ томъ удостовѣренія велѣлъ изслѣдовать берегъ еще далѣе къ югу. Проплывъ миль 10 въ этомъ направленіи до широты 69° 13′ и нашедъ, что берегъ уклоняется къ западу, а глубина уменьшается, онъ возвратился къ прежде сыскашному имъ проливу. Войдя въ него, онъ нашелъ глубину отъ 10-ти до 5-ти саженъ, и ставъ на якорь, отправилъ гребныя суда впередъ для промѣра. Вскорѣ получена отъ нихъ радостная вѣсть, что далѣе къ востоку вода глубже, синѣе и солонѣе: итакъ не было уже сомнѣнія въ близости открытаго моря, и въ этомъ онъ еще болѣе убѣдился сильнымъ теченіемъ, приносившимъ съ собою множество льда. Удостовѣрясь всѣмъ этимъ, что онъ находится въ проливѣ, онъ далъ ему имя Нассавскаго (De straet van Nassau), въ честь принца Маврикія Оранскаго, принимавшаго живое участіе въ этой экспедиціи. Этотъ проливъ есть нашъ Югорскій Шаръ. На берегу острова Вайгача, который Голландцы назвали Энкгейзенскимъ, они нашли до 400 деревянныхъ истукановъ, весьма грубаго издѣлья, и вслѣдствіе того назвали это мѣсто мысомъ Идоловъ (Afgodenhoeck). На нашихъ картахъ онъ называется Болвановскимъ. Широту они нашли здѣсь 69° 43′. 1-го августа, плывя далѣе, вышли изъ пролива въ открытое море, т. е. Карское, но они дали ему названіе Новаго Сѣвернаго моря (nieuwe Noort Zee). Тутъ они встрѣтили столько льду, что уже готовы были вернуться, какъ къ великой радости своей открыли островокъ, за которымъ на глубинѣ 5-ти саженъ могли стать на якорь. Островокъ этотъ, — Мясной нашихъ картъ, — они назвали островомъ Штатовъ (het Staaten Eylant). Тутъ найдено было ими много горнаго хрусталя, похожаго на шлифованный алмазъ. Далѣе этого острова, миляхъ въ 8-ми отъ берега, найдена глубина 132 сажени, грунтъ-илъ. Затѣмъ они опять встрѣтили ледъ, но миновавъ его, 37 или 38 миль далѣе усмотрѣли низменный и ровный берегъ, простиравшійся отъ SW къ NO. Глубина тутъ оказалась не болѣе 7 саженъ. Къ югу видѣнъ былъ заливъ, въ который какъ бы впадала большая рѣка, а 5-ью милями далѣе еще другая. Эти двѣ рѣки они наименовали по своимъ судамъ, — Меркурій и Лебедь. Въ разстояніи около 50-ти миль отъ Нассавскаго пролива они видѣли къ NO другой берегъ, изъ чего заключили, что вышеуказанная большая рѣка должна быть Обь[1]), что берегъ оттуда простирается прямо къ мысу Табину (Tabijn), а далѣе прямо къ вожделѣнной ихъ цѣли, Китаю, и что имъ слѣдовательно ничего не остается болѣе открывать. Вслѣдствіе этого, назвавъ берегъ между Нассавскимъ проливомъ и рѣкою Обью Новою Голландіею, они съ общаго совѣщанія положили прекратить дальнѣйшее слѣдованіе. 12-го августа они на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде были остановлены льдомъ, вовсе уже его не встрѣтили. 15-го числа они опять прошли Нассавскимъ проливомъ, а къ западу отъ него миляхъ въ 12-ти открыли три острова, по близости которыхъ встрѣтили отрядъ Баренца. 16-го чис-

[1]) Но это была вовсе не Обь, а вѣроятно Мутная губа.

ла оба отряда предприняли обратный путь въ Голландію, 24-го прибыли въ Вардегусъ, а 16-го сентября возвратились въ Тексель.

Хотя эта экспедиція и не вполнѣ разрѣшила возложенную на нее задачу, однако она во всякомъ случаѣ была важнѣйшею изъ всѣхъ, дотолѣ предпринятыхъ въ Ледовитое море, впервые сообщивъ достовѣрныя свѣдѣнія о западномъ берегѣ Новой Земли и о Югорскомъ Шарѣ, который они называли Вайгачскимъ проливомъ.

Надежды, возбужденныя въ Голландіи открытіями Баренца и Ная были такъ велики, что уже въ слѣдующемъ (1595) году, при содѣйствіи Генеральныхъ Штатовъ и принца Маврикія Оранскаго снаряжена была для продолженія ихъ изысканій эскадра изъ семи судовъ. Главное начальство надъ нею снова было ввѣрено адмиралу Наю, а прочими судами командовали капитаны: Вильгельмъ Баренцъ, Брандтъ Тетгалесъ, Ламбертъ Оомъ, Томасъ Виллемсъ, Германъ Янсонъ и Генрихъ Гартманъ. Сверхъ того, экспедицію сопровождали въ званіи оберъ-коммисаровъ—Линшотенъ, Де ла-Даль, Гемскеркъ, Рипъ и Бенсъ (Buys), а въ качествѣ толмача славянинъ Сплиндлеръ. Эскадра, 2-го іюля оставила берега Голландіи, 7-го августа обогнула Нордканъ, а потомъ суда раздѣлились: одни пошли въ Бѣлое море, а другія отправились къ востоку для открытій. 17-го числа въ широтѣ $70\frac{1}{2}$° и въ разстояніи около 12-ть миль отъ Новой Земли послѣднія встрѣтили сплошные льды, и послѣ весьма опаснаго плаванія 19-го числа прибыли въ Югорскій Шаръ, который совершенно былъ загроможденъ льдами. Укрывшись близъ острова Вайгача, они простояли тамъ 6 дней, и тогда увидѣли двѣ русскія лодьи, изъ которыхъ одна была изъ Пинеги. Отъ бывшихъ на ней промышленниковъ они узнали, что ежегодно изъ Холмогоръ нѣсколько лодей ходятъ въ рѣку Обь и далѣе въ Енисей съ сукнами и другими товарами и, что обитатели этой рѣки такъ же какъ и они сами греко-россійскаго исповѣданія. Все это было впослѣдствіи подтверждено имъ и Самоѣдами. 25-го августа Голландцы пытались пройти далѣе къ востоку; но по причинѣ льдовъ должны были вернуться на прежнюю свою стоянку; 2-го сентября они возобновили свою попытку и наконецъ вышли въ Новое Сѣверное т. е. Карское море. Сначала все шло благополучно: они видѣли передъ собою открытое море, глубиною болѣе стадесяти саженъ, въ которомъ плескались огромные киты. Но внезапно настала сильная буря съ сѣверозапада и они усмотрѣли огромныя массы льда, несшіяся имъ на встрѣчу. Не смотря на то, они пытались проникнуть далѣе къ сѣверовостоку; однако усилившаяся непогода принудила ихъ искать себѣ пристанище за островомъ Штатовъ (Мяснымъ). 8-го числа созванъ былъ совѣтъ, на которомъ большинство голосовъ рѣшило, что по причинѣ непреодолимыхъ преградъ не остается ничего другаго, какъ предпринять обратный путь. Одинъ только Баренцъ былъ противнаго мнѣнія и настаивалъ на томъ, что надобно еще разъ попытаться пройти къ сѣверу отъ Новой Земли, или, перезимовавъ на мѣстѣ, отложить дальнѣйшее плаваніе до слѣдующаго лѣта. Но это мнѣніе было отвергнуто. Впрочемъ 11-го числа вторично сдѣлана была попытка проникнуть далѣе, но безъ успѣха. Тогда 15-го числа снова былъ собранъ совѣтъ, на которомъ окончательно рѣшено возвратиться. Постановленіе это подписано адмираломъ и всѣми чинами совѣта, за исключеніемъ одного

Баренца. Послѣ опаснаго плаванія, экспедиція, изнуренная трудами и цынгою, поздиею осенью возвратилась въ свое отечество.

Послѣ неудачи этого предпріятія, стоившаго такихъ большихъ издержекъ, Генеральные Штаты отказались отъ снаряженія новой, подобной экспедиціи на свой счетъ; однако чтобы не пресѣчь навсегда возможности такого рода попытокъ, они обѣщали награду тому, кто откроетъ искомый путь. Вслѣдствіе этого нѣсколько членовъ Амстердамскаго Магистрата въ 1596 году снарядили на своемъ иждивеніи два судна, изъ которыхъ одно было ввѣрено капитану Якову Гемскерку, а другое Яну Корнелису Рипу. Главнымъ же кормчимъ на первомъ судиѣ снова былъ назначенъ Баренцъ. Снявшись съ якоря въ Амстердамѣ 10 мая, они 18-го числа оставили Фрисландъ. Но вскорѣ между ними возникло несогласіе. Баренцъ полагалъ, что надобно плыть восточнѣе, Рипъ же объявилъ, что не намѣренъ идти Вайгачскимъ проливомъ, а какъ послѣдній не хотѣлъ отступить отъ своего мнѣнія, то Баренцъ долженъ былъ согласиться съ нимъ. Уже съ 5-го іюня они встрѣтили множество льда, но за всѣмъ тѣмъ продолжали свое плаваніе. 9-го числа они въ широтѣ 74° 40′ открыли островъ, на которомъ убили огромнаго медвѣдя, вслѣдствіе чего дали острову названіе Медвѣжьяго. У русскихъ промышленниковъ онъ просто называется Медвѣдемъ. Тутъ возобновился прежній споръ и мнѣніе Рипа снова восторжествовало: суда поплыли къ сѣверу и въ широтѣ 80° 11′ открыли другой еще бо̀льшій и весьма высокій островъ, который Голландцы сначала приняли было за часть Гренландіи, но который впослѣдствіи времени получилъ названіе Шпицбергена. На этомъ островѣ, самомъ сѣверномъ изъ всѣхъ дотолѣ извѣстныхъ, они однако видѣли обильную траву и зелень. Изъ животныхъ тамъ водились бѣлые медвѣди, дикіе огромные волов, олени, питавшіеся мхомъ и столь тучные, что мясо ихъ составляетъ отличную пищу, также лисицы бѣлыя, сѣрыя и черныя.

Вскорѣ однако ледъ принудилъ ихъ возвратиться къ югу. 1-го іюля они опять прибыли къ Медвѣжьему острову; но тутъ Баренцъ и Рипъ окончательно разошлись въ своихъ мнѣніяхъ. Рипъ надѣялся сыскать проходъ сѣвернѣе, т. е. къ востоку отъ найденной имъ земли, а Баренцъ направился къ Новой Землѣ. 17-го іюля онъ достигъ ее въ широтѣ 74°40′. Съ неимовѣрнымъ трудомъ, почти непрерывно борясь со льдами, онъ пробирался вдоль западнаго берега Новой Земли: 15-го, достигъ Оранскихъ острововъ, а 19-го—мыса Желанія (Hoeck van Begeerte). Отсюда направился къ SO. 21-го числа ледъ принудилъ его укрыться въ Ледяной гавани (Yshaven). 24-го числа льдомъ сломало ихъ руль и раздробило шлюбку. 25-го, теченіемъ очистило почти всю гавань отъ льда и Баренцъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, вступилъ подъ паруса, но на другой день судно опять было совершенно затерто льдомъ, такъ что моряки принуждены были остаться тутъ зимовать.

Это было въ широтѣ ровно 76°. Судно Голландцевъ вскорѣ было сперто льдами. Къ счастію они нашли на берегу довольно наноснаго лѣсу, какъ для топлива, такъ и для того, чтобы хоть кое-какъ сколотить себѣ самую простую лачугу. Они обили ее досками отъ внѣшней обшивки своего судна: внутри сдѣлали очагъ, а вверху—отверстіе для выхода дыма. Эта работа, стоившая имъ, при изнуренномъ ихъ состояніи, немалаго труда, была окончена ко

2-му числу октября. Съ корабля имъ удалось спасти часть своихъ припасовъ, инструментовъ и оружія, такъ что существованіе ихъ было, по крайней мѣрѣ на зиму, нѣсколько обезпечено. Но между тѣмъ холодъ усиливался почти съ каждымъ днемъ, и хотя у нихъ не было прибора для измѣренія въ точности его степени, однако они могли судить о немъ по его дѣйствіямъ. Если случалось матросу невзначай брать въ ротъ гвоздикъ, какъ водится при работѣ, то при выниманіи его, онъ сдиралъ себѣ кожицу съ губъ и текла кровь [1]). Пиво и даже крѣпчайшее вино замерзали въ избѣ такъ сильно, что разрывали бочки и вся ихъ сила сосредоточивалась въ самой ихъ серединѣ, а вся ихъ прочая оболочка была голый ледъ, имѣвшій вкусъ дурной воды. Если они вѣшали свое платье сушить, то сторона его, болѣе удаленная отъ огня, совсѣмъ застывала; постели ихъ покрывались льдомъ пальца на-два. Они безпрерывно поддерживали на очагѣ огонь, на какой конецъ сбирали дрова по берегу издалека. Однажды, чтобы избавиться отъ труда искать ихъ, они вздумали было употребить остававшійся въ судѣ каменный уголь, но едва не задохлись отъ чаду. Самый огонь, казалось, потерялъ всю свою силу согрѣванія. Чулки ихъ вовсе сгорали, прежде нежели ноги могли согрѣться, и самое это сгараніе они замѣчали болѣе по запаху, нежели по осязанію. 4-го ноября солнце вовсе скрылось подъ горизонтъ и они погрузились въ безразсвѣтную мглу, которая продолжалась 81 день; но въ замѣнъ того луна свѣтила имъ нѣкоторое время безпрерывно. Съ удаленіемъ солнца бѣлые медвѣди впали въ зимній сонъ, но на мѣсто ихъ явились песцы, которыхъ Голландцы много ловили въ западныхъ. Мясомъ ихъ они питались, а шкуры ихъ употребляли для одежды. Медвѣди доставляли имъ сало на освѣщеніе ихъ избы, и теплыя покрывала. Къ подкрѣпленію же силъ своихъ они, по совѣту врача, брали нерѣдко теплыя ванны въ нарочно для того приготовленной винной бочкѣ.

При всѣхъ бѣдствіяхъ и лишеніяхъ, которымъ подвергались эти заброшенные въ ледистую пустыню моряки, они ни мало не предавались унынію. Въ благопріятную погоду предпринимали отдаленныя прогулки, упражнялись въ бѣганіи, стрѣльбѣ въ цѣль, или тѣшились охотою, а нерѣдко даже предавались шуткамъ и веселью. Бодрый духъ начальника, казалось, одушевлялъ всѣхъ. 6-го января, въ Крещеніе, они просили у него дозволеніе отпраздновать этотъ, столь важный для Голландцевъ день, особымъ торжествомъ [2]). Этою-то веселостію и дѣятельностью духа они, вѣроятно, и предохранили себя отъ цынги, самаго страшнаго бича тамошнихъ странъ.

[1]) Подобнымъ образомъ д-ръ Кэнъ разсказываетъ въ своемъ путешествіи по глубокому сѣверу, что одинъ изъ его матросовъ, соблазнясь хрустальною прозрачностью ледяной сосульки, захотѣлъ было раскусить ее зубами; но дорого поплатился за эту прихотливость: одинъ кусокъ примерзъ къ языку его, а другой къ губамъ, и каждый изъ нихъ содралъ у него по кусочку кожицы.

[2]) Такъ и въ Гриннелеву экспедицію зимовавшій въ 1853 г. на крайнемъ сѣверѣ Гренландіи экипажъ, въ морозъ $34^1/_2$ градусовъ по Реомюру, праздновалъ день рожденія Вашингтона разыгриваніемъ какой-то комической піэсы, и д-ръ Кэнъ шутливо замѣчаетъ по этому поводу, что это было вѣроятно самое низшее стояніе температуры, какимъ когда либо могло похвалиться театральное представленіе. Капитанъ Парри, во время своей зимовки на островѣ Мельвиля, также занималъ экипажъ своихъ судовъ драматическими представле-

24-го января 1597 года снова появилось солнце, но холодъ продолжался по прежнему. Въ исходѣ апрѣля и въ началѣ мая море совсѣмъ очистилось отъ льда и они стали помышлять о томъ, какъ освободиться изъ своего заключенія. Судно ихъ оставалось недвижимо, а посему единственнаго спасенія они могли ожидать отъ своихъ шлюбокъ. Не безъ большаго труда имъ удалось вырыть ихъ изъ подъ снѣгу; но наносимый сѣверо-восточными вѣтрами ледъ иногда разстроивалъ всѣ ихъ планы. Наконецъ все было готово къ отплытію и утромъ 14-го іюня они простились съ хладнымъ, безлюднымъ берегомъ, на которомъ провели 8-мь ужасныхъ мѣсяцевъ. Къ счастію они еще могли взять съ собою нѣсколько уцѣлѣвшихъ отъ зимы припасовъ. Передъ самымъ отъѣздомъ своимъ Баренцъ написалъ краткое извѣстіе обо всемъ случившемся съ ними и спряталъ этотъ листокъ въ трубѣ ихъ жилища; а сверхъ того составилъ за подписью всѣхъ своихъ спутниковъ актъ о причинахъ, заставившихъ ихъ покинуть судно. Они направили путь свой къ сѣверу около Новой Земли, подвергаясь на бурномъ морѣ въ открытыхъ ботахъ неимовѣрнымъ трудностямъ и опасностямъ. 20-го числа они достигли Ледянаго мыса; но тутъ имъ было суждено понести тяжкую потерю: Баренцъ, уже давно одержимый недугомъ, почувствовалъ приближающуюся свою кончину. Еще утромъ того дня онъ прилежно разсматривалъ карту мѣстностей, ими посѣщенныхъ, а вскорѣ потомъ просилъ, чтобы его приподняли въ ботѣ. Желаніе его было исполнено, и между тѣмъ, какъ онъ взорами еще разъ окидывалъ поприще сокрушенныхъ своихъ надеждъ, духъ его отлетѣлъ въ вѣчную обитель [1]). 23-го числа спутники его достигли мыса Утѣшенія въ широтѣ 76° 30′, а 24-го обогнули мысъ Нассавскій. Отсюда до Крестоваго острова,—всего не болѣе 15-ти миль,—они плыли 25 дней. 20-го іюля оставили Крестовый островъ, 21-го миновали мысъ Лангенесъ (Сухой Носъ), а 22-го укрылись въ большомъ заливѣ, въ широтѣ 73° 10′, гдѣ пробыли 4 дня. Минмый заливъ этотъ былъ такъ обширенъ, что войдя въ него 26-го числа около полудня, они вышли изъ него не прежде полуночи. Судя по указанной широтѣ и обширности, этотъ заливъ былъ ничто иное какъ Маточкинъ Шаръ, открытіе котораго, при жизни Баренца, было бы столь важно для Голландцевъ и, конечно, повело бы ихъ къ новымъ изслѣдованіямъ. Пробираясь далѣе между льдовъ, они, 28-го числа, прибыли къ губѣ св. Лаврентія (Строгановской). Тутъ они къ большой радости своей встрѣтили двѣ русскія лодьи и получили отъ бывшихъ на нихъ промышленниковъ хлѣбъ, копченую дичину и всякую помощь. Уже страдая всѣ цынгою, Голландцы нашли большое облегченіе отъ водящейся тамъ въ изобиліи Ложечной травы (Cochlearia officinalis). 3-го августа они направились къ матерому берегу, который увидѣли на слѣдующій день, около рѣки Печоры. Въ дальнѣйшее свое плаваніе они уже чаще встрѣчали Русскихъ, которые оказывали имъ всякую помощь. 18-го числа прошли Канинъ-Носъ, а 24-го при-

ніями, а сверхъ того изданіемъ для него особой газеты и даже учрежденіемъ школы для матросовъ. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что экспедиціи Кэна и Парри были гораздо болѣе приготовлены къ перенесенію суровости арктическаго климата, чѣмъ Баренцъ, котораго полярная зима застала, такъ сказать, въ расплохъ.

[1]) J. Shillinglaw. A narrative of Arctic discovery. London, 1850, стр. 74, 75.

*

были къ Семи Островамъ, гдѣ услышали радостную вѣсть, что въ Колѣ находится голландское судно. Это былъ капитанъ Янъ Корнелисъ Рипъ, тотъ самый, съ коимъ они въ прошломъ году разлучились у Медвѣжьева острова. Претерпѣвъ неудачу въ своемъ покушеніи пройти къ сѣверу, онъ вернулся въ Голландію, а потомъ предпринялъ другое путешествіе, болѣе съ промышленною цѣлью, и теперь готовился было плыть обратно въ свою отчизну. Извѣщенный чрезъ Лопарей о бѣдственномъ положеніи своихъ единоземцевъ, онъ самъ поспѣшилъ къ нимъ на помощь, взявъ съ собою все, въ чемъ они могли нуждаться.

По прибытіи своемъ въ Колу, 2-го сентября, столь дивнымъ образомъ избѣгшіе погибели моряки, съ разрѣшенія тогдашняго воеводы, принесли свои два бота въ гостинный дворъ, для храненія ихъ тамъ въ память неслыханнаго ихъ плаванія. Сами же они на суднѣ капитана Рипа предприняли обратный путь въ свое отечество и 1-го ноября благополучно прибыли въ Амстердамъ — къ великой радости своихъ соотчичей, которые уже считали ихъ погибшими. Но изъ числа 17-ти человѣкъ, выброшенныхъ на Новую Землю, только 12-ть снова увидѣли родной берегъ. Прочіе пятеро пали жертвою утомленія и суровости климата.

Память объ этой необыкновенной зимовкѣ еще понынѣ сохраняется въ преданіяхъ Новоземельскихъ промышленниковъ и они называютъ мѣсто ихъ зимовья Спорай-наволокомъ. Но самая ихъ обитель, наскоро ими импровизованная среди льдовъ и снѣга, вѣроятно была разрушена непогодою или непощадною рукою времени.

Съ исторіею открытій на Новой Землѣ связано еще имя знаменитаго мореплавателя, состоявшаго нѣкоторое время въ службѣ Англійско-Московской компаніи, Генриха Гудсона. Послѣ первой, дотолѣ безпримѣрной по отважности замысла, но конечно неудачной, своей попытки въ 1607 году открыть путь въ Индію, плывя прямо на сѣверъ черезъ полюсъ, онъ въ слѣдующемъ году предпринялъ новое покушеніе, но на этотъ разъ уже къ сѣверо-востоку. Вышедъ 22-го апрѣля изъ Темзы на небольшомъ суднѣ сказанной компаніи, онъ, 3-го іюня, обогнулъ Нордканъ, а 9-го—въ широтѣ $75^{1}/_{2}^{\circ}$ встрѣтилъ густой ледъ, отъ котораго, какъ онъ самъ пишетъ, отдѣлался только нѣсколькими толчками (with only a few rubs). Медленно пробираясь впередъ съ 9-го по 15-ое іюня, онъ былъ принужденъ жестокими сѣверными и сѣверо-восточными вѣтрами направиться къ югу и, 25-го числа, въ широтѣ $72^{\circ}\ 12'$ присталъ къ Новой Землѣ. Здѣсь онъ нашелъ на берегу множество китовыхъ костей и оленьихъ роговъ, между тѣмъ какъ море было наполнено моржами, китами и тюленями. Видъ Новой Земли произвелъ на него пріятное впечатлѣніе [1]). Вершины довольно высокихъ горъ были покрыты снѣгомъ, тогда какъ у подошвы ихъ зеленѣлась трава и паслись олени. Тутъ онъ видѣлъ также большую рѣку [2]), протекавшую отъ ХО и высылалъ нѣсколько человѣкъ для развѣдки, не найдется-ли въ этомъ мѣстѣ искомаго прохода; но они воротились безъ всякаго успѣха. Онъ надѣялся по крайней мѣрѣ покрыть издержки пред-

---

[1]) Судя по градусу широты, Гудсонъ вѣроятно приставалъ къ берегамъ Гусиной Земли, гдѣ растительность вообще нѣсколько обильнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Новой Земли.

[2]) Можетъ быть рѣка Гусиниха, имѣющая длину около 13-ти верстъ.

пріятія обильнымъ ловомъ морскихъ животныхъ, но и въ этомъ разсчетѣ ошибся. Наконецъ онъ сдѣлалъ еще попытку проникнуть далѣе мимо Вайгача и устья рѣки Оби; однако и тутъ встрѣтилъ непреодолимыя преграды. Итакъ, съ сокрушенными надеждами (being void of hope of a north-east passage), 6-го іюля предпринялъ обратный путь свой и 26-го августа прибылъ въ Гревезендъ.

Это путешествіе Гудсона замѣчательно тѣмъ, что въ продолженіе его произведены были первыя наблюденія надъ наклоненіемъ магнитной стрѣлки на глубокомъ сѣверѣ.

Два года спустя (1609) Гудсонъ, перешедъ въ службу Голландской Ость-Индской компаніи, возобновилъ свою попытку искапія пути къ сѣверо-востоку. Отправясь изъ Текселя, 25-го марта, онъ ровно черезъ мѣсяцъ обошелъ Нордканъ и прямо направился къ Новой Землѣ. Но нашедъ ее 4-го мая совершенно опоясанною крѣпкимъ и сплошнымъ льдомъ (he found the whole country blocked-up with firm and solid ice), вернулся 19-го мая въ Вардегусъ, а оттуда взялъ свой курсъ къ берегу Сѣверной Америки, чтобы искать желаемаго пути въ противоположномъ направленіи.

По прошествіи трехъ лѣтъ (1612) сдѣлана была изъ Голландіи новая попытка отыскать желаемый путь, на этотъ разъ къ сѣверу отъ Новой Земли. Шкиперъ Янъ Корнелиссонъ Фанъ-Горнъ, миновавъ островъ Кильдинъ, пошелъ прямо къ Новой Землѣ, которой достигъ 30-го іюня. Плывя вдоль берега къ сѣверу, онъ, 8-го іюля, встрѣтилъ сплошной ледъ, къ нему примыкавшій. Затѣмъ, прослѣдивъ этотъ ледъ къ СЗ. до $76\frac{1}{2}^{\circ}$ широты, онъ возвратился къ Новой Землѣ; 29-го іюля снова пустился къ СЗ. вдоль тѣхъ же самыхъ льдовъ и, достигши широты 77°, опять былъ принужденъ вернуться къ берегу, послѣ чего, отчаиваясь въ дальнѣйшемъ успѣхѣ своего предпріятія, возвратился въ Голландію.

Учрежденная въ 1614 году Сѣверная или Гренландская компанія снарядила въ 1625 году судно подъ командою Корнелія Босмана, для отысканія пути въ Китай съ сѣверо-востока. Оставивъ Тексель 24-го іюня и миновавъ, спустя мѣсяцъ, островъ Колгуевъ, онъ 28-го іюля достигъ Новой Земли въ широтѣ 71°55′. Сильный ледъ, встрѣченный имъ здѣсь, принудилъ его искать убѣжище въ губѣ, усѣянной островами. Не прежде 7-го августа онъ могъ выйти изъ нее, 10-го числа вошелъ въ Нассавскій проливъ (Югорскій Шаръ), а двумя днями позже въ Карское море. Но тутъ усилившіеся льды скоро принудили его воротиться въ сказанный проливъ, а 24-го августа насталъ такой штормъ съ востока, что судно его было сорвано съ обоихъ якорей, и тогда, видя невозможность всякаго дальнѣйшаго слѣдованія къ востоку, онъ направилъ свой путь обратно въ Голландію, куда прибылъ 15-го сентября.

Съ тѣхъ поръ Голландцы оставили свои замыслы насчетъ отысканія сѣверо-восточнаго пути въ Индію и посѣщали Новую Землю единственно для ловли китовъ, да и то только до тѣхъ поръ, пока не узнали, что киты водятся преимущественно у береговъ Шпицбергена и Гренландіи.

Послѣ Голландцевъ на поприщѣ Ледовитаго моря являются Датчане. Учрежденная въ 1647 году королемъ Фридрихомъ III компанія въ 1653 году выслала туда три судна. Эта

экспедиція посѣтила Новую Землю, гдѣ пробыла 16 дней, а потомъ пыталась пройти далѣе къ востоку чрезъ проливъ Вайгачъ, но безъ успѣха, послѣ чего коснувшись еще Гренландіи и Исландіи, возвратилась въ Копенгагенъ. Къ сожалѣнію это путешествіе не нашло себѣ достойнаго повѣствователя: описаніе же его, составленное врачемъ экспедиціи, де-ла-Мартиньеромъ, принадлежитъ болѣе къ области вымысла, чѣмъ науки.

Гораздо важнѣе путешествіе голландскаго китолова Фламинга, 1664 года. Въ надеждѣ на хорошій промыселъ, онъ обратился къ Новой Землѣ и, не встрѣчая препятствія со стороны льдовъ, прошелъ около мыса Желанія до того мѣста, гдѣ зимовалъ Гемскеркъ, а оттуда къ OSO до широты 74°, находя вездѣ передъ собою открытое море. Изъ этого онъ заключилъ, что матерая земля Татаріи, т. е. Сибири, не далека отъ него—догадка, которая подала поводъ къ тому, что Диркъ-ванъ-Нпронъ внесъ на свою карту въ этомъ направленіи особую землю, которой по имени боцмана этой экспедиціи далъ названіе Іелмеровой земли (Jelmerland). Изъ этого путешествія явствуетъ важное обстоятельство, что море около Новой Земли въ иные годы бываетъ совершенно свободно отъ льдовъ.

Въ 1688 году шкиперъ Фламингъ возобновилъ свое путешествіе къ Новой Землѣ и въ это плаваніе также не встрѣтилъ льда, а только сильныя непогоды. Онъ въ этотъ разъ былъ не только въ Костиномъ, но, повидимому, и въ Маточкиномъ-Шарѣ, какъ это можно заключить изъ его словъ, что онъ между Іангенесомъ и Groote-bay всходилъ на высокую гору, откуда могъ видѣть довольно широкій проливъ въ направленіи къ востоку, неимѣвшій будто-бы конца. Впрочемъ надобно замѣтить, что оба эти путешествія описаны не самимъ Фламингомъ, а со словъ его бургомистромъ Витсеномъ, вѣроятно уже много лѣтъ по ихъ совершеніи.

За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ послѣднимъ путешествіемъ Фламинга, (1675) другой голландскій китоловный шкиперъ Корнелисъ Сноббегеръ посѣщалъ Новую Землю и нашедъ въ горахъ ея, въ широтѣ $73\frac{1}{2}°$, блестящіе камни, которые по его мнѣнію должны были содержать въ себѣ серебро, нагрузилъ ими свое судно. Но содержаніе серебра въ этой рудѣ оказалось самое ничтожное, не болѣе двухъ лотъ серебра во 100 фунтахъ, а слѣдовательно добываніе его не представляло никакой выгоды.

Около этого времени, въ 1676 году, нашелся въ Англіи новый охотникъ къ отысканію сѣверо-восточнаго пути. Убѣжденный въ томъ, что этого пути надобно искать по срединѣ между Шпицбергеномъ и Новою Землею, королевскаго флота капитанъ Вудъ (John Wood) представилъ свой проектъ королю и вслѣдствіе того ему порученъ былъ фрегатъ Спидвель (Speedwell) вмѣстѣ съ шнякою Проспероз (Prosperous), непосредственнымъ начальникомъ которой назначенъ былъ капитанъ Флаусъ (William Flawes). Но экспедиція эта, стоившая не малыхъ издержекъ, осталась безъ всякихъ послѣдствій. Прибывъ къ Новой Землѣ 26-го іюня, Вудъ увидѣлъ берегъ ея въ широтѣ 74° 46′ и въ долготѣ 54° 04′ окруженнымъ непроходимыми льдами и послѣ многихъ опасностей, видя всю безполезность дальнѣйшихъ усилій, поспѣшилъ возвратиться въ Англію.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что въ продолженіе болѣе столѣтія три море-

ходныя націи, преслѣдуя торговыя свои цѣли, имѣли безпрерывно въ виду Новую Землю, какъ главную станцію на предполагаемомъ ими новомъ пути въ Китай и Индію. Какое же участіе въ этомъ соревнованіи народовъ имѣла Россія, которая — какъ обладательница Ледовитаго моря — должна была наиболѣе интересоваться подобнаго рода предпріятіями? О плаваніи Ледовитымъ моремъ въ Китай и далѣе она, конечно, не могла еще и помышлять уже по одной причинѣ неразвитости въ то время морскихъ ея силъ. Но она могла съ большою выгодою заниматься въ тамошнихъ краяхъ рыбнымъ и звѣринымъ промыслами, и что частные ея промышленники во все это время, какъ и прежде, на утлыхъ своихъ лодьяхъ и корбасахъ посѣщали Новую Землю, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Въ послѣдствіи времени, однако, эти смѣлыя плаванія, которыя во всякомъ случаѣ были для Русскихъ отличною школою мореходства, вовсе прекратились, вслѣдствіе разныхъ преградъ и стѣсненій, поставленныхъ имъ со стороны недальновидныхъ мѣстныхъ начальствъ.

Наконецъ съ XVIII столѣтія наступила и для Россіи пора дѣятельнаго участія въ изслѣдованіи глубокаго сѣвера. Не распространяясь здѣсь о пятилѣтней экспедиціи въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, — предпріятіи, собственно не коснувшемся Новой Земли, а только какъ бы подготовившемъ ея изслѣдованіе, — ни о путешествіи кормщика Юшкова, въ 1757 году отправленнаго на Новую Землю для добычи серебра, которое тамъ будто бы въ изобиліи выходитъ на поверхность земли въ видѣ какой-то накипи, ни о плаваніи другаго кормщика, Олончанина Саввы Лошкина, который около 1760 года на небольшомъ суднѣ объѣхалъ весь восточный берегъ Новой Земли для звѣриныхъ промысловъ и даже, какъ сказываютъ, проводилъ тамъ двѣ зимы и только на третье лѣто успѣлъ около мыса «Доходы» перекинуться на западную сторону острова, такъ какъ объ этомъ подвигѣ не имѣется положительныхъ свѣдѣній, а сохранились одни только преданія,—можно прямо начать съ первой экспедиціи, имѣвшей прямою своею цѣлью опись Новой Земли.

Впрочемъ ближайшимъ поводомъ къ предпринятію и первой русской гидрографической экспедиціи на Новую Землю были также виды корысти. Въ 1768 году одинъ богатый архангельскій купецъ, по имени Барминъ, снарядилъ на свой счетъ кочмару [1]), для возобновленія попытки отыскать на Новой Землѣ серебро. Но какъ въ то же время правительство имѣло въ виду произвести опись Новой Земли, то архангелогородскій губернаторъ Головцынъ назначилъ на этотъ конецъ штурмана Розмыслова. Ему же купецъ Барминъ поручилъ въ управленіе свою кочмару. Получивъ въ помощь отъ правительства подштурмана Губина и 2-хъ матросовъ, а отъ купца Бармина кормщика Чиракина и 9-ть человѣкъ работниковъ, Розмысловъ отправился изъ Архангельска 10-го іюля. Но сильные противные вѣтры были причиною, что онъ не прежде 28-го числа могъ выйти изъ Бѣлаго моря и едва онъ миновалъ Святой Носъ, какъ буря снова принудила его стать на якорь за Семью Островами. Направясь оттуда 3-го августа прямо на СВ, онъ въ третьи сутки, т. е. 6-го августа, увидѣлъ берегъ Новой Земли, а именно у Гусинаго Носа. Затѣмъ, взявъ къ сѣ-

[1]) Трехмачтовое судно, подымающее до 500 пудовъ грузу.

веру, 9-го числа прибылъ въ Бритвину губу, гдѣ бросилъ якорь за Бритвинымъ островомъ на глубинѣ 5-ти саженъ. Бритвинъ заливъ, по свидѣтельству Розмыслова, самое безопасное мѣсто для стоянки судовъ. Защищенный отъ вѣтровъ горами, онъ весьма пространенъ, — а именно до 10-ти италіанскихъ миль окружностью,—такъ что въ случаѣ усиленія вѣтра съ моря, можно уходить въ глубь залива за Утиный Носъ. Пробывъ здѣсь до 12-го августа, онъ продолжалъ свой путь къ сѣверу вдоль невысокаго, но утесистаго берега до Безымяннаго залива. Эта губа, простирающаяся на 6-ть миль къ ЮВ, окружена высокими горами, покрытыми снѣгомъ, въ отдаленіи за которыми видны были другія еще высшія горы. Потомъ, проплывъ въ сопровожденіи промышленничьей лодьи еще нѣсколько дней къ сѣверу, кочмара 14-го числа пришла къ Панкову острову, лежащему въ самомъ устьѣ Маточкина Шара. 15-го она вдалась въ самый проливъ, но прошедъ 7-мь миль до Бараньяго мыса, должна была стать на якорь, потому что кормщикъ Чпракинъ, никогда не бывавшій за предѣломъ этого мѣста, не брался вести ее далѣе. 18-го числа Розмысловъ самъ отправился на гребномъ суднѣ далѣе внутрь Маточкина Шара для промѣра его глубины. Онъ нашелъ ее среднимъ числомъ отъ 7 до 15-ти саженъ; но, достигши Моржоваго мыса, по причинѣ сильныхъ вѣтровъ и теченія, долженъ былъ воротиться къ судну. 22-го числа онъ послалъ подштурмана Губина для описи южнаго берега Маточкина Шара къ западному его устью до рѣки Медвяники. По исполненіи этого дѣла, Губинъ 30-го числа возвратился къ кочмарѣ и вслѣдъ затѣмъ Розмысловъ снова на гребномъ суднѣ самъ предпринялъ окончательную опись Маточкина Шара, съ намѣреніемъ пройти и въ Карское море. Глубина пролива отъ Моржоваго мыса продолжалась отъ 9 до 15-ти саженъ, а далѣе къ выходу въ Карское море возрасла до 90 саженъ. Льду совсѣмъ не было въ проливѣ и, достигши восточнаго его устья, Розмысловъ взошелъ на высокую гору, откуда могъ видѣть и Карское море, докуда ни простирались взоры, совершенно свободнымъ отъ льда. Къ крайнему его сожалѣнію ненадежность его судна не дозволила ему воспользоваться столь благопріятнымъ обстоятельствомъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Итакъ, онъ воротился къ своей кочмарѣ (3-го сентября) и какъ уже наступала поздняя осень, и начинали усиливаться морозы, то онъ рѣшился зимовать въ небольшой бухтѣ Маточкина Шара, называемой Тюленьею, въ широтѣ 73° 18′ и въ разстояніи 11-ти италіанскихъ миль отъ Карскаго моря.

При отбытіи своемъ изъ Архангельска Розмысловъ на случай зимовки взялъ съ собою разобранную избу. Но какъ она была слишкомъ мала для помѣщенія всей его команды, то онъ разобралъ другую избу, оставленную на берегу промышленниками и, взявъ ее на судно, поплылъ къ мѣсту, избранному имъ для зимовки, куда прибылъ 7-го сентября. Здѣсь онъ собралъ на берегу одну избу, а другую поставилъ на южномъ берегу Маточкина Шара, въ 5-ти миляхъ далѣе къ востоку на Дровяномъ мысѣ, въ надеждѣ зимою имѣть тѣмъ выгоднѣйшіе промыслы. Самую же кочмару онъ прикрѣпилъ къ берегу, убравъ съ нея напередъ въ интрюмъ всѣ снасти и паруса, а людей своихъ размѣстилъ по 7-ми человѣкъ въ каждой избѣ.

20-го сентября Маточкинъ Шаръ, а 25-го и Карское море покрылись льдомъ.

Съ 27-го октября солнце скрылось подъ горизонтъ и наступила непрерывная ночь. Тогда окна у избы были закрыты и законопачены, и внутри ея стали содержать безпрестанный огонь. Жестокіе морозы, продолжительныя вьюги и выпавшій глубокій снѣгъ не дозволяли людямъ выходить изъ избы, а вслѣдствіе того отъ тѣсноты и спертаго воздуха всѣ страдали большою слабостію и стѣсненіемъ въ груди. 17-го ноября умеръ кормщикъ Чиракинъ послѣ долговременныхъ страданій. Больныхъ было отъ 2-хъ до 3-хъ человѣкъ.

Наконецъ, 24-го января 1769 года моряки были обрадованы появленіемъ вновь солнца. 31-го числа одинъ изъ работниковъ, жившихъ въ избѣ на Дровяномъ мысѣ, увидѣлъ на сѣверномъ берегу Маточкина Шара стадо оленей и, взявъ съ собою ружье, пошелъ охотиться на нихъ. Но вдругъ настала сильная буря съ такою мятелью, что онъ не могъ уже болѣе отыскать обратнаго пути и былъ заживо погребенъ въ снѣгу. Не прежде исхода мая мѣсяца снѣга стали таять отъ дѣйствія солнца и оттепели, и только тогда открылась возможность приступить къ описи береговъ. Около половины іюня ледъ въ Маточкиномъ Шарѣ былъ еще такъ крѣпокъ, что Розмысловъ рѣшился по льду окончить опись южнаго берега пролива и на этотъ конецъ отправился къ рѣкѣ Шумиловой.

Широта мѣста зимовки, по пятикратномъ опредѣленіи, найдена была Розмысловымъ 73 39′, итакъ 20-тью минутами больше, чѣмъ показали новѣйшія опредѣленія. Склоненіе компаса опредѣлено имъ $3^1/_2$° О. Длина Маточкина Шара измѣрена въ 42 италіянскія мили.

Преимущественно занимаясь гидрографическими и географическими задачами, Розмысловъ не опускалъ изъ виду и другихъ изслѣдованій, какъ-то: о горныхъ хребтахъ, озерахъ, растеніяхъ и животныхъ посѣщенной имъ страны; но свѣдѣнія его объ этихъ предметахъ довольно скудны. О горахъ, опоясывающихъ Маточкинъ Шаръ, онъ говоритъ, что онѣ состоятъ изъ мелкихъ и крупныхъ плитныхъ камней и изъ трухлаго (рыхлаго) аспида, т. е. шифернаго сланца; но что онъ не находилъ въ нихъ ни драгоцѣнныхъ металловъ, ни другихъ особенно замѣчательныхъ рудъ и камней, ни соленыхъ озеръ, ни ключей. Зато по горамъ раскинуто много прѣсныхъ озеръ, въ которыхъ въ изобиліи водится мелкая рыба. Деревъ, по причинѣ кратковременности лѣта, вовсе нѣтъ, да и трава даже почти вовсе не растутъ, исключая звѣробоя и салата. Изъ звѣрей водятся большими стадами дикіе олени, а равно песцы, волки и бѣлые медвѣди. Изъ птицъ весною прилетаютъ дикіе гуси, чайки и галки. Изъ морскихъ животныхъ водятся бѣлуги, тюлени и моржи.

Съ наступленіемъ тепла приступлено было къ снаряженію судна для дальнѣйшаго плаванія. Къ 1-му августа кочмара была совершенно готова: но Маточкинъ Шаръ очистился отъ льда не прежде 2-го августа. Изъ этого явствуетъ, что тамошнія воды были несудоходны 315-ть дней, и только въ теченіе 50-ти оставались открытыми для плаванія. 2-го же августа Розмысловъ оставилъ свое зимовье, самъ больной, лишившись изъ 13-ти человѣкъ своей команды семерыхъ и, имѣя въ дѣйствительномъ своемъ распоряженіи не болѣе 5-ти человѣкъ здоровыхъ. Желая однако, по возможности, исполнить данное ему предписаніе переплыть Карское море, для измѣренія разстоянія между Новою Землею и берегомъ противолежащаго материка, онъ, благопріятствуемый сѣверо-западнымъ вѣтромъ, от-

важился выйдти въ Карское море. На другой день къ вечеру онъ уже очутился среди льдовъ и кочмара претерпѣла отъ нихъ такое поврежденіе, что должна была спѣшить обратно въ Маточкинъ Шаръ. 4-го числа Розмысловъ въ туманѣ снова увидѣлъ берегъ Новой Земли и въ немъ отверстіе, которое онъ сначала принялъ было за устье Маточкина Шара: но оказалось, что это была какая-то губа, лежащая сѣвернѣе. Онъ далъ ей имя залива Незнаемаго. Задержанный тутъ штилями по 7-е число, онъ лишился еще одного изъ своихъ спутниковъ, осьмаго, умершаго на Новой Землѣ. Плохое состояніе его судна и болѣзни его команды не позволяли ему дальнѣйшихъ розысковъ къ сѣверу: итакъ, обратясь къ югу, онъ, 8-го августа, вошелъ въ настоящее устье Маточкина Шара и къ ночи бросилъ якорь противъ мѣста впаденія въ него рѣки Маточки съ тѣмъ, чтобы починить судно, которое уже прежде получило течь и вообще по своей ветхости было очень неблагонадежно. Къ счастью его прибыла туда промышленничья лодья, кормщики которой уговорили его перебраться, ради своего спасенія, на ихъ судно. Слѣдуя этому радушному призыву, Розмысловъ совершенно выгрузилъ свою кочмару и, оставивъ на ней только мачты, пересѣлъ на лодью. 25-го августа они пустились въ путь, 27-го встрѣтили густые льды, сквозь которые съ трудомъ пробирались до вечера слѣдующаго дня, но потомъ уже не были тревожимы ими. 31-го августа они увидѣли берегъ Лапландіи и затѣмъ, переплывъ Бѣлое море, 8-го сентября благополучно возвратились въ Архангельскъ.

Экспедиція Розмыслова была самая важная послѣ путешествія Баренца. Хотя первоначальная цѣль ея и не была достигнута, потому что вовсе не было найдено тѣхъ сокровищъ, которыхъ ожидали на Новой Землѣ, однако гидрографическое наше познаніе объ этомъ островѣ значительно подвинулось впередъ. Розмысловъ первый измѣрилъ длину пролива, разсѣкающаго Новую Землю на двѣ половины, опредѣлилъ широту и произвелъ весьма точную опись его и, сверхъ того, по мѣрѣ умѣнія и возможности, изслѣдовалъ также горы, прилежащія къ Маточкину Шару, озера, въ нихъ заключающіяся и отчасти даже растительный и животный бытъ страны.

Послѣ Розмыслова Новая Земля около полстолѣтія была посѣщаема только архангельскими промышленниками. Но въ 1806 году знаменитый русскій патріотъ, государственный канцлеръ, графъ Румянцовъ, снарядилъ отъ себя экспедицію для изслѣдованія минеральныхъ произведеній страны. Это порученіе было имъ возложено на горнаго чиновника Лудлова. Бѣломорская компанія предоставила ему на этотъ конецъ зимовавшій въ Екатерининской гавани тендеръ Пчелу въ 35-ть тоннъ вмѣстимостью, и наняла для управленія имъ отставнаго штурмана Посникова, который въ концѣ марта прибылъ изъ Архангельска въ Колу, а вскорѣ послѣ него пріѣхалъ и Лудловъ. Снаряженіе совершенно заброшеннаго судна, при недостаткѣ средствъ, заняло не менѣе 3-хъ мѣсяцовъ. Не прежде 29-го іюня могли они пуститься въ море. Команду тендера составляли кормщикъ Мясниковъ, 8-мь матросовъ и два горныхъ работника. 17-го іюля усмотрѣли они Новую Землю около южнаго устья Костина Шара. Простоявъ здѣсь два дня, они стали подниматься къ сѣверу вдоль пролива и 23-го числа прибыли къ островамъ, называемымъ Бѣлыми. По осмотрѣ Луд-

ловъ нашелъ ихъ состоящими изъ гипса, — отчего вѣроятно и произошло ихъ названіе, — а на одномъ изъ нихъ открылъ соленое озеро. 25-го числа судно вошло въ сѣверное устье Костина Шара и стало на якорь къ сѣверу отъ пролива, называемаго Желѣзными воротами. Глубина въ этомъ мѣстѣ найдена была 23 сажени, а наименьшая въ Костинѣ Шарѣ —5-ть саженъ; въ иныхъ же мѣстахъ она превышала даже 30-ть саженъ. Широта, по наблюденію Поспѣлова, оказалась 71°05′. Вышедъ 28-го іюля изъ Костина Шара, тендеръ направился далѣе къ сѣверу и, 1-го августа, вступивъ въ устье Маточкина Шара, остановился на южномъ его берегу въ губѣ Старовѣрской. Отсюда Лудловъ ѣздилъ въ отстоящую въ 9-ти италіянскихъ миляхъ губу Серебрянку, которая, по данной ему инструкціи, составляла главный предметъ его изслѣдованій. Но обошедъ весь высокій берегъ ея до самой границы снѣговъ, онъ не нашелъ «ни малѣйшихъ слѣдовъ производства тамъ горныхъ работъ и ни малѣйшаго вида серебряныхъ рудъ, а только нечаянно увидѣлъ на поверхности кусокъ свинцоваго блеска, во 100 центнерахъ котораго находилось можетъ быть три золотника серебра». По мнѣнію Лудлова, эта губа получила заманчивое свое названіе отнюдь не отъ изобилія въ прибрежныхъ ея горахъ серебра, а вѣроятно отъ горнокаменныхъ породъ берега, состоящихъ изъ тальковаго сланца, слюды и кошачьяго серебра, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ серебромъ. Продолжая свои розысканія изъ Старовѣрской губы, Лудловъ нашелъ на сѣверной сторонѣ пролива сѣру и мѣдный колчеданъ, и полагаетъ, что по берегамъ Маточкина Шара долженъ быть также малахитъ. Вообще онъ того мнѣнія, что Новая Земля заслуживаетъ ближайшаго изслѣдованія, относительно къ минеральному царству. По окончаніи розысковъ въ губѣ Серебрянкѣ, предприняли они обратное плаваніе и 5-го сентября возвратились въ устье Двины.

Эта экспедиція, кромѣ изслѣдованія разныхъ мѣстностей Новой Земли по части минералогіи, — изслѣдованія конечно немного поверхностнаго, — не было вовсе безплодною и въ отношеніи къ картографіи острова. Правда, Поспѣловъ, не имѣя себѣ сотрудниковъ, не могъ сдѣлать точной описи береговъ, имъ посѣщенныхъ; но все же онъ былъ первый, который проплылъ всѣмъ Костинымъ Шаромъ, опредѣлилъ широту его и составилъ изрядную карту прибрежій Новой Земли отъ Костина до Маточкина Шара съ видами береговыхъ горныхъ хребтовъ.

Признавая нужнымъ пополнить еще остававшіеся пробѣлы въ описи Новой Земли, а именно всего восточнаго и восточнѣйшей части южнаго ея берега, правительство снарядило въ 1819 году бригъ «Новую Землю», подъ начальствомъ флота лейтенанта Лазарева 1-го. Снабженный потребными астрономическими и математическими инструментами, орудіями для звѣриной и рыбной ловли и разборною избою на случай зимовки, онъ отправился изъ Архангельска 10-го іюня. Сначала намѣреніе его было плыть прямо къ Маточкину Шару, но, встрѣтивъ сильный ледъ, онъ уклонился къ южной оконечности Новой Земли; однако, видя, что и здѣсь льды заграждали ему путь и что весь южный островъ до мыса Бритвина окованъ льдами, онъ 1-го іюля взялъ свое направленіе къ острову Колгуеву. Опредѣливъ положеніе сѣверо-западнаго конца его,—широту въ 69° 28′30″, а восточную долготу въ 48° 31′.

*

онъ обратился къ востоку: но вскорѣ опять былъ встрѣченъ льдами. 19-го іюля онъ увидѣлъ берегъ Майголъ-Шара и пошелъ къ сѣверу, чтобы осмотрѣть Костинъ Шаръ. 21-го числа, опредѣливъ одинъ пунктъ берега, удостовѣрился въ томъ, что онъ на прежнихъ картахъ означенъ почти 90 миль восточнѣе. 25-го іюля онъ былъ застигнутъ среди льдовъ бурею, по прекращеніи которой посѣтилъ обозрѣть южную оконечность Новой Земли. На этотъ конецъ онъ хотѣлъ было стать на якорь въ Марсулиномъ Шарѣ, но воспрепятствованный въ томъ льдами, искалъ по прежнему прохода въ Костинъ Шаръ. Выждавъ нѣсколько времени на якорѣ противъ Майголъ-Шара, онъ пошелъ къ Маточкину Шару, но въ широтѣ $73^{1}/_{4}^{\circ}$ снова встрѣтилъ густой ледъ. Опредѣливъ положеніе Кармакульскаго мыса въ 71 41′ широты и 50 49′ долготы, онъ около недѣли порывался пробиться сквозь льды къ Маточкину Шару, но безъ успѣха, и наконецъ дошелъ до того, что отъ усилившейся въ его экипажѣ цынги, не оставалось почти никого для управленія судномъ.

Въ такой крайности съ общаго совѣта рѣшено было не упорствовать болѣе въ дальнѣйшихъ покушеніяхъ. 9-го августа, оставивъ берегъ Новой Земли, Лазаревъ 12-го прибылъ къ Канину Носу, а 3-го сентября возвратился въ Архангельскъ.

Единственнымъ результатомъ этой экспедиціи было астрономическое опредѣленіе нѣкоторыхъ пунктовъ Новой Земли и приведеніе въ ясность того, что они на прежнихъ картахъ были обозначены около 90 миль далѣе на востокъ, чѣмъ слѣдовало. Главною же причиною неудачи экспедиціи было то, что Лазаревъ, сообразуясь съ данною ему инструкціею, отправился въ путь слишкомъ рано. Это было ему предписано съ тою цѣлью, чтобы онъ могъ съ тѣмъ большимъ досугомъ исполнить возложенное на него порученіе, но при этомъ соображеніи потеряно было изъ виду то, что берега Новой Земли рѣдко очищаются отъ льдовъ до исхода іюля, а потому отправленіе въ началѣ іюня, ни мало не способствуя успѣху предпріятія, только утомляло людей и предрасполагало ихъ къ болѣзнямъ.

Малоуспѣшность этой экспедиціи не отклонила однако правительство отъ дальнѣйшихъ покушеній, а напротивъ того, рѣшась возобновить попытку, оно немедленно велѣло соорудить на этотъ конецъ у города Архангельска бриггъ, подъ тѣмъ же именемъ «Новая Земля», длиною въ 80 футовъ, шириною въ 25-ть, вмѣстимостью въ 200 тоннъ. Въ іюлѣ 1820 года онъ уже былъ спущенъ на воду, построенный крѣпче обыкновеннаго и обшитый мѣдью: но снаряженіе его протянулось до 1821 года. Начальство надъ нимъ ввѣрено было только что возвратившемуся изъ путешествія вокругъ свѣта съ капитаномъ Головнинымъ лейтенанту Литке, и ему дана была инструкція на первый разъ только обозрѣть берега Новой Земли и опредѣлить географическое положеніе главныхъ ея мысовъ, а въ особенности повѣрить длину Маточкина Шара. Начать же изслѣдованіе велѣно ему было не прежде половины іюля мѣсяца, когда уже море около Новой Земли бываетъ свободнѣе отъ льдовъ. Лишь только бриггъ былъ совершенно готовъ и снабженъ всѣми необходимыми потребностями, лейтенантъ Литке 15-го іюля вышелъ въ море съ командою изъ двухъ офицеровъ, одного штурмана, одного лекаря и 39-ти человѣкъ нижнихъ чиновъ. 19-го іюля бриггъ «Новая Земля» попалъ на неизвѣстную песчаную банку, лежащую къ сѣверу отъ острова Мор-

жевца и названную впослѣдствіи банкою Литке: чрезъ сутки снялся съ оной, и 22-го вступилъ въ Сѣверный океанъ, гдѣ по 29-е число долженъ былъ бороться съ противными вѣтрами; 31-го же встрѣтилъ сплошные льды, окружавшіе на большое разстояніе берега Новой Земли. Боровшись съ ними цѣлыя двѣ недѣли, Литке увидѣлъ берегъ въ широтѣ 71½°, какъ послѣ оказалось, часть Гусиной Земли между Костинымъ Шаромъ и заливомъ Моллера. Но и тутъ не было возможности достигнуть его по причинѣ ледянаго пояса, плотно обхватывавшаго его на 6-ть италіянскихъ миль и болѣе. Разсчитывая, что южный берегъ Новой Земли скорѣе очищается отъ льдовъ, чѣмъ далѣе къ сѣверу лежащій, лейтенантъ Литке обратился къ южной оконечности острова, но и здѣсь встрѣтилъ то же самое препятствіе. Итакъ, видя, что ледъ заграждаетъ ему доступъ къ южному и юго-западному берегамъ Новой Земли, даже до 72° широты, онъ рѣшился начать свое изслѣдованіе сѣвернѣе этой параллели. Выбравшись не безъ большаго труда изъ льдовъ, его осаждавшихъ, бригъ шелъ къ сѣверу до 19-го августа, когда поднялся сильный штормъ отъ сѣвера, отнесшій бригъ на 80 италіянскихъ миль отъ берега. По минованіи бури, бригъ снова направился къ берегу, но опять былъ остановленъ грядою льда, которую надобно было обходить. Наконецъ, 22-го августа, послѣ многихъ усилій усмотрѣлъ берегъ и на немъ высокая, снѣгомъ покрытая гора — впослѣдствіи названная Первоусмотрѣнною. Къ югу отъ нея берегъ тянулся невысокими, но крутыми холмами, мѣстами также покрытыми снѣгомъ. Льдовъ же, къ удивленію, ни въ которомъ направленіи не было видно: вѣроятно они были разбиты послѣднею бурею и теченіемъ унесены въ море. Плывя вдоль берега къ сѣверу, на слѣдующій день миновали гору, видѣнную наканунѣ. Далѣе ея видъ берега измѣняется: вмѣсто ровныхъ низменныхъ холмовъ поднимаются вездѣ высокія, крутыя островерхія горы, отъ подножія которыхъ къ морю стелется не широкая низменность. Изъ-за этихъ горъ показывались снѣгомъ покрытыя вершины другихъ, далѣе внутрь земли лежащихъ, — картина, необыкновенно дикая и угрюмая.

Одною изъ главныхъ задачъ экспедиціи лейтенанта Литке было описаніе пролива, раздѣляющаго Новую Землю на двое, — Маточкина Шара. Поэтому все вниманіе его, при обозрѣніи берега къ сѣверу, было обращено на отысканіе входа въ этотъ проливъ; но не встрѣчалось ни одного мѣста, которое можно было бы принять преимущественно за устье большаго пролива. Повсюду огромныя, скалистыя, частію снѣгомъ покрытыя горы, подходившія вплоть къ берегу [1]). Всѣ встрѣчавшіяся бухты оказывались окруженными сплошь берегомъ. Къ несчастію стоявшіе во все время свѣжіе восточные вѣтры невсегда позволяли держаться такъ близко къ берегу какъ бы для тщательнаго изслѣдованія было необходимо. Отъ широты 74¾° на 1½° превосходящей широту Маточкина Шара, опредѣленную Розмысловымъ, лейтенантъ Литке обратился назадъ къ югу, отыскивая устье пролива, но съ столь же малымъ успѣхомъ, какъ и прежде. 26-го августа, достигнувъ широты 73°, онъ долженъ былъ убѣдиться, что искомое

[1]) Должно замѣтить, что въ это время лейтенанту Литке не была еще извѣстна упомянутая выше карта Поспѣлова съ видами.

устье опять пройдено незамѣченнымъ. Между тѣмъ наступившая осень не дозволяла помышлять о возобновленіи поисковъ на сѣверѣ и заставила его рѣшиться употребить остававшееся удобное для плаванія время на опись, по возможности, большаго пространства берега къ югу, которая къ 28 августа доведена до Гусинаго мыса. Здѣсь бригъ былъ въ большой опасности, набѣжавъ на подводный, далеко въ море простирающійся рифъ. Но дѣло обошлось нѣсколькими сильными ударами о каменья, непричинившими суду большаго вреда. Появившіяся опять большія массы льда, вынесенныя вѣроятно изъ Карскаго моря, и рѣшительное наступленіе осени понудили лейтенанта Литке прекратить работы и предпріять обратный путь въ Бѣлое море. Открывъ на пути значительную невѣрность въ долготѣ Канина Носа, который на новѣйшей картѣ Бѣлаго моря положенъ былъ почти на $1^{1}/_{2}{}^{\circ}$ восточнѣе, чѣмъ должно, бригъ «Новая Земля» 11-го сентября, прибылъ благополучно въ Архангельскъ.

Въ слѣдующемъ году лейтенантъ Литке былъ отправленъ опять и на томъ же суднѣ для продолженія изслѣдованій береговъ Новой Земли. Ему предписано было стараться опредѣлить протяженіе Новой Земли къ сѣверу, и, буде возможно, осмотрѣть Восточный берегъ къ сѣверу и югу отъ восточнаго устья Маточкина Шара, а также убѣдиться, существуетъ, или нѣтъ, островъ Витсенъ, показанный на нѣкоторыхъ старинныхъ картахъ къ западу отъ Новой Земли. Но какъ берега ея въ первую половину лѣта бываютъ недоступны за льдами, то рѣшено было употребить это время на опись берега Лапландіи, котораго карты были тогда еще въ довольно первобытномъ состояніи. Исправя поврежденія, потерпѣнныя бригомъ въ первый походъ, лейтенантъ Литке оставилъ Архангельскъ 21 іюня. Офицерами у него были лейтенантъ Лавровъ, мичманъ Литке 2-й, штурмана: Сафроновъ и Прокофьевъ, и штабъ-лекарь Смирновъ. Въ первое плаваніе онъ убѣдился, что кормщикъ, бывалый на Новой Землѣ, былъ бы весьма полезенъ для экспедиціи; но на этотъ разъ не нашлось между бѣломорскими мореходами желающаго. Повѣривъ сначала долготу Канина Носа, оказавшуюся сходною съ прошлогоднимъ опредѣленіемъ, лейтенантъ Литке приступилъ къ описи Лапландскаго берега, которая заняла весь іюль мѣсяцъ и была доведена отъ Св. Носа до Кольской губы. 3-го августа оставилъ онъ берегъ Лапландіи и направился къ Новой Землѣ. На пути убѣдился въ несуществованіи острова Витсена, и 8-го августа увидѣлъ берегъ Новой Земли въ шир. 73°. Гора Первоусмотрѣнная и нынѣ, какъ въ первый разъ, была первымъ открывшимся предметомъ. Льдовъ теперь совсѣмъ не было. Слѣдуя вдоль берега въ разстояніи около 3-хъ итал. миль, не трудно уже было съ помощію карты и видовъ Поспѣлова узнать всѣ показанные на ней пункты — Губу Безымянную, Грибовую, островъ Паньковъ, въ устьѣ Маточкина Шара лежащій, наконецъ самое это устье. Въ прошломъ году не могли его различить оттого, что высокія горы на обоихъ берегахъ этого узкаго и извилистаго пролива, сдвигаясь, съ большаго разстоянія, въ какомъ тогда находились, дѣлаютъ его совершенно незамѣтнымъ. Миновавъ на этотъ разъ устье Маточкина Шара, лейтенантъ Литке приступилъ къ обозрѣнію берега къ сѣверу съ тѣмъ, чтобы описью этого пролива заняться на обратномъ пути къ югу. — 9-го прошли все осмотрѣнное въ первую экспедицію пространство и достигли крайняго, тогда видѣннаго пункта, въ которомъ узнанъ былъ Баренцовъ островъ Адмиралтейства. Впослѣд-

ствіи найдено однакоже, что онъ соединяется съ берегомъ низкимъ перешейкомъ. Въ полдень 10-го августа обсервовали широту 75°. 49'. Находившійся въ это время на траверзѣ островокъ и по широтѣ, и по описанію соотвѣтствовалъ Баренцову острову Вильгельма. Другой островокъ, съ нѣсколькими на немъ крестами, противъ котораго бриггъ находился въ 6 ч. вечера, принятъ былъ по соображеніямъ за Баренцовъ Крестовый островъ. Отсюда берегъ склонялся болѣе къ востоку.—Слѣдуя далѣе, въ каждомъ затѣмъ открывавшемся мысѣ мореплаватели ожидали увидѣть послѣднюю къ сѣверу оконечность, которая, судя по тогдашнимъ картамъ не могла уже находиться далеко. Наконецъ, по утру 11-го августа увидѣли крутой и совершенно покрытый снѣгомъ мысъ, за которымъ съ высоты мачтъ не видно было никакой земли. Естественно было предполагать, что за нимъ берегъ заворачивается уже къ югу и такимъ образомъ этотъ мысъ соотвѣтствовалъ бы Баренцову мысу Желанія. Это было конечно только предположеніе [1]), потому что изъ описанія путешествія Баренца, въ этомъ мѣстѣ весьма поверхностнаго, нельзя было вывести сколько нибудь достовѣрнаго заключенія о настоящемъ положеніи этого мыса. Сомнѣніе это разрѣшилось бы обходомъ самаго мыса, къ чему нѣкоторое время была надежда, потому что льды, начавшіе опять являться, то въ видѣ горъ, то въ видѣ полей, не составляли однакоже густой массы. Но вскорѣ встрѣчена была сплошная стѣна льда, простиравшаяся отъ запада къ востоку и примыкавшая къ берегу, и дальнѣйшее плаваніе оказалось невозможнымъ. Надежда проникнуть въ Карское море рушилась и лейтенанту Литке оставалось только возвратиться къ Маточкину Шару, куда онъ прибылъ 17-го августа.

Лейтенанту Литке предписано было опредѣлить положеніе сего пролива, и, еслибы оказалось возможнымъ, послать гребныя суда для осмотра берега къ сѣверу и югу отъ восточнаго его устья. Послѣдняя работа по позднему времени года не могла быть исполнена, и потому лейтенантъ Литке ограничился опредѣленіемъ географическаго положенія мѣста. При этомъ оказалась значительная погрѣшность въ наблюденіяхъ Розмыслова. Широта Маточкина Шара, имъ показанная, на 20′ болѣе истинной.

По выходѣ изъ Маточкина Шара остальные дни августа мѣсяца были употреблены на осмотръ берега до южнаго Гусинаго мыса. 6-го сентября бриггъ «Новая Земля» возвратился въ Архангельскъ.

Въ экспедицію 1822 г. было сдѣлано болѣе, чѣмъ въ предшествовавшую, но оставалось сдѣлать еще гораздо болѣе. Требовалось произвести подробную опись Лапландскаго берега, въ положеніи котораго на прежнихъ картахъ нашлись большія несообразности, и продолжить ее до границы Россіи съ Швеціею. Со стороны Новой Земли предстояло убѣдиться, дѣйствительно-ли послѣдне-видѣнный къ сѣверу мысъ есть—Баренцовъ мысъ Желанія, описать южный берегъ Новой Земли, повѣрить опись Маточкина Шара, Розмыслова, опредѣлить положеніе о-ва Вайгача и Колгуева, наконецъ повѣрить еще разъ долготу Канина Носа. Всѣ эти работы

[1]) Впослѣдствіи оказалось, что этотъ мысъ соотвѣтствуетъ болѣе Баренцову Hoeck van Nassau.

возложены были опять на того же самаго моряка, произведеннаго между тѣмъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ составъ экипажа брига «Новая Земля» поступили лейтенантъ Завалишинъ и штурманъ Ефремовъ, вмѣсто гг. Сафронова и Прокофьева. Наняты были также два лоцмана: для Лапландскаго берега — Кольскій мѣщанинъ Герасимовъ, тотъ самый, который въ 1810 году, молодецки ушелъ отъ англійскаго крейсера, взявшаго его въ призъ [1]); для Новой Земли — Мезенскій мѣщанинъ Откупщиковъ.

Капитанъ Литке отправился изъ Архангельска въ началѣ іюня (1823), и занялся сначала описью Лапландскаго берега. Доведя оную къ половинѣ іюля до острова Вардегуса, онъ направился къ Новой Землѣ, которую увидѣлъ 27-го іюля около южнаго Гусинаго мыса. — Плывя къ сѣверу вдоль берега и повѣряя опредѣленія прежнихъ годовъ, капитанъ Литке 1-го августа достигъ широты $76^{1}/_{2}$°, не встрѣчая льдовъ. Но тутъ остановили его большія и густыя массы льда, находившіяся почти въ томъ самомъ мѣстѣ и простиравшіяся въ томъ же самомъ направленіи, какъ прошлаго года. Явленіе это капитанъ Литке приписываетъ теченіямъ, стремящимся у западнаго берега Новой Земли отъ юга къ сѣверу, а у сѣвернаго — отъ востока къ западу, и производящимъ при встрѣчѣ своей струю къ NW., которой слѣдуютъ и льды. Мысъ, принятый въ 1822 за мысъ Желанія, былъ видѣнъ вдалекѣ. Всѣ попытки подойти къ нему ближе были безуспѣшны и капитанъ Литке принужденъ былъ плыть обратно къ югу, не имѣвъ возможности непосредственнымъ обзоромъ берега, далѣе лежащаго, рѣшить положительно вопросъ о тождественности этого мыса съ Барецовымъ мысомъ Желанія. Но сличеніе карты сего мореходца, которая прежде ему была неизвѣстна [2]), съ его собственною убѣдило его, что мысъ этотъ есть мысъ Нассавской (Hoeck van Nassau) Баренца. Три островка, западнѣе его лежащіе, которые прежде были несправедливо признаны островами Оранскими, капитанъ Литке назвалъ островами Баренца.

6-го августа бригъ «Новая Земля» вошелъ въ Маточкинъ Шаръ и остановился на якорѣ за Баранымъ мысомъ. Въ шестидневное здѣсь пребываніе описанъ на гребныхъ судахъ весь проливъ и произведены астрономическія, магнитныя и другія наблюденія. Карта пролива, составленная Розмысловымъ, найдена довольно вѣрною. Въ длинѣ пролива оказалось разности только 3 мили. Мореплаватели пробовали охотиться, ловить рыбу, но съ весьма малымъ успѣхомъ. На сѣверномъ берегу пролива показались однажды три оленя, скоро скрывшіеся. Убитъ былъ одинъ бѣлый медвѣдь. Моржи плавали стадами, но за ними не гонялись.

По окончаніи всѣхъ работъ, 12 августа бригъ вышелъ въ море, на другой день выдержалъ сильный штормъ отъ W. и находился въ опасности быть прижатымъ къ берегу. Бурное и ненастное время не позволило ему прежде 18 августа приступить къ описной работѣ, которая начата отъ южнаго Гусинаго мыса и продолжалась вдоль югозападнаго и южнаго берега. Съ помощію сильнаго попутнаго вѣтра доведена она къ вечеру 19-го августа

[1]) Подвигъ Герасимова составляетъ содержаніе разсказа Марлинскаго: Мореходъ Никитинъ. Непонятно, почему авторъ не далъ своему герою настоящаго его имени.

[2]) Карта эта находится въ Голландскомъ Атласѣ Блау (J. Blaeus Grooten Atlas), изданномъ въ Амстердамѣ въ 1664 году.

до южнѣйшей оконечности Новой Земли—Кусова Носа, гдѣ ей суждено было и окончиться. Едва привели къ вѣтру на ночное время, какъ бригъ набѣжалъ на подводную скалу, на которой въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ его било жестокимъ образомъ. Волненіемъ скоро сбросило его съ обрубистой скалы — но съ выбитымъ рулемъ и сильною течью. Руль кое-какъ былъ опять навѣшенъ: течь помпами одолѣвалась: но о продолженіи описныхъ работъ уже нечего было думать, а должно было помышлять только о томъ, какъ бы добраться до порта. Это было тѣмъ прискорбнѣе, что отъ того пункта, гдѣ кончилась опись, море казалось совершенно свободнымъ отъ льдовъ и была вѣроятность, что и восточный берегъ до нѣкоторой степени окажется доступнымъ. Но должно было покориться необходимости.—Однакожъ, чтобы и это обратное плаваніе осталось не безъ пользы, взятъ былъ курсъ на островъ Колгуевъ, котораго сѣверный берегъ описанъ 23-го августа. Въ слѣдующій день опредѣлена еще разъ долгота Канина Носа. 25-го августа при входѣ въ Бѣлое море сильнымъ волненіемъ опять оторвало плохо державшійся руль, у котораго всѣ крючья оказались сломанными. Большихъ хлопотъ стоило сковать два верхніе крюка и приладить такъ, чтобы можно было какъ-нибудь управлять судномъ. 31-го августа бригъ безъ дальнихъ приключеній прибылъ въ Архангельскъ.

Хотя казалось, что въ первыя три экспедиціи совершено было все то, что на парусномъ суднѣ, снабженномъ не для зимовки, совершить возможно, но какъ препятствія, встрѣченныя экспедиціею не были еще доказательствомъ физической невозможности того, чтобы сѣверный и восточный берега, хотя временно освобождались отъ льда, то правительство сочло нужнымъ сдѣлать еще четвертую попытку въ 1824 году, возложа ее по прежнему на капитана Литке. Ему предписано было попытаться обойти мысъ Нассавскій и прослѣдить далѣе лежащій берегъ, сколько окажется возможнымъ. Если это неудастся, то постараться описать на гребныхъ судахъ восточный берегъ Новой Земли, начиная отъ южной ея оконечности. Сверхъ того, сдѣлать попытку проникнуть къ сѣверу на срединѣ между Новою Землею и Шпицбергеномъ, сколько допустятъ льды.

Бригъ «Новая Земля» вышелъ въ море 18-го іюня. До 11-го іюля капитанъ Литке занимался опредѣленіемъ и повѣркою долготъ разныхъ пунктовъ по берегамъ Бѣлаго моря, и потомъ направился къ сѣверу. Ито оказалось весьма неблагопріятнымъ. Холода, туманы и частію крѣпкіе вѣтры господствовали во все время. Соотвѣтственно тому и море было гораздо льдистѣе двухъ предшествовавшихъ годовъ. Густыя массы льда были встрѣчены уже въ широтѣ 75°, въ большомъ разстояніи отъ берега Новой Земли. Всѣ усилія проникнуть сквозь нихъ были безуспѣшны. Оказалось невозможнымъ не только обогнуть мысъ Нассавскій, но даже и достигнуть этого пункта. Плотный ледъ облегалъ весь берегъ Новой Земли, къ которому можно было приблизиться только около мыса Спидвель, въ шир. 75°. Наибольшая широта, достигнутая въ это плаваніе была 76°. Преслѣдуя окраину сплошнаго льда къ западу до долготы 43° отъ Гринича, т. е. до средины разстоянія между Новою Землею и Шпицбергеномъ, нигдѣ не находили отверстія, которое подавало бы какое-нибудь вѣроятіе проникнуть далѣе къ сѣверу. Повсюду представлялись плотно сплоченныя ледяныя

поля, возвышавшіяся отъ 7-ми до 8-ми футовъ надъ водою. Во многихъ мѣстахъ видны были на нихъ холмы прозрачнаго льда вышиною до 70-ти футовъ. Словомъ, общій видъ льда былъ совершенно такой, какимъ описываютъ ледъ, соединяющій берега Шпицбергена и Гренландіи. Примѣчательно, что положеніе льда на этомъ пространствѣ было почти такое же, какимъ нашелъ его капитанъ Вудъ въ 1676 г. «Случайное сходство сіе», говоритъ капитанъ Литке, «конечно еще не доказываетъ, чтобы море между Новою Землею и Шпицбергеномъ было заграждено неподвижнымъ льдомъ; однакоже необоримыя препятствія, встрѣченныя капитаномъ Вудомъ, шхипером Фанъ-Горномъ и нами, т. е. всѣми мореплавателями, искавшими пути на сѣверъ, на срединѣ между обѣими землями, убѣждаютъ, что сіе пространство моря не такъ рѣдко льдами затирается, какъ то старались доказать Ломоносовъ, Енгель, Баррингтонъ и нѣкоторые другіе».

Послѣ неудачнаго покушенія проникнуть къ сѣверу между Новою Землею и Шпицбергеномъ, капитанъ Литке обратился къ южному берегу Новой Земли; но и тутъ встрѣтилъ тѣже самыя препятствія. Начиная отъ Костина Носа и далѣе, гдѣ онъ ни пытался проникнуть къ берегу, повсюду находилъ его окруженнымъ плотными массами льда, на 20-ть и на 30-ть миль разстоянія. Только когда сильною бурею отъ юга и запада льды нѣсколько расшевелило, удалось ему подойти къ сѣверной оконечности о-ва Вайгача (13-го августа) и опредѣлить его положеніе. Отсюда, по направленію къ Карскому морю льда не было видно; туда и направились, но скоро были остановлены сплошною грядою льда, покрывавшею весь горизонтъ отъ O. до W. Около этихъ мѣстъ капитанъ Литке продолжалъ держаться еще съ недѣлю, въ надеждѣ, что вѣтры удалятъ нѣсколько льды и позволятъ опредѣлить, хотя нѣкоторые пункты SO. берега, прежде невидѣнные, но и это неудалось, и капитанъ Литке, успѣвъ только опредѣлить положеніе острововъ Саханинскихъ, принужденъ былъ оставить недоступные нынѣ берега Новой Земли, и взялъ курсъ къ острову Колгуеву, къ которому подошелъ 23-го августа. Семидневное крейсерство у западнаго берега этого острова, сопровождаемое безпрерывными бурями при ненастной погодѣ, оказалось безплоднымъ для работъ гидрографическихъ. 30-го августа бриггъ «Новая Земля» предпринялъ обратный путь въ Бѣлое море, и 11-го сентября прибылъ въ Архангельскъ, не потерявъ во всѣ четыре плаванія ни одного человѣка отъ болѣзни.

Экспедиціями капитана Литке опредѣлено общее географическое положеніе Новой Земли и обозрѣны съ достаточною подробностію западный и южный берега оной. Восточный и сѣверный оставались по прежнему неизвѣстными. Для описи ихъ требуются другія средства и иной образъ дѣйствій. Вотъ что полагаетъ объ этомъ капитанъ Литке въ заключеніи описанія своихъ путешествій: «Говоря о восточномъ берегѣ Новой Земли, должно различать берегъ, принадлежащій южному острову, отъ принадлежащаго сѣверному. Первый описать несравненно легче послѣдняго. Можно почти безъ сомнѣнія совершить это даже и съ тѣми средствами, какія мы имѣли, если только употребить на то цѣлое лѣто. Для сего должно, если льды повстрѣчаются на первомъ шагѣ въ Карское море, остановиться или въ Маточкиномъ, или въ Никольскомъ Шарѣ (но лучше въ Маточкиномъ, поелику, слѣдуя отъ N. къ S., будешь по

всей вѣроятности имѣть болѣе попутныхъ теченій), и съ первымъ западнымъ вѣтромъ, который удалитъ льды въ море, идти къ восточному берегу. На сей конецъ можно учредить гдѣ-нибудь на возвышенномъ мѣстѣ сигнальный постъ, который бы извѣщалъ о всякомъ движеніи льдовъ. Разстояніе отъ Восточнаго устья Маточкина Шара до Карскихъ воротъ съ небольшимъ 150 миль. и посему въ двое сутокъ, а если вѣтръ будетъ дуть довольно свѣжо, то даже и въ одни, все дѣло можетъ быть окончено. Но, если бы даже и случилось, что наставшимъ восточнымъ вѣтромъ нажметъ льды опять на берега и судно претерпитъ бѣдствіе, то и въ такомъ случаѣ экипажъ онаго можетъ легко спастись, дошедъ только до береговъ Никольскаго Шара, откуда на самоѣдскихъ карбасахъ, которые тамъ до сентября мѣсяца всегда встрѣтить можно, переѣдетъ на матеровой берегъ.

Сію часть можно также легко описать берегомъ, на оленяхъ. Перевезя на мореходномъ суднѣ нужное количество сихъ животныхъ съ острова Вайгача на Новую Землю, должно остаться тутъ зимовать, въ Никольскомъ Шарѣ, или другомъ удобномъ мѣстѣ. Южная часть Новой Земли изобилуетъ дикими оленями, и потому нѣтъ причины опасаться недостатка въ оленьемъ кормѣ чрезъ всю зиму; но для совершеннаго обезпеченія себя съ сей стороны, можно избранныхъ оленей заблаговременно пріучить къ хлѣбной пищѣ, что, какъ я слышалъ, нѣкоторые изъ Мезенскихъ жителей испытали уже съ успѣхомъ. Весною, когда утвердится надежный настъ, описатели отправятся на оленяхъ вдоль берега, и въ короткое время могутъ описать оный до Маточкина Шара. Множество выкиднаго лѣса по всему восточному берегу Новой Земли, облегчитъ имъ средства защищать себя отъ стужи.

Опись восточной части сѣвернаго острова сопряжена гораздо съ большими трудностями. Нельзя положительно ни утверждать, ни отрицать возможности совершенія оной на оленяхъ: но трудности сего предпріятія должны безконечно возрасти отъ втрое большаго протяженія сего берега и отъ бо́льшей суровости климата. Но опытъ во всякомъ случаѣ можетъ быть не безполезенъ; успѣхъ перваго предпріятія покажетъ степень вѣроятности въ семъ второмъ.

Для описи сего берега моремъ, должны быть употреблены два судна, построенныя и снабженныя во всемъ по примѣру судовъ, посылаемыхъ въ послѣднія времена англійскимъ правительствомъ для исканія сѣверозападнаго пути, суда, которыя бы могли смѣло втираться во льды, не подвергаясь большой опасности быть проломленными или раздавленными, которыя бы могли оставаться зимовать вездѣ, гдѣ Богъ приведетъ. Такія два судна могутъ начать опись свою отъ восточнаго устья Маточкина Шара и совершить опую, если не въ одно, то въ два или въ три лѣта. Что предпріятіе сіе не есть физически невозможное, доказываетъ плаваніе Лошкина, который въ два лѣта дошелъ отъ Карскихъ воротъ до мыса Доходы: но трудности и опасности онаго должны быть весьма велики отъ множества льдовъ, съ одной стороны низносылаемыхъ къ оному берегу обширными лиманами Оби и Енисея, кои въ отношеніи къ нему пришлись, такъ сказать, въ упоръ; а съ другой, приносимыхъ постояннымъ отъ востока къ западу теченіемъ и господствующими восточными вѣтрами изъ большей части прочихъ рѣкъ Сибири и со всего сибирскаго океана. Какъ встрѣчать и преодолѣвать сіи трудности, научаютъ насъ Россъ и Парри.

*

По достиженіи мыса Доходы или Баренцова мыса Желанія, труднѣйшее будетъ уже сдѣлано, ибо здѣсь мореплаватели найдутъ попутное теченіе и по бо́льшей части попутный вѣтръ, которые много облегчатъ плаваніе вдоль сѣвернаго берега, даже и въ такомъ случаѣ, когда близь него встрѣтится много льдовъ. По той же самой причинѣ не должно предпріятія сего начинать отъ запада»[1]).

Согласно до нѣкоторой степени съ мыслями, здѣсь изложенными, корпуса флотскихъ штурмановъ поручикъ Бережныхъ[2]) вошелъ въ 1828 году въ Гидрографическое Депо съ проектомъ описать восточный берегъ Новой Земли на оленяхъ. Планъ его былъ слѣдующій: заготовивъ въ Пустозерскѣ большой карбасъ[3]), нанять 8 человѣкъ тамошнихъ промышленниковъ и самоѣдовъ и, купивъ у послѣднихъ 300 оленей, отправить ихъ весною къ Югорскому Шару, а оттуда на южный берегъ Новой Земли. По прибытіи туда всей экспедиціи, одна часть могла бы на карбасѣ заняться описью восточнаго берега до Маточкина Шара, и зимовать у восточнаго устья этого пролива; а другая—осенью на оленяхъ также направилась бы къ Маточкину Шару и осталась бы тамъ на зимовку вмѣстѣ съ другими. Весною же обѣ партіи могли бы продолжать опись по льду на оленяхъ къ сѣверу.

Вмѣстѣ съ этимъ проектомъ поступилъ еще другой отъ корпуса флотскихъ штурмановъ прапорщика Пахтусова, участвовавшаго въ описяхъ штабсъ-капитана Иванова[4]). Основываясь на прежнихъ опытахъ, что Карское море иные годы бываетъ довольно свободно отъ льдовъ, онъ полагалъ возможнымъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, обойти Новую Землю съ востока и въ одно лѣто описать по крайней мѣрѣ южную ея часть. Это, по его мнѣнію, всего удобнѣе выполнить на гребномъ суднѣ, которое въ случаѣ крайности можно вытаскивать на льдины или укрывать въ заводяхъ у берега. Экспедиція могла бы пуститься въ море въ началѣ іюня и, достигши въ іюлѣ мѣсяцѣ Вайгача, приступить къ описи восточнаго берега Новой Земли: по окончаніи же ея около половины сентября предпринять обратный путь чрезъ Карскіе ворота или чрезъ Маточкинъ Шаръ. Всѣ издержки этой экспедиціи онъ оцѣнивалъ не свыше 7-ми или 8-ми тысячъ рублей ассигнаціями.

Проектъ Пахтусова былъ предпочтенъ, какъ болѣе удобоисполнимый и требующій

[1]) Съ другой стороны Г. Ф. Бэръ (Bulletin Scientifique. T. II, стр. 160) предлагаетъ слѣдующій планъ. Перезимовать, вмѣсто Маточкина Шара, въ Крестовомъ Заливѣ и, зарывъ напередъ запасы провіанта у Гвоздаревой бухты, плыть къ Нассавскому мысу, гдѣ также закопать еще значительнѣйшій запасъ провизіи. Если у Нассавскаго мыса встрѣтится сплошной ледъ, какъ то дважды случилось съ капитаномъ Литке, то, направясь опять къ югу, выжидать въ Гвоздаревой бухтѣ или въ Крестовомъ заливѣ, пока не поднимется вѣтръ съ юго-запада, и тогда снова предпринять плаваніе къ восточному концу острова, которое дважды удавалось голландцамъ, да и сверхъ того, нѣкоторымъ моржеловамъ. Если судно и будетъ затерто льдами у сѣвернаго конца острова, то все-таки можно будетъ по льду снять неизвѣстную часть восточнаго берега. А если, вслѣдствіе продолжительнаго выжиданія и прійдется перезимовать въ бухтѣ Гвоздарева или у мыса Желанія, то этого слишкомъ опасаться нечего, потому что здѣсь, судя по законамъ распредѣленія теплоты, вѣроятно не холоднѣе, чѣмъ у Карскихъ воротъ, гдѣ Пахтусовъ провелъ первую свою зиму.

[2]) Записки Гидрографич. Департамента, Часть I, 1842, стр. 3 и *сл.*

[3]) Безпалубная лодка, употребляемая архангельскими промышленниками.

[4]) Записки Гидрограф. Департамента, Часть I, 1842, стр. 6 и слѣд.

меньше времени; однако приведеніе его въ дѣйствіе было покамѣсть отложено [1]). Между тѣмъ, находившійся въ Архангельскѣ ученый форстмейстеръ Клоковъ составилъ проектъ о возстановленіи стариннаго мореходства изъ Архангельска къ рѣкѣ Енисею и въ сообществѣ съ коммерціи совѣтникомъ Брандтомъ, соединявшимъ въ себѣ духъ предпріимчивости съ любовію къ наукѣ, снарядилъ экспедицію для открытія пути къ устьямъ Оби и Енисея и для описи восточнаго берега Новой Земли, у котораго они предполагали современемъ производить моржевой промыселъ. Начальство надъ нею ввѣрено было Пахтусову, который, видя наконецъ исполнившимся давнишнее свое желаніе, взялся за это предпріятіе съ воодушевленіемъ человѣка, истинно преданнаго своему дѣлу. Подъ его надзоромъ построено было на верфи г. Брандта судно «Новая Земля» въ видѣ большаго карбаса, употребляемаго пустозерскими промышленниками, для дальнихъ плаваній во льдахъ, — длиною въ 42 фута, шириною въ 14-ть, глубиною въ 6-ть футовъ. Экипажъ, сверхъ самого подпоручика Петра Пахтусова и помощника его, кондуктора корпуса штурмановъ, Николая Крашенина, состоялъ изъ 8-ми человѣкъ, а именно: отставнаго ботсмана Федотова и 7-ми крестьянъ Архангельской губерніи, всего 10-ть чел.

Въ тоже время снаряжены были въ помощь этой экспедиціи, еще два другія судна, изъ которыхъ одно—купеческая шкуна «Енисей», подъ начальствомъ лейтенанта Кротова и подпоручика Казакова съ командою изъ 8-ми чедовѣкъ поморскихъ и мезенскихъ промышленниковъ, должно было пройти чрезъ Маточкинъ Шаръ въ Карское Море, а оттуда къ устью Оби или Енисея, а другое, — лодья средней величины, подъ управленіемъ кормщика Гвоздарева, для вознагражденія издержекъ экспедиціи, — заниматься ловлею моржей, бѣлухъ и гольцовъ на западномъ берегу Новой Земли; а затѣмъ, приготовить для прочихъ двухъ судовъ экспедиціи зимовье у Маточкина Шара.

1-го августа 1832 года карбасъ «Новая Земля» поднялъ якорь, 9-го завидѣлъ островъ Колгуевъ, а на слѣдующій день берегъ Новой Земли. Вошедъ вечеромъ того же дня въ губу Широчиху, онъ сталъ на якорь у небольшаго острова, но 12-го, подходя къ малому Бритвину острову, нашелъ, что все пространство отъ него къ Оленьему острову было затерто льдами, а къ югу отъ Бритвина острова образовалась сплошная ледяная стѣна. Это заставило Пахтусова спуститься за Большой Оленій островъ въ Пѣтуховскій Шаръ. Остановясь здѣсь, онъ вмѣстѣ съ Крашенинымъ выходилъ на сѣверный берегъ этого пролива для производства наблюденій: 16-го числа вошелъ въ небольшую бухту на ЮВ. отъ берега Кусовой Земли, и произвелъ опись ея къ югу на 5-ть верстъ; 19-го, прибывъ въ другую бухту, названную имъ Мироновою лахтою, началъ опись ея къ СВ. чрезъ западное устье Никольскаго Шара. Дошедъ того же дня до мыса, отдѣлявшагося небольшимъ проливомъ отъ западнаго конца острова Большаго Логинова п, имѣя въ виду продолжить опись къ

[1]) Слѣдующій разсказъ о первой экспедиціи Пахтусова извлеченъ изъ: «Дневныхъ Записокъ, веденныхъ подпоручикомъ Пахтусовымъ при описи восточнаго берега Новой Земли въ 1832 и 1833 годахъ», въ Запискахъ Гидрогр. Департ., Часть I, 1842, стр. 20—246.

сѣверу, онъ поручилъ Крапивину на лодкѣ осмотрѣть этотъ проливъ, но скоро узналъ, что онъ весь загороженъ льдами. Этотъ проливъ Пахтусовъ назвалъ Желѣзными воротами. 20-го августа онъ держалъ къ небольшому острову противъ устья Логиновой губы, но дошедъ до восточнаго его конца, усмотрѣлъ, что проливъ къ сѣверу совершенно покрытъ льдомъ. Тогда, обратясь къ южному берегу Логиновой губы, простоялъ у него до 23-го августа. Достигши въ этотъ день губы Каменки, плаватели нашли на берегу ея промышленничью избу и при ней крестъ, поставленный въ 1759 году кормщикомъ Ивановымъ. Обрадовавшись этой находкѣ, они рѣшились здѣсь, въ широтѣ 70°36′ и долготѣ отъ Гринв. 59°32′ остановиться на зимовку. Къ счастію, въ близи этого мѣста было много плавника и валежника, который пригодился имъ отчасти для топлива и отчасти на поправку ветхой, почти развалившейся избы. Для собиранія этого выкиднаго лѣса съ прилежащихъ острововъ высылаемы были въ теченіи болѣе недѣли двѣ шлюпки на разстояніе 6-ти до 7-ми верстъ отъ избы, нерѣдко въ сырую, холодную погоду, отчего нѣкоторые изъ людей занемогли грудною болью и простудою. Но всѣ переносили эти трудности безъ малѣйшаго ропота, были веселы и нерѣдко даже шутили надъ своимъ положеніемъ.

Изба, долженствовавшая служить имъ пріютомъ на-зиму, была поставлена на окладныхъ бревнахъ старой промышленничьей избы, ими найденной. На поправку и достройку ея употребленъ былъ выкидной лѣсъ, состоявшій изъ лиственницъ, сосенъ, елей, пихтъ и осины. Изба занимала пространство 13 футовъ въ длину и 13 въ ширину и была выведена до вышины стѣнъ въ $5\frac{1}{2}$, а въ серединѣ до 7 футовъ. На крышу накиданы были песокъ и щебень, а пазы въ стѣнкахъ законопачены мхомъ. Въ одномъ углу избы поставлена была печка изъ привезенныхъ съ собою кирпичей. Устроена была также русская баня и оба строенія соединены между собою сѣнями. Окончивъ въ 11-ть дней всю постройку избы, Пахтусовъ перебрался туда на зимовку съ своими людьми. 12-го сентября имъ удалось застрѣлить трехъ оленей изъ цѣлаго ихъ стада въ 500 головъ. Вкусное и свѣжее оленье мясо не мало послужило къ подкрѣпленію истощенныхъ работою силъ ихъ. 15 и 16-го числа были употреблены на выгрузку провизіи изъ судна, а 19-го — судно было вытащено на мель небольшой косы и утверждено подставками.

Съ этого дня стали вести метеорологическій журналъ, внося въ него чрезъ каждые 2 часа высоту барометра, термометра и состояніе атмосферы. Занятія же по части описи прекращены на всю зиму.

Для предохраненія отъ болѣзней, которыя легко могли бы развиться въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи, Пахтусовъ строго смотрѣлъ за соблюденіемъ въ избѣ порядка, чистоты и регулярнаго образа жизни. Вся команда была раздѣлена на вахты, по 2 человѣка въ каждую, которыя днемъ должны были осматривать судно и стеречь избу, а ночью наблюдать за безопасностью отъ огня и за стклянками (песочными часами). Внутри избы, не смотря на плохую ея постройку было тепло, даже въ жестокіе морозы, такъ что можно было сидѣть въ ней въ однѣхъ рубашкахъ; также не было угарно; но зато очень сыро. Прохаживаться въ избѣ, по причинѣ тѣсноты ея было невозможно. Каждую недѣлю люди ходили въ баню, бѣлье мѣ-

няли по два раза въ недѣлю. Полъ въ избѣ скоблили желѣзными лопатками и вытирали шваброю. Спать дозволялось не долѣе 8-ми часовъ, гулять—коль скоро позволяла погода. Сидя въ избѣ, каждый занимался чѣмъ либо: одни чинили платье, другіе готовили орудіе для промысла звѣрей, остальные или пѣли пѣсни, или разсказывали о былыхъ своихъ приключеніяхъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ читали общую молитву. Пища была для всѣхъ общая, весьма умѣренная и распредѣлена регулярно: два раза въ день—чай и самый скромный завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Водка выдавалась только послѣ трудной работы или послѣ прогулки въ ненастную погоду. Воду брали изъ близлежащаго озера.

Благодаря этимъ строгимъ мѣрамъ, команда оставалась здоровою всю зиму. Только въ мартѣ мѣсяцѣ у немногихъ обнаружилась цынга, а въ маѣ—двое сдѣлались ея жертвою.

Пріятное развлеченіе въ этой единообразной жизни составляла охота за песцами посредствомъ особыхъ ловушекъ (кулёмъ). Неоднократно случалось встрѣчаться также съ бѣлыми медвѣдями, бродившими около избы или судна, но всякій разъ людямъ удавалось отдѣлываться отъ нихъ или громкимъ крикомъ, или ружейными выстрѣлами, послѣ чего они бросались бѣжать опрометью. Двухъ медвѣдей удалось убить.

9-го ноября стужа возросла до 32-хъ градусовъ и окна внутри избы покрывались льдомъ на 1 дюймъ, такъ что не пропускали болѣе свѣта. Тогда Пахтусовъ велѣлъ обить ихъ снаружи досками, а избу окопать снѣгомъ, внутри же ея постоянно держать огонь.

9-го января 1833 года, къ общей радости, снова показалось солнце, послѣ 65-ти суточнаго отсутствія. Во все это время однако видѣнъ былъ свѣтъ зари, продолжавшійся каждый день 2^{1}_{2} часа, когда солнце находилось около меридіана. Съ 8-го апрѣля можно было снова приняться за береговую опись по льду, сначала близлежащихъ острововъ и Никольскаго Шара, а потомъ и далѣе къ западу. Въ одну изъ этихъ экскурсій Пахтусовъ былъ застигнутъ такою сильною вьюгою, что онъ и его люди не могли держаться на ногахъ, а должны были броситься ницъ и такимъ образомъ провели три дня безъ пищи въ снѣгу, подвергаясь опасности замерзнуть.

30-го мая, Пахтусовъ достигъ мыса, начиная отъ котораго берегъ идетъ къ СЗ. Этотъ мысъ, составляющій ЮВ. оконечность Новой Земли, онъ назвалъ мысомъ Меншикова. На другое утро онъ продолжалъ опись къ сѣверу, берегъ тутъ былъ равенъ, почти вовсе безъ изгибовъ, къ морю низменно покатъ и состоялъ изъ мелкаго плитчатаго камня.

Наконецъ 19-го іюня южными вѣтрами взломало ледъ на морѣ и унесло далеко изъ виду, но прибрежныя губы до мыса Меншикова еще были покрыты неподвижнымъ льдомъ, въ губѣ Каменкѣ даже до 14-ти вершковъ толщиною. Исправивъ судно и лодки, Пахтусовъ съ двумя рабочими и провизіею на мѣсяцъ, рѣшился предпринять на лодкѣ плаваніе къ сѣверу, буде можно, до Маточкина Шара. Кондуктору же Кранивину препоручилъ судно и остальную команду, давъ ему наказъ, какъ дѣйствовать по очищеніи губы отъ льда до соединенія ихъ въ условленномъ мѣстѣ. Перетащивъ лодку по-льду, Пахтусовъ 24-го іюня отправился въ море. Описывая берегъ, онъ послѣдовательно миновалъ мысы, названные имъ по именамъ: Перовскаго, Вилламова и Берха, но по малости лодки, при свѣжемъ вѣтрѣ

долженъ былъ прекращать опись и, входя въ устье какого нибудь ручейка, вытаскивать лодку на берегъ. 1-го іюля онъ дошелъ до мыса, которому далъ имя Ратманова, а нѣсколько дальше достигъ рѣки, окруженной высокими горами, какихъ дотолѣ не видалъ по всему восточному берегу. Ширина рѣки въ устьѣ была 20 саженъ, глубина при входѣ въ нее 7 футовъ; далѣе вверхъ по теченію пресѣкали ее пороги, между крутыми утесистыми берегами. Эту рѣку онъ назвалъ по имени своего сослуживца Казакова. Въ разстояніи $7\frac{1}{2}$ верстъ отъ нея, онъ увидѣлъ другую, которую назвалъ рѣкою Бутакова, а мысъ въ 6-ти верстахъ отъ нея мысомъ Орловскаго. Еще нѣсколько верстъ далѣе къ сѣверу онъ усмотрѣлъ большую рѣку и на лѣвомъ, т. е. сѣверномъ ея мысѣ, развалины избы, очевидно привезенной туда въ срубѣ, а вблизи ея крестъ съ надписью, гласившею, что онъ поставленъ 9-го іюля 1742 года, кормщикомъ Саввою О...ановымъ. По догадкѣ Пахтусова это значило Савва Лошкинъ, который обошелъ Новую Землю около мыса Доходы или Желанія и могъ называться по отчеству Ософановымъ. По достиженіи 5-го іюля широты 71° 38′ 19″, Пахтусовъ прекратилъ дальнѣйшее слѣдованіе, потому что на малой своей лодкѣ не могъ надѣяться дойти до Маточкина Шара. Вернувшись 7-го числа къ мѣсту зимовки, онъ узналъ отъ Крапивина, что судно совершенно готово и, что ледъ въ губѣ Каменкѣ только что взломало наканунѣ передъ тѣмъ. Но, по причинѣ крѣпкаго противнаго вѣтра, онъ не прежде 11-го числа могъ оставить губу Каменку. 19-го онъ снова достигъ рѣки Саввиной, которую описываетъ, какъ лучшее становье для промышленничьихъ судовъ на всемъ берегу отъ мыса Меншикова. Пройдивъ отсюда около 35-ти верстъ къ СЗ., Пахтусовъ нашелъ берегъ нѣсколько гористѣе и круче, до 12-ти саженъ вышиною. 21-го числа онъ вошелъ въ большую губу, которую назвалъ, въ честь своего предшественника на поприщѣ изслѣдованія Новой Земли, заливомъ Литке. Берега его состояли изъ слоистаго, разсыпающагося аспида, а окружающія его горы возвышались уступами до 800 футовъ и были покрыты снѣгомъ. Заливъ защищенъ отъ всѣхъ вѣтровъ и въ другомъ климатѣ могъ бы служить превосходною гаванью. Широта залива была опредѣлена въ 72°26′, долгота отъ Гринвича — 55°24′. Продолжая плаваніе къ сѣверу, онъ 8-го августа прибылъ къ мысу, которому далъ имя мыса Галла. 12-го числа миновалъ большой заливъ, названный имъ заливомъ Шуберта, а нѣсколько далѣе къ сѣверу еще два залива, которые по именамъ снарядителей экспедиціи прозвалъ заливами Брандта и Клокова. 13-го же числа вступилъ въ восточное устье Маточкина Шара. Пахтусовъ вмѣстѣ съ Крапивинымъ вышли на берегъ для наблюденій, а двоихъ изъ людей послали къ избѣ на Дровяномъ Носѣ узнать, не зимовалъ ли тамъ лейтенантъ Кротовъ и не оставилъ ли, какъ было условлено, извѣстія о своемъ плаваніи и о дальнѣйшихъ своихъ предпріятіяхъ. Но посланные возвратились, не принеся объ немъ никакой вѣсти.

Карское море въ это время было совсѣмъ чисто отъ льда сѣверозападными вѣтрами, дувшими три дня сряду и Пахтусовъ могъ бы продолжать опись къ сѣверу. Но идти далѣе въ этомъ направленіи, значило рѣшиться на вторую зимовку; а у него недоставало на это ни провизіи, ни физическихъ силъ. Итакъ онъ покинулъ это намѣреніе. 17-го августа кар-

басъ снялся съ якоря и направился къ западу чрезъ Маточкинъ Шаръ. Прибывъ въ губу Бѣлужью, онъ посѣтилъ избу зимовья Розмыслова, куда, по условію, Гвоздаревъ долженъ былъ привезти срубъ новой избы. Но и тутъ неоказалось никакой вѣсти ни о Кротовѣ, ни о Гвоздаревѣ. Вышедъ 19-го августа изъ Маточкина Шара, Пахтусовъ 25-го числа достигъ острова Колгуева; но тутъ ненадежное состояніе его судна побудило его илыть не прямо въ Архангельскъ, а зайти въ устье Печоры. Оттуда онъ на оленяхъ отправился въ Мезень, а 21-го ноября 1833 года возвратился въ Архангельскъ. И здѣсь не было никакого слуха о лейтенантѣ Кротовѣ; о крестьянинѣ же Гвоздаревѣ Пахтусовъ узналъ, что онъ, исполнивъ чисто-промышленную часть даннаго ему порученія, т. е наловивъ въ большомъ изобиліи моржей, благополучно прибылъ съ своимъ грузомъ во свояси. Пахтусовъ во время этой многотрудной экспедиціи лишился трехъ человѣкъ: двоихъ на зимовьѣ, а одного — на возвратномъ своемъ пути.

Въ слѣдующемъ году рѣшено было отправить къ Новой Землѣ еще экспедицію, но уже не отъ имени частныхъ лицъ, а отъ самого Правительства [1]). Для этого признаны были нужными два небольшія судна, способныя къ плаванію между льдовъ и для входа въ мелкія гавани. Но какъ въ то время не было такихъ въ готовности, то форетмейстеръ Клоковъ, соревнуя къ общей пользѣ, предложилъ построенные по его заказу небольшую шхуну и карбасъ; а сверхъ того, вызвался доставить къ западному берегу Новой Земли избу и провизію для экспедиціи на лодьѣ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ могла бы заниматься промыслами морскихъ звѣрей и развѣдками объ участи лейтенанта Кротова.

Начальство надъ шхуною, которая была прозвана по имени Кротова и имѣла длину 35, ширину — 11, а глубину трюма — 6 футовъ, снова было поручено Пахтусову, а баркасомъ, названнымъ по имени сопутника Кротова, Козакова и имѣвшимъ длину 40 футовъ, ширину — $11^{3}/_{4}$, глубину — $4^{1}/_{2}$ фута — кондуктору Циволькѣ. Команда на каждое изъ этихъ судовъ назначена была изъ пяти матросовъ и двухъ вольнонаемныхъ людей, всего же со включеніемъ командировъ и фельдшера — 17 человѣкъ. Для всей команды изготовлена была теплая самоѣдская одежда.

Въ инструкціи, данной на этотъ разъ Пахтусову изъ Гидрографическаго Депо, сказано было, чтобы онъ илылъ прямо къ Маточкину Шару и занялся описью восточнаго берега Новой Земли къ сѣверу отъ этого пролива; если же по прибытіи своемъ къ западному его устью, найдетъ его еще непроходимымъ, то илыть вдоль западнаго берега до сѣвернаго конца Новой Земли и, обогнувъ его, изслѣдовать восточный берегъ, а буде возможно, проникнуть еще далѣе на востокъ и сѣверъ для отысканія какихъ-либо новыхъ острововъ. Если же льды воспрепятствуютъ исполнить это предпріятіе, то, возвратясь къ Маточкину Шару, и пройдя чрезъ него, описать восточный берегъ до Мыса Желанія и слѣдовать обратно вдоль западнаго берега Новой Земли. Въ случаѣ необходимости зимованія, остановиться пред-

[1]) См. Вторая экспедиція подпоручика Пахтусова къ Новой Землѣ 1834 — 1835 г. въ Запискахъ Гидрограф. Департ., Часть II, стр. 1—97.

почтительно въ Маточкиномъ Шарѣ, гдѣ на этотъ конецъ имѣетъ быть устроена изба съ банею и амбаромъ. Если же прійдется зимовать на восточномъ берегу, то или оставаться на судахъ, или построить изъ плавника избу, или, вытащивъ шхуну на берегъ, основать въ ней зимнее свое жилище.

Въ половинѣ іюля 1834 года оба судна были готовы и экспедиція снялась съ якоря изъ Архангельска 24-го числа. 3-го августа она увидѣла Канинскій берегъ, а 9-го достигла мыса Гусинаго на южномъ краѣ Новой Земли. Проведя ночь въ уже извѣстной ему губѣ Широчихѣ, Пахтусовъ на слѣдующее утро вышелъ въ море, описывая по возможности, берегъ въ направленіи къ западу. Утромъ 21-го числа онъ вошелъ въ Костинъ Шаръ, а въ полдень того же дня въ рѣку Нехватову. Здѣсь онъ узналъ, что Циволька былъ тамъ за 3 дня передъ тѣмъ и вышелъ оттуда къ сѣверу. Тутъ же онъ свѣдалъ отъ одного промышленника, пришедшаго изъ Маточкина Шара, что на берегу, сѣвернѣе этого пролива найдены обломки рангоута небольшаго судна, которое, судя по описанію, не могло быть инымъ, какъ шхуна «Енисей» лейтенанта Кротова. Продолжая путь къ сѣверу, Пахтусовъ 26-го августа вошелъ въ Маточкинъ Шаръ и сталъ на якорь у устья рѣки Маточки, а на другое утро прибылъ туда и Циволька съ своимъ карбасомъ. Произведя въ этомъ мѣстѣ астрономическія и магнитныя наблюденія и обозрѣвъ окрестности, оба мореходца 29-го августа пошли по Маточкину Шару къ востоку и ночь провели у Бараньяго мыса. Здѣсь они полагали встрѣтить лодью съ избою, обѣщанною Клоковымъ, но надежда ихъ не сбылась. 7-го сентября, миновавъ мысъ Журавлева, увидѣли, что весь проливъ затертъ льдами: а у мыса Заворотнаго стояла сплошная стѣна льда. Тщетно борясь 2 недѣли со льдами, Пахтусовъ рѣшился зимовать въ проливѣ и 21-го сентября вошелъ въ избранную имъ на этотъ конецъ рѣку Чиракину. На слѣдующій день прибылъ туда и Циволька, привезя съ собою 40 штукъ брусьевъ и бревенъ, годныхъ на постройку избы. Тутъ на возвышенности западнаго берега рѣки они начали строить себѣ жилье, воспользовавшись на этотъ конецъ остатками трехъ старинныхъ избъ и развалинами судна, покинутаго Розмысловымъ, когда онъ оставилъ Новую Землю. Для рабочихъ на это время были устроены на берегу изъ парусовъ палатки въ родѣ самоѣдскаго чума, съ отверстіемъ на верху для дыма и съ огневищемъ посрединѣ шатра. Изба состояла изъ двухъ покоевъ, одного большаго въ 21 футъ длиною и 16 шириною для 14 служителей, и другаго меньшаго въ 12 длиною и 10 шириною для офицеровъ и фельдшера. Высота стѣнъ была до $6^1/_2$, а по срединѣ $8^1/_2$ футовъ. Пазы стѣнъ были забиты мхомъ, а кромѣ того внутри проконопачены пенькою. Наконецъ не были забыты и нары по стѣнамъ, русская печь въ большой и чугунная въ малой избѣ и баня. Словомъ это помѣщеніе далеко превосходило удобствомъ жилье предшествовавшей зимовки. Пища была хорошая, нерѣдко свѣжая дичь: какъ предохраненіе отъ цынги, кромѣ взятыхъ съ собою средствъ, употреблялась ложечная трава (Cochlearia), въ изобиліи тамъ растущая. И оттого команда была во все время бодра и совершенно здорова.

Когда морозы стали усиливаться, Пахтусовъ велѣлъ поставить кулемы (ловушки) для ловли песцовъ, верстъ на 10-ть по обѣ стороны избы и учредилъ постоянныя прогулки для

всей команды. Съ 1-го ноября началась непрерывная полярная ночь, но часа полтора около полудня было еще свѣтло, а притомъ нерѣдко показывались луна и сѣверное сіяніе. Съ 16-го ноября проливъ покрылся крѣпкимъ льдомъ, а ручей, изъ котораго брали воду, промерзъ до дна, и тогда надобно было ходить за водою около 5-ти верстъ къ верховью рѣки. Дрова для топки съ трудомъ собирали на разстояніи 15-ти верстъ отъ избы. Морозы доходили до 30°, но не свыше того. Съ начала марта солнце уже стало замѣтно теплѣе и можно было приступить къ береговой описи западнаго устья Маточкина Шара. Черезъ недѣлю она была кончена и найдена весьма согласною съ картою капитана Литке. Съ апрѣля мѣсяца начата была опись къ востоку отъ зимовья. Команда была раздѣлена на два отряда, изъ которыхъ одинъ изъ 7-ми человѣкъ, подъ управленіемъ самого Пахтусова, взялся описать южный берегъ Маточкина Шара, и астрономически связать его устья: а другой изъ 6-ти человѣкъ, подъ начальствомъ Цивольки, идти по прибрежному льду восточнаго берега Новой Земли къ сѣверу отъ пролива, доколѣ возможно. 5-го апрѣля оба отряда прибыли къ Дровяному мысу и остановились въ развалинахъ Розмысловой избы. Опредѣливъ тутъ широту мѣста и отпраздновавъ день Пасхи, они пошли до мыса Быкъ. Тамъ обѣ партіи разстались.

Пахтусовъ произвелъ по льду геодезическую опись Маточкина Шара и составилъ карту его, которая вообще оказалась согласною съ описью Розмыслова. Ширина Новой Земли отъ мыса Столбоваго до Выходнаго найдена $83\frac{1}{2}$ версты или 47 итал. миль, а длина пролива съ изгибами 95 верстъ или 54 итал. мили. 13-го апрѣля Пахтусовъ возвратился къ своему зимовью и затѣмъ хотѣлъ было приступить къ описи западнаго берега Новой Земли къ югу отъ Маточкина Шара: но былъ воспрепятствованъ въ томъ, сначала продолжительною мятелью, а потомъ образовавшимся вдоль берега льдомъ. Послѣ этого онъ принялся за постройку карбаса въ 18 футовъ длиною, на которомъ намѣренъ былъ опять Новую Землю съ запада на сѣверъ и востокъ.

Между тѣмъ Циволька 8-го апрѣля перешелъ чрезъ Маточкинъ Шаръ по ровному льду отъ мыса Быкъ къ мысу Выходному, а оттуда по торосоватому льду слѣдовалъ восточнымъ берегомъ къ сѣверо-востоку. На этомъ пути онъ встрѣтилъ нѣсколько большихъ заливовъ, которые переѣхалъ поперегъ, не углубляясь внутрь ихъ, потому что хотѣлъ скорѣе получить общее понятіе о досель еще незнакомомъ берегѣ Новой Земли. Заливамъ этимъ онъ далъ названія Канкрина, Незнаемаго и Медвѣжьяго. 24-го апрѣля достигъ полуострова Флотова въ 150-ти верстахъ отъ восточнаго устья Маточкина Шара. Но далѣе этого не могъ идти по ненадежному состоянію льда и недостатку провизіи. Итакъ, предпринявъ на другой день обратный путь, прибылъ 30-го числа къ мысу Дровяному, а послѣ трехдневнаго тамъ отдыха, направился по Маточкину Шару, и 6-го мая возвратился къ зимовью. 21-го іюня прибылъ туда и Сумскій мѣщанинъ Ереминъ, который, встрѣтивъ сильный ледъ, укрылся съ своею лодьею въ рѣкѣ Маточкѣ, а потомъ, видя, что весь Маточкинъ проливъ затертъ льдами, рѣшился идти берегомъ на встрѣчу экспедиціи.

29-го іюня западное устье Маточкина Шара освободилось отъ льда и на другой день Пахтусовъ вышелъ въ море на карбасѣ Козаковъ, взявъ съ собою двѣ лодки и на 3½ мѣсяца провизіи и, оставивъ въ зимовьѣ только двухъ больныхъ подъ надзоромъ фельдшера и одного служителя.

Неподалеку отъ мыса Серебрянаго, а равно на берегу острова Митюшева и въ губѣ Серебрянкѣ найдены были обломки судна, которые признаны за части шхуны «Енисей», а потому вѣроятно, что гдѣ нибудь около этихъ мѣстъ погибъ лейтенантъ Кротовъ со своимъ экипажемъ. 8-го іюля достигли полуострова Адмиралтейства, гдѣ уже стали показываться льдины. Едва же утромъ слѣдующаго дня прибыли къ южнымъ Горбовымъ островамъ, какъ увидѣли себя посреди льдовъ, которые напирали на карбасъ со всѣхъ сторонъ и около полудня онъ уже былъ сокрушенъ ими. Предвидя неминуемую гибель судна, Пахтусовъ заблаговременно велѣлъ спасать нужнѣйшія вещи въ двѣ лодки и потащить ихъ по льдинамъ къ берегу, который отстоялъ отъ нихъ не болѣе версты. Проведя тутъ ночь въ палаткахъ, моряки на другой день принялись за исправленіе своихъ лодокъ, чтобы на нихъ плыть обратно къ Маточкину Шару. Къ счастію тутъ нашлось довольно плавнику, но запасъ провизіи былъ почти истощенъ. Въ этомъ-то крайнемъ положеніи явилась имъ неожиданная помощь. Сумскій мѣщанинъ Ереминъ, тотъ самый, который съ мѣсяцъ передъ тѣмъ навѣщалъ ихъ въ Маточкиномъ Шарѣ, прибылъ туда въ эту ночь на своей лодьѣ и оставивъ ее въ ближнемъ проливѣ, самъ пошелъ по острову съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть состояніе льда къ сѣверу. Заставъ моряковъ въ такомъ бѣдствіи, онъ радушно изъявилъ готовность взять ихъ на свою лодью. Между тѣмъ подоспѣла въ проливъ еще другая лодья, промышленника Ивана Гвоздарева, которая также приняла нѣсколько человѣкъ съ разбившагося карбаса. Къ ночи 22-го числа обѣ лодьи отправились къ СВ. и вскорѣ вошли въ гавань, закрытую отъ всѣхъ вѣтровъ и изобильную прѣсною водою въ ручьяхъ. Гавань эту Пахтусовъ назвалъ по имени своего избавителя Еремина.

До 1-го августа Ереминъ занимался по берегамъ ближнихъ острововъ ловлею моржей, а между тѣмъ Пахтусовъ и Циволька описывали на своихъ плюшкахъ тамошнія прибрежія. Вечеромъ 1-го августа лодья Еремина снялась съ якоря и, миновавъ полуостровъ Адмиралтейства, зашла въ заливъ Сульменева. По описаніи береговъ его, моряки продолжали плыть къ югу и, 9-го августа, вошли въ Маточкинъ Шаръ. Возвратясь въ свое зимовье, Пахтусовъ нашелъ оставленныхъ тамъ больныхъ, благодаря заботливости объ нихъ фельдшера Чупова, совершенно выздоровѣвшими.

Неустрашенный неудачею первой своей попытки пройти къ сѣверо-восточному берегу Новой Земли съ сѣвера, Пахтусовъ рѣшился попытать, не удастся ли ему проникнуть туда чрезъ Маточкинъ Шаръ. Итакъ, взявъ съ собою 5-ть человѣкъ матросовъ и фельдшера, онъ 10-го августа на карбасѣ отправился къ востоку, 15-го числа достигъ Дровянаго мыса и, счастливо пробравшись чрезъ встрѣченные имъ льды къ восточному устью пролива, началъ описывать берегъ къ сѣверу отъ него. Стараясь на этомъ пути въ особенности изслѣдовать тѣ заливы, которые еще не были осмотрѣны Циволькою, онъ неодно-

кратно долженъ былъ укрываться отъ напора льдовъ, то за ледяныя стамухи, то за мыски, то въ заводи берега. Такимъ образомъ онъ дошелъ до острова, названнаго впослѣдствіи времени его именемъ и лежащаго въ широтѣ 74°24′, 35-ью верстами далѣе крайняго пункта описи Цивольки. Далѣе же плыть было невозможно, по причинѣ скопившагося у береговъ льда. Итакъ, предпринявъ обратный путь, онъ 28-го числа достигъ устья пролива, а вскорѣ потомъ и своего зимовья. 3-го сентября вступилъ подъ паруса, и 7-го октября, послѣ путешествія, продолжавшагося 440 дней, обратно прибылъ въ Соломбалу. Изъ числа экипажа его судна на Новой Землѣ умерли двое, прочіе возвратились здоровыми.

Двѣ экспедиціи Пахтусова, не смотря на то, что не достигли главной своей цѣли, т. е. обойти весь островъ, принадлежатъ къ самымъ обильнымъ по своимъ результатамъ. Въ первую изъ нихъ описаны были южная сторона Новой Земли и восточный берегъ южнаго острова, а во вторую — Маточкинъ Шаръ и восточный берегъ къ сѣверу отъ него до мыса Долгаго. И, если присовокупить къ этому астрономическія опредѣленія многихъ пунктовъ, тщательныя наблюденія надъ приливомъ, а равно по части метеорологіи и земнаго магнетизма, то нельзя не удивляться неутомимой дѣятельности этого смѣлаго и искуснаго моряка. Къ практическимъ послѣдствіямъ его путешествій еще надобно причислить и то, что они пріучили жителей поморья къ болѣе отважнымъ плаваніямъ для промысловъ на Новой Землѣ. По слѣдамъ его кормщики: Ереминъ, Гвоздаревъ, Башмаковъ, Исаковъ, заходили далѣе всѣхъ прежнихъ промышленниковъ, кромѣ Лошкина, который въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ остается единственнымъ. Изъ вышеназванныхъ четырехъ промышленниковъ, первые трое доходили до острововъ Панкратьевыхъ, а четвертый еще на сто верстъ далѣе, и такъ едва-ли не до самаго мыса Нассавскаго [1]).

Дотолѣ Новая Земля посѣщалась только въ промышленныхъ и чисто географическихъ цѣляхъ, а еще не была изслѣдована ни однимъ естествоиспытателемъ въ полномъ смыслѣ этого слова [2]). Знаменитый зоологъ Императорской Академіи Наукъ, К. М. фонъ-Бэръ, издавна занимаясь изученіемъ природы глубокаго сѣвера и, признавая Новую Землю страною, способною, по чрезвычайно низкой своей температурѣ, пролить много свѣта на законы

---

[1]) Промышленникъ Иглинъ изъ Мезени, четыре раза зимовавшій на Новой Землѣ и однажды на Груммантѣ, т. е. островѣ Шпицбергенѣ и сопровождавшій въ 1841 году консерватора Ботаническаго Музея, нынѣ академика д-ра Рупрехта въ путешествіи его на Канинъ Носъ, островъ Колгуевъ и къ берегамъ Мало-Земельской тундры, дѣлалъ ему предложеніе отправиться съ нимъ прямо на островъ Баренца съ оленями и объѣхать оттуда сѣверо-восточный берегъ Новой Земли; однако г. Рупрехтъ, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, не могъ принять этого вызова.

Но самый разительный примѣръ настойчивой предпріимчивости поморовъ представляетъ Ѳедотъ Рахманинъ, мезенскій крестьянинъ, проведшій, такъ сказать, всю свою жизнь въ смѣлыхъ морскихъ путешествіяхъ. Вступивъ 17-ти лѣтъ въ частную морскую службу, онъ въ продолженіе 40 лѣтъ каждый годъ ходилъ въ море, 26-ть разъ зимовалъ на Новой Землѣ, 6-ть разъ на Шпицбергенѣ, 5-ть лѣтъ занимался мореплаваніемъ изъ рѣки Енисея на суднѣ купца Лобанова, два раза ходилъ на Новую Землю для однихъ лѣтнихъ промысловъ.

[2]) Лудловъ былъ посланъ на Новую Землю въ качествѣ не столько минералога, сколько горнаго чиновника, для отысканія тамъ драгоцѣнныхъ металловъ и вообще полезныхъ ископаемыхъ.

распространенія въ природѣ органической жизни, пожелалъ самъ побывать на этомъ замѣчательномъ островѣ. Близко ознакомясь въ тоже время съ Циволькою, особенно заинтересовавшимся изученіемъ Новой Земли и, узнавъ отъ него, что въ Архангельскомъ портѣ праздно стоитъ небольшая шхуна «Кротовъ», та самая, которая за два года передъ тѣмъ плавала къ Новой Землѣ, онъ въ 1834 году вошелъ въ Академію съ представленіемъ, что весьма желательно было бы воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ для изслѣдованія естественнаго быта Новой Земли и самъ предложилъ на этотъ конецъ свои услуги [1]).

Эта мысль была вполнѣ одобрена Академіею, и знаменитый членъ ея получилъ разрѣшеніе посѣтить въ теченіе лѣта сѣверъ Лапландіи и Новую Землю. Спутниками своими онъ избралъ себѣ студента Дерптскаго университета, г. Леманна, въ званіи геогноста, гиттен-фервальтера Редера, въ качествѣ рисовальщика и лаборанта Зоологическаго Музея, Филиппова, для набиванія чучелъ. Самъ Циволька вызвался быть вождемъ его судна.

6-го іюня естествоиспытатели прибыли въ Архангельскъ. Но какъ шхуна «Кротовъ» оказалась слишкомъ малою для помѣщенія членовъ экспедиціи и ожидаемыхъ впредь коллекцій, то академикъ Боръ нанялъ за 800 рублей еще промышленничью лодью «Святый Елисей», съ тѣмъ уговоромъ со стороны ея хозяина, чтобы ему дозволено было отправлять свой промыселъ тамъ, гдѣ будетъ останавливаться экспедиція. На этой-то лодьѣ и помѣстился самъ Боръ съ Леманномъ и лаборантомъ, а Редера оставилъ на шхунѣ. Экипажъ послѣдней состоялъ изъ 7-ми матросовъ, одного слуги и двоихъ промышленниковъ.

19-го іюня оба судна вышли изъ Архангельска и послѣ краткаго пребыванія въ южной Лапландіи (съ 2-го по 12-е іюля) обратились къ берегамъ Новой Земли. Ледовитое море, вслѣдствіе продолжительныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, было уже очищено отъ льда, и такъ послѣ 5-ти дневнаго плаванія они 17-го іюля увидѣли передъ собою Гусиный Носъ, а 19-го вошли въ Маточкинъ Шаръ, гдѣ расположились на якорѣ противъ устья Чпракиной. Но какъ это мѣсто оказалось неудобнымъ для стоянки, по причинѣ мелководія, то на слѣдующій день выбрано было другое якорное мѣсто въ заводи за коргами у Бараньяго мыса.

Въ теченіе недѣли естествоиспытателями были изслѣдованы оба берега устья Маточкина Шара въ ботаническомъ, зоологическомъ и геогностическомъ отношеніяхъ, и между прочимъ гг. Леманномъ и Редеромъ совершена поѣздка въ губу Серебрянку, а гг. Боромъ и Циволькою къ рѣкѣ Маточкѣ, для осмотра ея окрестностей и особенно мыса Столбоваго, гдѣ г. Боръ занимался изслѣдованіемъ разныхъ морскихъ животныхъ. Между тѣмъ мѣщанинъ, у котораго была нанята лодья, по заключенному съ нимъ договору, выслалъ своихъ людей на звѣриный промыселъ къ дальнимъ островамъ на западномъ берегу. Противные вѣтры не дозволяли имъ возвратиться во время, и г. Боръ, въ ожиданіи ихъ, цѣлыхъ три недѣли долженъ былъ оставаться на томъ же мѣстѣ. Живѣйшее его желаніе было плыть на шлюпкахъ въ Карское море; но проливъ еще былъ покрытъ льдомъ. Не прежде исхода іюля

[1]) Bulletin Scientifique de l'Acad. Imp. des Sciences de St-Pétersbourg, T. II, стр. 137 и сл., 315 и сл. и T. III, стр. 97 и сл.

онъ могъ пуститься со своими спутниками на карбасѣ по Маточкину Шару съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть оба его берега и восточное его устье. Около середины пролива они нашли ледъ уже пришедшимъ въ движеніе, и рѣшились пробраться чрезъ него. Это дѣйствительно и удалось имъ, хотя не безъ малаго труда, и къ полуночи они прибыли къ восточному устью пролива. Здѣсь они провели цѣлый день (1-го августа) въ бурную погоду при температурѣ 4½ безъ всякаго пріюта и почти безъ пищи. Карское море уже было очищено отъ льда, но въ немъ еще не было слѣдовъ животной жизни, кромѣ множества акалефовъ изъ породы Vetoë Cuvierii, которые какъ бы вполнѣ наслаждались въ льдистой стихіи, являя въ своихъ плавательныхъ листочкахъ такую роскошь цвѣтовъ, которой невозможно изобразить кистію. На слѣдующій день, по минованіи бури, естествоиспытатели предприняли обратное свое плаваніе и, ночью, изшурешные голодомъ и холодомъ, возвратились къ мѣсту своей стоянки. 4-го августа они снялись съ якоря и пошли къ западному устью; а затѣмъ, слѣдуя вдоль западнаго берега, прибыли къ Безымянной губѣ, гдѣ найдены были на берегу куски каменнаго угля. 6-го же августа, миновавъ сѣверный Гусиный Носъ, вошли въ Костинъ Шаръ. Остановись въ устьѣ рѣки Нехватовой, они предпринимали оттуда поѣздки въ окрестности, а 9-го августа — вверхъ по рѣкѣ къ озерамъ, изъ которыхъ она беретъ свое начало. Изба, нѣкогда построенная здѣсь для ловли гольцевъ [1]) (Salmo alpinus. Fabr.), служила имъ временнымъ пріютомъ. По возвращеніи ихъ оттуда настала сильнѣйшая буря, продолжавшаяся 9-ть дней сряду и недозволившая имъ дѣлать какія-либо наблюденія. Въ тоже время выслан-

ный хозяиномъ судна для промысла люди снова заставили себя дожидаться три недѣли. Между тѣмъ каждую ночь на рѣкѣ образовался ледъ и наступившіе съ 21-го августа утренники напомнили путешественникамъ, что уже время помышлять объ обратномъ пути. Итакъ, водрузивши, по новоземельскому обычаю, крестъ въ память академической экспедиціи и омывшись въ банѣ, безъ чего здѣсь не оставляется ни одно якорное мѣсто, они вышли изъ рѣки Нехватовой. Два дня еще были проведены у острова Голодая для ловли морскихъ животныхъ и собиранія растеній. 29-го же числа лодья вступила подъ паруса, 6-го сентября достигла береговъ Лапландіи не много южнѣе Семи Острововъ, а потомъ, проведя еще полторы сутки у Трехъ Острововъ, для собиранія низшихъ морскихъ животныхъ, чрезъ двое сутокъ, 11-го сентября, вмѣстѣ со шхуною возвратилась въ Архангельскъ съ совершенно здоровымъ экипажемъ.

Научная часть этой первой ученой экспедиціи на Новую Землю, конечно не могла находиться въ лучшихъ рукахъ, какъ достойнаго главы ея. Только съ помощію такого огромнаго запаса многосторонихъ познаній, какимъ онъ обладалъ, такого глубокаго изученія арктической природы, какое онъ преподалъ своему путешествію и такой быстрой и мѣткой наблюдательности, которая ему свойственна, можно было въ такое короткое время совершить столько, сколько было сдѣлано имъ.

[1]) Родъ семги, но съ незамѣтными чешуйками, отчего эта рыба и получила свое названіе.

Плодами 6-ти недѣльнаго пребыванія экспедиціи на Новой Землѣ были кромѣ обильной добычи по части ботаники [1]), зоологіи [2]) и минералогіи, въ особенности тщательныя изслѣдованія геогностическаго строенія острова въ посѣщенныхъ ею мѣстахъ. Одною изъ главнѣйшихъ геогностическихъ задачъ экспедиціи было изслѣдовать, составляютъ ли горы Новой Земли продолженіе Уральскаго хребта или нѣтъ, и этотъ вопросъ разрѣшенъ вполнѣ удовлетворительно. Вообще, по словамъ самого естествоиспытателя, фауна и флора Новой Земли, отнынѣ сдѣлались болѣе извѣстными, чѣмъ другой какой либо страны глубокаго сѣвера, исключая западной Гренландіи, гораздо болѣе благопріятствуемой климатомъ и изслѣдованной столь многими отличными натуралистами.

Статьи г. Бэра, о геогностическомъ строѣ, о климатѣ, о растительности и животной жизни Новой Земли, проливъ новый свѣтъ на природу, не только того острова, но и глубокаго сѣвера вообще, пріобрѣли автору ихъ славу открытеля Новой Земли съ научной точки зрѣнія [3]).

Что же касается до трудовъ Цивольки въ эту экспедицію, то они ограничились только описью посѣщенныхъ имъ якорныхъ мѣстъ, глазомѣрными планами гаваней и измѣреніемъ высоты замѣчательнѣйшихъ горъ по берегамъ Маточкина Шара.

Принимая въ соображеніе, что какъ для пользы науки, такъ и въ выгодахъ промышленности, весьма важно было бы довершить опись Новой Земли, правительство рѣшило снарядить туда еще экспедицію съ тѣмъ, чтобы въ два лѣта окончить осмотръ восточнаго и подробно изслѣдовать главнѣйшіе заливы западнаго береговъ острова [4]).

На этотъ конецъ построены были по одному плану двѣ шхуны: «Новая Земля» и «Шпицбергенъ», каждая въ 39 футовъ длиною, въ 11 шириною и въ $4^1/_2$ фута глубиною. Начальство надъ первою ввѣрено было только что возвратившемуся съ Новой Земли прапорщику Циволькѣ, а надъ второю—прапорщику Моисѣеву. Экипажъ первой шхуны состоялъ изъ одного кондуктора, фельдшера Чупова и 12-ти нижнихъ чиновъ, а второй — изъ одного кондуктора и 11-ти человѣкъ нижнихъ чиновъ. Сверхъ того, для перевоза избы и запасной провизіи нанята была лодья крестьянина Гвоздарева.

Въ инструкціи, данной начальнику экспедиціи, ему особенно было вмѣнено въ обязанность осмотрѣть сѣверный и сѣверо-восточный берега Новой Земли и подробно описать заливы по западному ея берегу: опись къ сѣверу довести, по возможности, далѣе, а при описи заливовъ, преимущественно имѣть въ виду тѣ, которые наболѣе посѣщаются промышлен-

[1]) Однихъ явнобрѣтныхъ собрано на Новой Землѣ около 90 видовъ, между тѣмъ какъ съ острова Шпицбергена тогда извѣстно было ихъ не болѣе 30 породъ.

[2]) Между прочимъ безпозвоночныхъ животныхъ на Новой Землѣ и вблизи ея найдено свыше 70 породъ, тогда какъ Скоресби приводитъ ихъ съ Шпицбергена не болѣе 37.

[3]) Эти статьи, писанныя въ видѣ донесеній Академіи Наукъ, помѣщены въ Bulletin Scientifique. Tome III, 1838, и служили главною основою нижеслѣдующихъ естественно научныхъ очерковъ Новой Земли.

[4]) См. Плаваніе прапорщиковъ Цивольки и Моисѣева къ Новой Землѣ въ 1838 и 1839 годахъ въ Запискахъ Гидрогр. Департ. Ч. III, 1845, стр. 21 и сл.

никами. Сверхъ того, производить также наблюденія: астрономическія, физическія, гидрографическія и по наукамъ естественнымъ. Насчетъ маршрута ему предписано было, посѣтивъ напередъ Лапландію, для осмотра оказавшихся у береговъ ея каменистыхъ мелей, идти къ юго-западному берегу Новой Земли и подробно описать эту часть острова, оттуда направиться къ Крестовому заливу и тамъ построить себѣ зимовье, а вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовать, не есть ли эта губа—устье пролива, подобнаго Маточкину Шару. Затѣмъ обоимъ судамъ плыть къ сѣверу и, начавъ опись отъ полуострова Адмиралтейства, обойти, буде можно, мысъ Желанія, и по восточному берегу спуститься къ югу, а потомъ чрезъ Маточкинъ Шаръ возвратиться къ мѣсту зимовки. Во второе же лѣто, преимущественно, заняться подробною описью западнаго берега.

27-го іюня 1838 года экспедиція отправилась изъ Архангельска. Прапорщикъ Моисѣевъ вмѣстѣ съ лодьею Гвоздарева пошелъ прямо къ Новой Землѣ. Прапорщикъ же Циволька, исполнивъ свое порученіе у береговъ Лапландіи, взялъ свой курсъ туда же, и 4-го августа прибылъ въ губу Мелкую, гдѣ уже ожидали его прапорщикъ Моисѣевъ и Гвоздаревъ, успѣвшіе между тѣмъ выстроить тамъ двѣ избы, съ банею. Помѣщеніе этого зимовья было гораздо привольнѣе прежнихъ. Большая изба была въ 5 саженъ длиною, въ $3^1/_2$ ширины и въ 8 футовъ вышины, и снабжена большою русскою печью и широкими скамьями или нарами. Другая меньшая изба имѣла $2^1/_2$ сажени въ квадратѣ и 7 футовъ вышины. Обѣ избы были соединены между собою крытыми сѣнями, гдѣ помѣщалась кладь съ провизіею и порою укрывались отъ вьюги 15 собакъ, привезенныхъ изъ Архангельска, и оказавшихъ экспедиціи немалую услугу бдительнымъ охраненіемъ ея жилища отъ непрошенныхъ гостей того края.

Съ 20-го августа принялись за опись къ сѣверу. Прапорщикъ Циволька на карбасѣ съ 6-ью матросами отправился вдоль западнаго берега съ тѣмъ, чтобы обойти сѣверовосточную оконечность Новой Земли, а прапорщику Моисѣеву приказалъ идти на шхунѣ въ Крестовую губу и, сдѣлавъ подробную опись ея, вернуться на зимовье. Но Циволька, прошедъ не далѣе мыса Прокофьева, сѣвернаго конца Крестоваго залива, занемогъ и долженъ былъ возвратиться. Моисѣевъ же 24-го августа поплылъ къ сѣверу и, достигши 29-го числа сѣвернаго Сульменева залива, занялся описью его. Въ глубинѣ этого залива онъ нашелъ весьма спокойное становище, похожее на извѣстную своею обширностью и безопасностью Петропавловскую гавань въ Камчаткѣ. Затѣмъ, по возвращеніи къ своему зимовью, хотѣлъ, оставивъ тамъ свою шхуну, идти на карбасѣ въ Крестовую губу для описи ея. Но начальникъ экспедиціи, по причинѣ поздняго уже времени года, не изъявилъ на то своего согласія. Зимовка моряковъ на этотъ разъ была очень несчастлива. Уже рано стала обнаруживаться между ними цынга: въ февралѣ больныхъ скорбутомъ было уже 13-ть. Самъ Циволька опасно захворалъ и 16-го марта кончилъ жизнь свою, по засвидѣтельствованію врача, отъ водянки въ груди. Около того же времени умерло еще три человѣка.

Прапорщикъ Моисѣевъ [1]), вступивъ по смерти Цивольки въ управленіе экспедиціи, съ

[1]) Дневныя записки, веденныя прапорщикомъ Моисѣевымъ при описи Новой Земли въ 1838 и 1839 годахъ въ Запискахъ Гидрогр. Департ. Ч. III, 1845, стр. 42—128.

наступленіемъ весны сталъ готовиться къ береговой описи. Оставивъ фельдшера Чупова и кондуктора Кёриера съ 10-ью больными въ зимовьѣ и взявъ съ собою кондуктора Рогачева и 9-ть чел. нижнихъ чиновъ, съ 5-ью санками и такимъ же числомъ собакъ для возки вещей и припасовъ на 1 мѣсяцъ, онъ 3-го апрѣля направился къ Крестовой губѣ, съ намѣреніемъ пройти къ ея вершинѣ, а оттуда, будетъ ли то проливомъ или разлогами, пробраться къ восточному берегу Новой Земли. Это, по его разсчету, могло составить около 100 верстъ пути. Прошедъ верстъ съ 20-ть, онъ подъ вечеръ того же дня прибылъ къ высокой горѣ, откуда видны были прибрежные утесы Крестовой губы. На слѣдующій день около полудня достигъ развалинъ избы на южномъ берегу Губы, противъ острова Врангеля, гдѣ расположился на ночлегъ. Морозъ въ эту ночь доходилъ до 22 градусовъ. Утромъ 5-го числа трое изъ его спутниковъ заболѣли колотьемъ въ груди. Отправивъ ихъ съ Рогачевымъ назадъ къ зимовью, онъ самъ съ прочими продолжалъ путь по льду чрезъ Крестовый заливъ къ его верховью. Но въ слѣдующій день одинъ изъ матросовъ заболѣлъ глазами, а 7-го числа еще двое, да и самъ онъ почувствовалъ сильное воспаленіе глазъ. При такихъ обстоятельствахъ продолжать путь было невозможно: итакъ онъ рѣшился возвратиться къ зимовью съ тѣмъ, чтобы, по выздоровленіи своемъ, сдѣлать по крайней мѣрѣ опись Крестовой губы. 8-го числа онъ прибылъ къ мѣсту зимовки. Рогачевъ и двое его спутниковъ также страдали воспаленіемъ глазъ. Всего въ избѣ было 16 больныхъ. Однако трехдневный отдыхъ снова возстановилъ ихъ зрѣніе: и 11-го числа Моисѣевъ рѣшился еще разъ попытаться проникнуть къ восточному берегу, а кондукторамъ поручилъ описать между тѣмъ заливы Мелкій и Крестовый: къ вечеру онъ выступилъ въ походъ съ 4-мя чел. нижнихъ чиновъ и, проведя ночь въ уже знакомой ему избѣ, на другой день продолжалъ путь вдоль южнаго берега Крестоваго залива; къ ночи достигъ вершины залива, а утромъ 14-го числа вступилъ въ разлогъ. Обозрѣвая мѣстность, онъ нашелъ, что разлогъ здѣсь раздвояется и, изъ положенія этихъ вѣтвей его и высоты надъ уровнемъ моря, удостовѣрился, что тутъ нѣтъ пролива, какъ предполагали Циволька и Башмаковъ.

Изнеможеніе силъ и трудность пути по сугробамъ снѣга не позволяли ему идти далѣе и принудили его, не достигнувъ восточнаго берега, предпринять обратный путь. 19-го числа онъ возвратился къ своему зимовью.

Около половины іюня, рѣка, на берегу которой они зимовали, и заливъ Мелкій очистились отъ льда и обѣ шхуны немедленно были спущены на воду. Поручивъ начальство надъ шхуною «Новая Земля» кондуктору Рогачеву, Моисѣевъ самъ остался на шхунѣ, «Шпицбергенъ». Рѣшась сдѣлать еще попытку для описи заливовъ къ сѣверу, онъ 13-го іюля вышелъ въ море на карбасѣ съ 4-мя матросами; поручивъ Рогачеву идти къ югу для описи Костина Шара и южной части залива Моллера. Въ это плаваніе Моисѣевъ, посѣтивъ заливы Крестовый, южный и сѣверный Сульменевы и Машигинъ, достигъ полуострова Адмиралтейства. Но, узнавъ отъ встрѣченныхъ имъ промышленниковъ, сбиравшихся было плыть къ сѣверу за Пашкратьевы острова, что тамъ уже скопляются льды, онъ рѣшился оставить всѣ дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи. На обратномъ пути къ югу онъ заходилъ къ мысу

своей зимовки: потомъ описалъ заливъ Моллера: 30-го августа вошелъ въ Бѣлое море и 8-го сентября прибылъ въ Архангельскъ, послѣ путешествія, продолжавшагося 450 дней.

Между тѣмъ кондукторы Рогачевъ и Кёрнеръ, слѣдуя, по назначенію своему, на шхунѣ «Новая Земля» къ Костину Шару, вошли 6-го августа въ рѣку Нехватову. Описавъ рѣку и берегъ къ сѣверу отъ нея до южнаго Гусинаго Носа, они, перешедъ къ островамъ Б[illegible]лымъ, продолжали опись до мыса Чернаго, юговосточнаго плеча Костина Шара. По окончаніи этой работы, Рогачевъ 24-го августа оставилъ берегъ Новой Земли и, лишившись на обратномъ походѣ отъ сильныхъ непогодъ своей шхуны, 19-го октября прибылъ съ своею командою въ Архангельскъ на лодьѣ мѣщанина Рѣдькина.

Изъ личнаго состава экспедиціи умерло, со включеніемъ начальника ея Цивольки, на Новой Землѣ 9-ть человѣкъ; въ числѣ возвратившихся было пятеро больныхъ; прочіе 11-ть человѣкъ и всѣ офицеры остались здоровыми. Причиною такой необыкновенной смертности были, впрочемъ, по мнѣнію Моисѣева, не столько суровость климата и лишеніе во время зимовки, сколько слабое состояніе здоровья людей, выбранныхъ въ экипажъ обоихъ судовъ.

Что же касается до результатовъ этой экспедиціи, то они, хотя далеко не соотвѣтствовали ожиданіямъ, однако все же прибавили кое-что къ прежнимъ свѣдѣніямъ о Новой Землѣ. Сюда слѣдуетъ отнести опись заливовъ отъ губы Мелкой до губы Машигина и въ особенности опроверженіе догадки, будто бы существуетъ проливъ, соединяющій губу Крестовую съ губою Медвѣжьею на восточномъ берегу Новой Земли, далѣе опись на западномъ берегу южнаго острова большей части становищъ въ заливѣ Моллера, отъ мыса Бритвина до становища Гусинаго и береговъ Костина Шара, отъ рѣки Нехватовой къ сѣверу до мыса южнаго Гусинаго и къ югу до мыса Чернаго. Сверхъ того, астрономическими наблюденіями опредѣлена широта разныхъ мѣстъ. Промѣры глубины дѣланы были только около якорныхъ стоянокъ. Но зато составленъ былъ полный метеорологическій дневникъ, въ который внесены измѣненія температуры, погоды и вѣтра чрезъ каждый часъ въ продолженіе всей зимовки.

Главною причиною, ослабившею дѣйствія этой экспедиціи, была недоброкачественность судовъ, ее составлявшихъ, вслѣдствіе чего она опоздала своимъ прибытіемъ къ Новой Землѣ и уже не могла дѣйствовать тамъ съ надлежащимъ успѣхомъ, а должна была ограничиться изслѣдованіемъ заливовъ, сосѣдственныхъ къ мѣсту своей зимовки, тѣмъ болѣе, что и недуги людей экипажа не дозволяли помышлять о какихъ либо отдаленныхъ попыткахъ [1]).

Обозрѣвая весь этотъ рядъ экспедицій на Новую Землю, — числомъ 24-ре, — замѣчаемъ, что 12-ть первыхъ совершены иностранными мореходцами, а именно: Англичанами, Голландцами и Датчанами, а 12-ть послѣднихъ — Русскими.

Если иностранныя экспедиціи и положили первое начало точнѣйшему знакомству съ этимъ островомъ, то нельзя съ другой стороны не отдать справедливости, что русскія наи-

[1]) Записки Гидрографическаго Департамента, Часть III, 1845, стр. 122.

болѣе способствовали къ распространенію положительныхъ и вѣрныхъ познаній объ немъ, особенно въ гидрографическомъ и естественно-научномъ отношеніяхъ. Но за всѣмъ тѣмъ еще много остается исполнить, много сдѣлать открытій на Новой Землѣ. Внутренность ея доселѣ еще мало извѣстна, рѣки, озера, горы и ледники ея, большею частью, почти вовсе не изслѣдованы, а опись сѣверной и сѣверо-восточной ея частей все еще пребываетъ неразрѣшенною задачею. Впрочемъ, можно надѣяться, что по мѣрѣ распространенія образованія между жителями архангельскаго края, болѣе разовьется у нихъ духъ научной предпріимчивости, и что тогда, явится между ними второй, уже просвѣщенный наукою, Лошкинъ, который, совершивъ обходъ сѣверной части острова съ такимъ же успѣхомъ, какъ онъ, передастъ объ ней ученому свѣту болѣе точныя и полныя свѣдѣнія, нежели тѣ, которыя достались ему изъ описанія путешествія Баренца. Во всякомъ случаѣ довершенія изслѣдованія Новой Земли надобно ожидать отъ Россіи, и преимущественно отъ предпріимчивыхъ и любознательныхъ сыновъ поморья, уже свыкшихся съ ея климатомъ и уже столь много сдѣлавшихъ для ея развѣдки, а не съ другой какой-либо стороны.

ГЛАВА II.

ГЕОГРАФІЯ НОВОЙ ЗЕМЛИ.

Обширнѣйшій изъ острововъ Ледовитаго моря, Новая Земля, лежитъ между широтами $70^{1}/_{2}$° и 77°. Западную его границу, по опредѣленію капитана Литке, составляетъ меридіанъ $51^{1}/_{2}$° восточной долготы отъ Гринвича. Протяженіе Новой Земли къ востоку гораздо менѣе опредѣлено. На картѣ капитана Литке СВ оконечность Новой Земли положена въ долготѣ 78°, согласно съ картою, приложенною къ описанію перваго путешествія Баренца въ атласѣ Блау (Blaeus Grooten Atlas). Ни въ этомъ, ни въ другихъ описаніяхъ путешествія Баренца, нѣтъ подробнаго путеваго журнала, нѣтъ и особеннаго объясненія карты. Но весьма удовлетворительное сходство очертанія на ней южнаго и западнаго береговъ съ новѣйшими описями [1]) давало справедливый поводъ предполагать, что и далѣе къ востоку лежащій берегъ означенъ на ней съ такою же вѣрностію, почему онъ и нанесенъ на картѣ капитана Литке съ этой голландской. Отъ этого Новая Земля принимала видъ огромной выдавшейся къ СЗ дуги, въ противуположность съ существовавшими дотолѣ географическими картами, на которыхъ Новая Земля оканчивалась къ С. острымъ мысомъ, а также и съ картами Новоземельскихъ промышленниковъ, по которымъ Новая Земля не простиралась такъ далеко на востокъ.

Географическія карты не могли входить въ соображеніе по совершенной неизвѣстности ни кѣмъ, ни на какомъ основаніи онѣ были составлены. Карты же промышленниковъ, хотя начертанныя только наглядно и безъ всякаго научнаго основанія, заслуживали болѣе вниманія, какъ произведеніе людей, на мѣстѣ бывалыхъ.

[1]) См. сравнительную карту положенія береговъ Новой Земли въ Четырекратномъ путешествіи. Ч. I, стр. 112.

Эти именно карты дали поводъ къ сомнѣнію въ вѣрности изображенія сѣверо-восточной части Новой Земли на картѣ капитана Литке. Въ 1836 году г. Академикъ Бэръ представилъ Императорской Академіи Наукъ карту Новой Земли, сочиненную извѣстнымъ уже намъ штурманомъ Циволька, на которой эта часть изображена согласно съ показаніемъ мореходa Исакова, изъ Кеми, и другихъ промышленниковъ. На ней сѣверо-восточный берегъ отъ мыса Нассавскаго заворачивается къ юго-востоку и, достигнувъ долготы 66°, простирается къ юго-западу, сокращая такимъ образомъ эту часть почти на 12° по долготѣ противъ карты капитана Литке. Основываясь на сей картѣ и другихъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ штурманомъ Циволька, г. Бэръ находилъ вѣроятнымъ[1]), что мысъ, признанный капитаномъ Литке окончательно за мысъ Нассавскій, былъ все-таки мысъ Желанія Баренца, какъ онъ полагалъ во второе свое путешествіе, а три острова, названные имъ именемъ Баренца, суть въ самомъ дѣлѣ острова Оранскіе. Предположеніе это естественно вело къ другимъ, относительно тождества нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ, видѣнныхъ Баренцомъ и капитаномъ Литке.

Безполезно было бы въ настоящую минуту входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ предположеній. Практическій вопросъ о дѣйствительномъ видѣ Новой Земли нисколько бы чрезъ то не разъяснился: вопросъ этотъ можетъ быть окончательно рѣшенъ только точнымъ и подробнымъ осмотромъ всего берега: нельзя однакоже не привести здѣсь одного соображенія, доказывающаго невозможность того, чтобы мысъ, показанный на картѣ капитана Литке подъ названіемъ Нассавскаго, былъ Баренцовъ мысъ Желанія, или даже его Ледяной мысъ. Отъ обоихъ этихъ мысовъ на голландской картѣ берегъ простирается на значительное разстояніе къ западу, отъ мыса же, о которомъ идетъ рѣчь, онъ беретъ направленіе къ юго-западу. Если въ разстояніяхъ и можно подозрѣвать какую нибудь невѣрность, то нельзя того же предполагать объ общемъ направленіи берега, если оно относительно западнаго берега оказывается столь сходнымъ съ новѣйшими описями.

Здѣсь мѣсто упомянуть также о новой номенклатурѣ, которую покойный Академикъ Гамель предлагалъ ввести въ карты Новой Земли. Основываясь на томъ, что русскіе мореходы въ 1584 году говорили англичанину Маршу въ Москвѣ, что, идучи къ Оби, проходятъ мимо трехъ острововъ: Новой Земли, Вайгача и Матвѣева, онъ заключилъ, что названіе Новой Земли принадлежитъ только южному острову, а сѣверный долженъ называться Матвѣевой землею[2]). Имя Матвѣй навело его и на другую еще мысль, что и Маточкинъ Шаръ долженъ называться по настоящему Матюшкинъ, то есть Матвѣевъ Шаръ. Онъ говоритъ положительно, что Розмысловъ первый измѣнилъ названіе Матюшкинъ, въ Маточкинъ[3]). Но не говоря уже о томъ, что увѣренію этому не приводится никакихъ доказательствъ, есть ли какая нибудь вѣроятность, чтобы промышленники, которымъ работы Розмыслова оставались

[1]) Примѣчательная статья г. фонъ Бэра, читанная въ Академіи Наукъ, находится въ Bulletin Scientifique. Tome second, 1837, p. 137—172.

[2]) См. Tradescant, von D-r J. Hamel, 1847, стр. 229 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 235.

большею частію неизвѣстными, вдругъ единогласно, приняли придуманное имъ новое названіе, еслибъ они прежде въ самомъ дѣлѣ называли проливъ Матюшкинымъ или Матвѣевымъ? Эти догадки едва-ли имѣютъ какое нибудь основаніе. Всѣ, употребляемыя русскими промышленниками, названія перешли къ нимъ отъ первыхъ посѣтителей Новой Земли,—промышленниковъ же; и между ними не существуетъ никакого преданія, чтобы Новая Земля и разныя на ней мѣстности носили когда либо какія нибудь другія названія, кромѣ употребляемыхъ нынѣ. Объ этой географической фантазіи упоминается здѣсь потому только, что она была принята и даже распространена извѣстнымъ географомъ Петерманомъ. На небольшой картѣ, приложенной къ статьѣ о Шпицбергенскомъ морѣ, читанной имъ въ Лондонскомъ Географическомъ Обществѣ въ 1852 году, названы южная часть сѣвернаго острова Matthew's Land, средняя Lütke's Land, а сѣверная Barent's Land. Впрочемъ на новѣйшихъ его картахъ въ Stieler's Hand Atlas удержано одно только послѣднее названіе для самой сѣверо-восточной части. Удержано на нихъ также и Matthew's Strasse вмѣсто Маточкина Шара[1]).

Новая Земля, по своему положенію, островъ океаническій. Но съ одной своей стороны она недалеко отстоитъ отъ величайшаго изъ материковъ земнаго шара, европейско-азіатскаго. Это оказываетъ, какъ будетъ ниже объяснено, немалое вліяніе на ея климатъ и природу вообще и этимъ самымъ она значительно отличается отъ другихъ острововъ глубокаго сѣвера, имѣющихъ чисто-океаническое положеніе, какъ то именно отъ Исландіи, а съ другой стороны много сходствуетъ съ островами полярнаго архипелага, примыкающими къ материку сѣверной Америки.

Новая Земля омывается съ сѣвера и запада Ледовитымъ океаномъ, съ востока Карскимъ моремъ, которое такіе есть какъ бы только заливъ этого океана, а къ югу отдѣляется отъ острова Вайгача проливомъ въ 20 италіанскихъ миль шириною, называемымъ Карскими воротами.

Южнѣйшій пунктъ Новой Земли, Кусовъ носъ, составляетъ юго-восточную оконечность Кусова острова, отдѣляющагося отъ Новой Земли Никольскимъ шаромъ—проливомъ, около 17-ти верстъ длиною и отъ 4-хъ до 5-ти шириною. По описи Пахтусова ширина западнаго его устья $1\frac{1}{2}$ версты, восточнаго — 5-ть верстъ. Глубина въ срединѣ восточнаго устья 22 сажени, около береговъ есть нѣсколько банокъ[2]). Восточное его устье, со стороны Карскаго моря, называется Логиновы кресты; западное — Пѣтухи.

Въ юго-восточный берегъ Кусовой земли вдается обширный заливъ Тархова. На юго-западномъ ея углу находится Лахта[3]) Мирона, до 200 саженъ ширины и такой же длины.

[1]) Маточкою называется въ Архангельской губерніи маленькій компасикъ, употребляемый поморами и лѣсопромышленниками. Отъ этого происходитъ, можетъ быть, названіе Маточкина Шара, рѣки Маточки, и проч. Происхожденіе названія Шаръ неизвѣстно. Тамошніе мореходы разумѣютъ подъ этимъ проливъ, идущій отъ одного моря къ другому. Такимъ образомъ они говорили капитану Литке, что Костинъ Шаръ несправедливо такъ называется, потому что онъ только отдѣляетъ островъ Междушарскій отъ берега Новой Земли и, по настоящему, долженъ бы называться Костиной Салмой.

[2]) Записки Гидрографич. Департ. Ч. I, 1842, стр. 211.

[3]) Лахтами у промышленниковъ называются небольшія бухты.

при глубинѣ 2-хъ саженъ. Будучи открыта отъ юго-востока, она подвержена всему напору льда отъ Карскихъ воротъ, а посему можетъ служить только временнымъ убѣжищемъ за островкомъ, среди ея лежащимъ. Тутъ же вблизи есть обширное озеро прѣсной воды. На сѣверо-западномъ берегу Кусовой земли заливъ Гаврилова, по мнѣнію Пахтусова, также можетъ служить становищемъ, но онъ не былъ осмотрѣнъ имъ, по недостатку времени. На южномъ мысѣ Кусовой земли есть небольшое становище Кусово, образуемое островками. Среди восточнаго устья Никольскаго Шара на юго-восточной сторонѣ острова Средняго находится Лахта Заячья, около 300 саженъ шириною и 200 длиною, но также открытая отъ юго-востока.

Противъ западнаго устья Никольскаго Шара лежатъ Оленьи острова, Большой и Малый, изъ которыхъ первый въ разстояніи отъ Кусовой земли около 3-хъ верстъ, имѣетъ до 10-ти верстъ окружности. Въ 5-ти верстахъ отъ Кусовой земли находятся два островка, именуемые Братковыми. По близости Кусовой земли еще имѣется островокъ Пышины Луды[1]), покрытый краснымъ камнемъ. Недалеко отъ Оленьяго острова въ 200 саженяхъ отъ Новой Земли лежатъ два островка Пѣтухи, а противъ Оленьяго острова — Бритвины острова, числомъ два: 1) большой около 6-ти верстъ, и 2) малый около $^1/_2$ версты въ окружности.

На южномъ берегу Новой Земли имѣется нѣсколько заливовъ, весьма годныхъ для пристанища судовъ, а именно, начиная отъ восточнаго конца: 1) Губа Каменка, гдѣ провелъ зиму Пахтусовъ съ 1832 на 1833 годъ. Она до 3-хъ верстъ длиною, до 1^1, шириною, а глубина ея въ устьѣ до 9-ти саженъ, въ вершинѣ $1^1/_2$ сажени. За островками, прилежащими къ сѣверному мысу устья, гдѣ именно зимовалъ Пахтусовъ, глубина $1^1/_2$ сажени. 2) Губа Логинова, до 20-ти верстъ длиною, до 5-ти шириною и до 20-ти саженъ глубиною. Тутъ хорошее якорное мѣсто за островомъ Рогозина, третьимъ по счету отъ юго-востока. Въ 10-ти верстахъ отъ устья губы Логиновой есть довольно большой заливъ между южнымъ берегомъ губы и островами Стодольскаго. Здѣсь зимовалъ несчастный самоядинъ Мавей, о судьбѣ котораго будетъ сказано ниже. 3) Заливъ Рейнеке, съ нѣсколькими островами.

Между Оленьимъ островомъ и берегомъ Новой Земли протекаетъ Пѣтуховскій Шаръ, проливъ, по описи Пахтусова, въ 5-ть верстъ длиною и до 15-ти саженъ глубиною въ серединѣ, а къ берегамъ до 3-хъ. Грунтъ илъ съ пескомъ. Берега почти сплошь приглубы и во многихъ мѣстахъ утесисты, до 6 ти саженъ вышиною. Въ этомъ проливѣ есть хорошее становище у сѣвернаго берега въ небольшой бухтѣ, прикрытой со стороны востока холмистымъ островомъ.

Къ сѣверо-западу отъ Оленьяго острова между южнымъ Бритвинымъ Носомъ и Кабаньимъ мысомъ находятся три губы, называемыя Кабаньими или Кабановскими[2]). Первая

---

[1]) Подъ словомъ «луда» разумѣется островокъ, состоящій изъ голаго камня, а иногда подводная скала.
[2]) Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія. Ч. XXXI, Январь 1789 года, стр. 13, 14.

изъ нихъ около 10-ти верстъ длиною, съ устьемъ въ полтретьи версты шириною; вторая верстъ 7-мь длиною, съ устьемъ около 5-ти верстъ; третья въ $1^1/_2$ версты длиною, съ устьемъ въ версту шириною.

Нѣсколько западнѣе отъ Кабаньихъ губъ вдается въ южный берегъ Новой Земли пространная, наполненная островами губа Саханиха[1]), съ устьемъ въ 5-ть верстъ ширины, въ 15-ть верстъ длиною. Она обхватывается съ юго-востока Кабаньимъ или Кабановскимъ, а съ юго-запада Черными мысами. Въ вершинѣ своей она раздѣляется на три залива. Въ западный изъ нихъ впадаетъ рѣка Саханиха или Суханиха, около 50-ти верстъ длиною. Глубина ея въ устьѣ 10-ть, а далѣе до 18-ти футовъ. Рѣка отстоитъ отъ устья губы около 70-ти верстъ. Берега ея низменны и приглубы. Въ ней ловится много гольцовъ.

Въ устьѣ губы Саханихи къ западу отъ мыса Чернаго лежатъ острова Плоскіе, а къ югу отъ нихъ Саханины Базары или Саханинскіе острова, изъ которыхъ наибольшій около 10-ти верстъ въ окружности. Верстахъ въ 5-ти отъ него находятся Горбовые острова, числомъ 4-ре, а именно два передніе небольшіе, въ разстояніи около $1^1/_2$ версты отъ Новой Земли и два задніе, 5-ью верстами сѣвернѣе первыхъ. Изъ нихъ наибольшій, около 10-ти верстъ въ окружности, отстоитъ отъ Новой Земли на 6-ть верстъ, а другой, меньшій, ближе.

Къ сѣверо-западу отъ губы Саханихи между Чернымъ и Кушнымъ носами, врѣзываясь около 30-ти верстъ въ берегъ Новой Земли, простирается губа Черная, съ устьемъ въ 2 версты шириною. У восточнаго ея берега находится хорошее становище. Въ устьѣ ея лежитъ островъ Черной. По замѣчанію Пахтусова, онъ состоитъ изъ мелкаго булыжника, по которому накидано много плавнику или наноснаго лѣса. На серединѣ острова видны два креста.

Нѣсколько западнѣе Черной губы между Кушнымъ и Перевѣснискимъ мысами въ 50-ти миляхъ къ сѣверо-западу отъ Кусова носа находится губа Широчиха. Глубина у каменистаго и низменнаго ея берега до $3^1/_2$ сажень. Грунтъ песокъ съ мелкимъ камнемъ. Она открыта отъ запада и юго-запада и, слѣдовательно, годится для пристанища только при сѣверныхъ и восточныхъ вѣтрахъ. Неподалеку отъ берега есть озеро, изъ котораго можно запасаться прѣсною водою. Между Перевѣснискимъ мысомъ и Мучнымъ носомъ находится Ракова губа, около 20-ти верстъ длиною, съ устьемъ въ 15-ть верстъ шириною, а у Мучнаго носа губа того же имени.

Близъ Мучнаго носа лежатъ двѣ небольшія губы, отдѣляемыя одна отъ другой узкимъ перешейкомъ, — губа Васильева въ 4 версты длиною, съ устьемъ около полторы версты шириною и губа Строганова также въ 4 версты длиною, съ устьемъ въ 6 верстъ шириною.

За Мучнымъ носомъ слѣдуетъ къ сѣверу Шадринскій носъ. Они отстоятъ одинъ

[1]) У Крестинина она названа губа Суханина (тамъ же).

отъ сѣверной оконечности острова, въ разстояніи одной версты находится нѣсколько отмелыхъ камней.

Верстахъ въ 25-ти къ СЗ. отъ острова Ярцова лежитъ утесистый островъ Подрѣзовъ, въ 300 саженъ длины, 150 ширины и до 10-ти саженъ вышины. Онъ окруженъ каменистымъ рифомъ къ В. на 1 версту, къ Ю. и З. на $^1/_2$ версты, а къ С. на $^1/_4$ версты. Въ разстояніи отъ Подрѣзова острова верстъ около 35 и $2^1/_2$ отъ Гусиной Земли находится Вальковъ островъ или камень, слащовый утесъ, возвышающійся надъ уровнемъ моря до 12 саженъ и имѣющій около 50 саженъ въ длину и около 15 въ ширину [1]).

Противъ сѣвернаго устья Костина Шара вдается въ берегъ Новой Земли заливъ Рогачева. Длина его къ С. около 8 верстъ, ширина при устьѣ 6 верстъ. Къ вершинѣ его идетъ рукавъ, шириною съ версту и загибается къ ОХО. У восточнаго плеча устья губы лежитъ довольно обширный островъ, простирающійся на СЗ. около 4 верстъ. Проливъ съ восточной его стороны очень узокъ и мелокъ. Къ сѣверу отъ этого острова лежатъ еще два меньшіе: одинъ Сытина ближе къ западному берегу губы, другой Оконишникова, почти по серединѣ ея, а близъ вершины губы у западнаго ея берега находится еще четвертый островокъ, низменный. Глубина въ губѣ къ СЗ. отъ острова Оконишникова, отъ 3-хъ саженъ постепенно уменьшается. Путь въ эту губу, по мнѣнію Моисѣева, долженъ проходить по восточную сторону острова Сытина, чрезъ глубину отъ 4 до 3 саженъ [2]).

Къ западу отъ губы Рогачева, также еще въ сѣверной части Костина Шара, находится губа Бѣлужья, большая и довольно глубокая [3]). Въ ней есть два довольно большіе острова, расположенные у восточнаго ея берега.

Къ сѣверу отъ острова Подрѣзова, мореплаватель встрѣчаетъ пространную полосу земли, выдающуюся въ море въ видѣ выступа, около 150, а по Крестинину 200 верстъ въ длину и 20 въ ширину у подошвы горъ, которыя, простираясь отъ юга къ сѣверо-востоку, почти непрерывною обрывистою скалой, замыкаютъ собою эту равнину. Названіе ея Гусиная Земля. Она очень низка, не болѣе 2 до 3 саженъ выше уровня моря. Южный ея ко-

---

[1]) По имени этого острова нѣкоторые промышленники называютъ Костину землю Вальковою землею.

[2]) См. дневникъ Моисѣева въ Запискахъ Гидрогр. Деп. Ч. III, 1845, стр. 150.

[3]) При входѣ въ сѣверное устье Костина Шара обыкновенно руководствуются слѣдующими правилами: Пройдя островъ Подрѣзова съ южной его стороны, держать на OtN (по компасу) сѣвернѣе острова Ярцова; отъ Ярцова плыть SSO къ становищу Валькова, гдѣ какъ выше было замѣчено, есть хорошее якорное мѣсто. Затѣмъ, продолжая плыть отъ сѣверной оконечности острова Ярцова, править къ SOtO, оставляя въ правой сторонѣ острова Валькова; а пройдя 20 верстъ отъ острова Ярцова, оставить въ лѣвой сторонѣ острова Власовы и идти между ними и сѣвернюю оконечностью острова Долгаго. Между островами Власова можно также проходить. Отъ этихъ острововъ править въ проливъ между островами Долгимъ и Рейдеромъ. При выходѣ изъ этого пролива остерегаться кошекъ, вытянувшихся въ проливъ отъ обоихъ острововъ. Глубина въ проходѣ между кошками 9 саженъ. Пройдя этотъ проливъ, въ лѣвой сторонѣ встрѣчается отдѣльная гора, а сѣвернѣе ея бѣловатый высокій мысъ, на которомъ водружены кресты. Тогда править прямо на этотъ мысъ. Прійдя къ острову Нехватову стать на якорь по восточную его сторону на глубинѣ 5 или 7 саженъ. Прямо же идти въ рѣку опасно, потому что передъ самымъ устьемъ ея есть баръ. Безопаснѣе держаться ближе къ мысу съ крестами. (См. Записки Гидр. Деп. Ч. III, 1845, стр. 153 и сл.)

нпъ, у сѣвернаго входа въ Костинъ Шаръ, называется южнымъ Гуснымъ Носомъ или мысомъ Подрѣзова, а сѣверный Сѣвернымъ Гуснымъ Носомъ.

По Гусиной Землѣ протекаетъ нѣсколько рѣкъ. Главныя изъ нихъ:

1) Саучиха, по словамъ промышленниковъ до 5 саженъ глубины [1]).

2) Подрѣзова или Подрѣзиха, около 5 верстъ длиною, впадаетъ въ море въ 50-ти верстахъ къ сѣверу отъ Шадровскаго мыса.

3) Сивучиха, также около 5-ти верстъ длиною, впадаетъ въ море верстахъ въ 10 къ сѣверу отъ Подрѣзихи. Устье ея въ 20 саженъ шириною и отъ 5 до 6 саженъ глубиною.

4) Гусиниха, Гусиновка или Гусиная рѣка, соленая рѣчка, въ 13 верстъ длины, выходитъ изъ большаго соленаго озера, называемаго Гуснымъ, и впадаетъ въ море къ востоку отъ Сѣвернаго Гуснаго носа. Ширина ея устья, по показанію промышленниковъ, 5 саженъ, а далѣе она разливается до ширины 50 саженъ и образуетъ заводь, въ которой стоятъ очень спокойно. Глубина въ полную воду 7 футовъ. Она изобилуетъ голышами и омулями. Гусиное озеро имѣетъ около 15 саженъ въ окружности [2]).

Продолжая плыть къ сѣверу отъ Гусиной Земли, мореплаватель вступаетъ въ заливъ, углубляющійся огромною выемкою въ западный берегъ Новой Земли между мысами Сѣвернымъ Гуснымъ и Бритвинымъ. Этотъ заливъ капитанъ Литке назвалъ заливомъ Моллера. Онъ вдается въ берегъ на 10 миль, разстояніе же между двумя вышесказанными мысами 30 италіанскихъ миль. Берега его вообще холмисты до вышины 800 футовъ: но впрочемъ безъ особенно выдающихся вершинъ. Около береговъ залива имѣется много рифовъ и каменистыхъ банокъ. Опаснѣйшими изъ рифовъ считаются лежащіе къ сѣверу отъ мыса Гуснаго и къ югозападу отъ мыса Бритвина.

Въ берегахъ залива Моллера есть еще много меньшихъ губъ и становищъ, какъ-то, начиная съ юга: 1) становище Гусиное, къ востоку отъ сѣвернаго Гуснаго носа, 2) заливъ Таранцова, 3) губа Карельская, 4) становище Малые Кармакулы, за Кармакульскимъ островомъ. Лучшій проходъ въ это становище съ южной стороны острова. Глубина въ проливѣ до 10 саженъ. Удобнѣйшее якорное мѣсто подъ юговосточнымъ берегомъ Кармакульскаго острова на глубинѣ 6 саженъ. Грунтъ илъ. Входъ отъ сѣвера довольно хорошъ, но передъ выходомъ съ сѣверной его стороны лежитъ гряда выдающихся изъ воды камней. Глубина въ сѣверномъ проливѣ отъ 5 до 15 саженъ. Къ югозападу отъ Кармакульскаго острова лежитъ островъ Храмцова, распознаваемый по остроконечной высокой горѣ на сѣверной его сторонѣ. Онъ отдѣляется отъ матерой земли [3]) проливомъ отъ 400 до 600 саженъ шириною. Глубина въ проливѣ отъ 4 до 10 саженъ. Грунтъ илъ съ пескомъ. 5) Становище Большіе Кармакулы въ Кармакульскомъ заливѣ, съ глубокимъ и чистымъ входомъ. Тутъ стоитъ хорошая изба, выстроенная иждивеніемъ Бранта и

---

[1]) Пахтусовъ сомнѣвается въ такой значительности ея глубины.

[2]) Такъ показано у Крестинина, Новыя Ежемѣс. соч. Ч. XXXI, стр. 167; но это вѣроятно ошибка, по крайней мѣрѣ такого озера нельзя называть большимъ, какъ сейчасъ было сказано.

[3]) Подъ матерою землею промышленники разумѣютъ берегъ Новой Земли.

Клокова. Въ $1^1/_2$ версты отъ нея можно становиться на якорь на глубинѣ отъ 3 до 6 саженъ. Грунтъ илъ. 6) Заливъ Пуховой, въ 4-хъ миляхъ къ ССЗ. отъ залива Кармакульскаго. Онъ вдается въ берегъ на $7^1/_2$ верстъ, отъ 2 до 8 саженъ глубиною. Въ вершину его впадаетъ рѣка Пуховая, выходящая изъ озера и довольно широкая, до 5 саженъ глубиною. Берега ея высокіе и крутые, отчего вѣтръ бываетъ въ ней такъ силенъ и порывистъ, что нерѣдко выбрасываетъ суда на-берегъ. Входъ въ рѣку возлѣ матераго берега чистый. Между наружными и подводными камнями около острова Пуховаго можно входить только на небольшихъ судахъ, да и то лишь въ тихую и ясную погоду. Эта рѣка по изобилію въ гольцахъ уступаетъ только рѣкѣ Нехватовой.

Близъ Бритвина носа противъ острова того же имени впадаетъ въ заливъ Моллера рѣка Бритвинская, берущая свое начало изъ большаго озера, въ разстояніи около 60 верстъ отъ берега. Она также очень богата гольцами.

Сѣверный предѣлъ Моллерова залива составляетъ, какъ уже выше было замѣчено, Бритвинъ носъ, — низменный и костливый мысъ, противъ котораго находится гряда камней и подводныхъ банокъ. Противъ Бритвина носа въ разстояніи около 3 верстъ отъ Новой Земли, находится Бритвинъ островъ, верстъ 5 длиною и съ версту шириною.

Къ сѣверу отъ Бритвина носа мореплаватель встрѣчаетъ два залива, удобные и для большихъ судовъ, но открытые съ запада. Это губа Безъимянная и губа Грибовая, обѣ отъ 8 до 10 саженъ глубиною. Въ каждую изъ нихъ впадаетъ рѣка.

На сѣверномъ берегу губы Безъимянной возвышается гора Первоусмотрѣнная, въ 1841 футъ вышиною.

Въ устьѣ губы Безъимянной лежитъ небольшой островъ, за которымъ, въ случаѣ противнаго вѣтра, иногда укрываются промышленничьи суда: но настоящаго становища тамъ нѣтъ. Также противъ Грибовой губы находится островъ тогоже имени, около 8 верстъ въ окружности. Онъ отстоитъ отъ Новой Земли около 5-ти, а отъ Бритвина острова около 70 верстъ.

Отъ Грибовой губы до Маточкина Шара берегъ, хотя и каменистъ, но довольно ровенъ, въ видѣ большой низменности, простирающейся около 100 верстъ въ длину и 20-ти въ ширину [1]).

Нѣсколько далѣе къ сѣверу встрѣчается островъ Панковъ или Панковы Луды, небольшой, низменный сѣроватый камень не болѣе 200 саженъ въ окружности, какъ бы нарочно поставленный здѣсь для того, чтобы указывать пловцамъ входъ въ важнѣйшій проливъ Новой Земли, Маточкинъ Шаръ, соединяющій Карское море съ западнымъ и раздѣляющій Новую Землю надвое въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ. Онъ имѣетъ длину 95 верстъ [2]). Западное его устье болѣе 7 верстъ шириною, образуетъ открытую губу; восточное — около

[1]) Путеш. Лепехина. Ч. IV, стр. 129.

[2]) По измѣренію Пахтусова; Розмысловъ оцѣнивалъ ее въ 102 версты.

мыса Быкъ — 4 версты шириною. Около средины проливъ съуживается до 300 саженъ. Тутъ высокія горы подходятъ къ самому берегу, образуя родъ ущелія, заслоняющаго своими стѣнами небо, хотя и не до такой степени, чтобы образовать родъ слуховаго окна, какъ разсказывается въ старинныхъ извѣстіяхъ о Новой Землѣ [1]). Глубина пролива около этихъ мѣстъ доходитъ до 80 саженъ. Лучшее якорное мѣсто за мысомъ Бараньимъ, гдѣ стоялъ бригъ капитана Литке «Новая Земля». Полное наставленіе для входа въ Маточкинъ Шаръ можно найти въ Четырекратномъ путешествіи капитана Литке Ч. II, стр. 74 — 75 [2]). По наблюденіямъ сего мореходца ширина того мѣста, гдѣ стояло его судно, 73° 19′ 5, долгота отъ Гринича 54°20′. Полная вода случается въ полнолуніе и новолуніе въ 10 ч. и возвышается не болѣе 2-хъ футъ. Теченіе шло постоянно отъ востока къ западу со скоростью 1 до 3 итал. миль.

У западнаго входа въ Маточкинъ Шаръ находится съ юга мысъ Столбовой, такъ названный по его сходству съ столбами, а съ сѣвера мысъ Серебряный. Въ самомъ шарѣ по сѣверному его берегу, начиная съ запада, идутъ мысы: Бараній, Заворотный, Поперечный и Выходный, самый восточный конецъ Маточкина Шара при выходѣ въ Карское море. Онъ состоитъ изъ глинистаго сланца и оканчивается утесомъ до 6 саж. вышиною. На южномъ же берегу, начиная съ запада, встрѣчаются мысъ Маточкинъ, западное плечо губы того же имени, мысъ Черный, за которымъ впадаетъ въ проливъ рѣка Шумилиха съ пристанищемъ за косою въ небольшой заводи для судовъ, сидящихъ 6 фут., мысы: Моржовый, Журавлевъ, Разбивной, Снѣжный, Дровяной, гдѣ еще сохранилась изба отъ зимовья Розмыслова, мысъ Быкъ и наконецъ мысъ Рокъ, самый восточный на южномъ берегу Маточкина Шара у входа его въ Карское море.

Противъ мыса Быкъ впадаетъ въ проливъ съ сѣвера ручей Ночуевъ, въ устьѣ до 8-ми фут. глубиною, удобное прибѣжище для малыхъ судовъ.

По берегамъ Маточкина Шара есть нѣсколько весьма высокихъ горъ, какъ то на сѣверномъ берегу у Бараньяго мыса гора, по измѣренію Цивольки въ 1885 англ. фут., далѣе къ серединѣ противъ Моржоваго мыса гора въ 3156 анг. фут., по замѣчанію г. фонъ-Бэра.

---

[1]) См. Крестинина извѣстія въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ. Ч. XXXI, стр. 23.

[2]) Здѣсь неизлишне будетъ привести его хотя вкратцѣ, тѣмъ болѣе, что оно отчасти служитъ пополненіемъ топографіи Маточкина Шара. Входя въ проливъ отъ запада, остерегаться каменнаго рифа, окружающаго сѣверный берегъ даже за мысъ Бараній и простирающагося почти до средины устья, а для сего держаться ближе къ мысу Столбовому. Отъ этого мыса открываются двѣ низкія черныя лудки, къ западу отъ Бараньяго мыса; также виденъ островъ сѣраго цвѣта, несправедливо называемый Чернымъ. Отъ Маточкина мыса, до котораго слѣдуетъ держаться южнаго берега, лечь нѣсколько правѣе южнѣйшей изъ двухъ лудокъ, такъ чтобы пройти между ею и Чернымъ островкомъ. Это ближайшій путь, но можно пройти также между островкомъ и матерымъ берегомъ, гдѣ проливъ шириною около 1 мили и глубиною отъ 5 до 7 саженъ. Миновавъ островокъ и лудки, править на NO, держась по срединѣ между обоими берегами, и когда Бараній мысъ створится со Столбовымъ, класть якорь. Лежать здѣсь на якорѣ весьма покойно и безопасно. Не должно только удаляться отъ средины, потому что къ обоимъ берегамъ глубина скоро уменьшается; но эта самая покатость берега обращается въ пользу, ибо при вѣтрахъ, дующихъ прямо на берегъ, почти невозможно, чтобы якорь подрейфовало.

отличающаяся изобиліемъ снѣга: у мыса Заворотнаго гора Сѣдло, а ближе къ восточному устью гора Сѣрная. На южномъ же берегу пролива, у западнаго его входа, на берегу рѣки Маточки гора въ 2547 англ. фут.; къ востоку отъ рѣки Чиракиной гора въ 1900 фут. вышиною.

Близъ западнаго устья Маточкина Шара находится губа Старовѣрская, въ которую впадаетъ рѣка Маточка. Здѣсь, въ разстояніи отъ берега около версты, есть якорное мѣсто въ 8 саж. глубиною. Но это мѣсто, хотя и защищено отъ запада мысомъ Маточкинымъ, открыто жестокимъ порывамъ вѣтра изъ пролива съ востока. Устье рѣки составляетъ разлогъ или заливъ до 6 верстъ шириною, усѣянный песчаными кошками, которыя едва покрываются водою и прорѣзаны потоками. Оно около сажени глубиною и засыпано наносными песками. Далѣе глубина рѣки не болѣе 1^1_2 фута, а въ прибылую воду около 2 футовъ. На правомъ берегу рѣки видна развалившаяся промышленничья изба. Рѣка Маточка вытекаетъ изъ озера, верстахъ въ 20 отъ берега. Изъ этого же озера берутъ свое начало Медвѣжка, Грибовая и Чиракина. Послѣдняя собственно есть только западный притокъ рѣки Маточки. Она течетъ по разлогамъ между сланцовыми горами и впадаетъ въ проливъ на меридіанѣ мыса Бараньяго. Устье ея разливается по песчаной низменности около 6-ти верстъ шириною. Во 100 саженяхъ отъ устья на барѣ, глубина рѣки не свыше 7 футовъ; далѣе она возростаетъ до 18 футовъ. Грунтъ вездѣ мелкій чистый песокъ, вода соленая. Для небольшихъ судовъ рѣка Чиракина служитъ очень хорошимъ пристанищемъ; въ ней зимовалъ Пахтусовъ въ 1834 — 35 годахъ. Но какъ фарватеръ рѣки каждую весну измѣняется отъ напора льдовъ, то прежде входа въ рѣку необходимо посылать шлюпку для его промѣра. Опаснѣйшій вѣтръ здѣсь отъ юга-востока. Сжатый между горами, онъ свирѣпствуетъ съ ужасною силою. Этимъ-то вѣтромъ, во вторую экспедицію Пахтусова, 8 октября 1834 года выброшенъ былъ на отмель сѣверной кошки карбасъ Казаковъ.

Къ сѣверу отъ Маточкина Шара на западномъ берегу Новой Земли, находится губа Серебрянка, обширный заливъ, открытый отъ юго-запада и окруженный утесистымъ берегомъ отъ 15-ти до 30-ти саженъ вышиною. Вдоль береговъ его тянется каменистый рифъ около 100 саженъ шириною. Съ устья эта губа похожа на проливъ и даже больше, чѣмъ Маточкинъ Шаръ; отчего и можетъ легко ввести въ заблужденіе мореходца [1]). Но ее нетрудно распознать по особой высокости сѣвернаго ея берега, называемаго Митюшевымъ Камнемъ и по острову Митюшеву, который выдается очень рѣзко въ сравненіи съ низкимъ берегомъ въ вершинѣ залива. Глубина по срединѣ губы около 50 саженъ, грунтъ вездѣ илиста. — На берегу губы возвышается значительная гора Серебрянка. Въ вершинѣ залива впадаетъ въ него рѣка Серебрянка. Она выходитъ изъ озера и, протекши по разлогу между горами, вливается въ заливъ по песчаной низменности. Это-то мѣсто въ вершинѣ считается лучшею стоянкою въ губѣ; но оно несовсѣмъ безопасно. Здѣсь за лудами глубина 3 сажени,

[1]) Пахтусовъ полагаетъ, что спутникъ его, лейтенантъ Кротовъ, именно оттого погибъ съ своимъ судномъ, что принялъ устье этой губы за Маточкинъ Шаръ.

на барѣ же въ устьѣ рѣки въ малую воду не больше 3-хъ футовъ: далѣе въ разлогѣ глубина доходитъ до 7-ми футовъ.

Сѣверное плечо губы Серебрянки образуетъ Митюшевъ носъ, на которомъ находится одна изъ высочайшихъ горъ Новой Земли. Вершина ея по большей части скрывается въ облакахъ. Самая гора видна мореплавателю за сутки до приближенія его къ берегу и съ нея начинается кряжъ высокихъ приморскихъ горъ, простирающихся почти на 1200 верстъ до мыса «Орелъ» или Ледянаго носа[1]).

За губою Серебрянкою слѣдуетъ къ сѣверу губа Митюшиха, вдающаяся въ берегъ къ сѣверо-востоку на югъ отъ Сухаго Носа. Устье ея довольно широко. Далѣе же губа дѣлится на три рукава или особыя бухты. Въ самой губѣ глубина 25 саженъ. Якорная стоянка здѣсь за полуостровомъ Обманнымъ, который къ западу соединяется съ берегомъ посредствомъ узкой косы, а съ востока оставляетъ проливъ не шире $1^1/_2$ версты. На сѣверномъ берегу полуострова находятся изба и бани. Въ вершину губы впадаетъ рѣчка около 7 фут. глубиною, въ которой ловятся гольцы. Подлѣ губы Митюшихи къ западу, также на югъ отъ Сухаго носа, находится губа Волчиха.

Сухой носъ выдается болѣе всѣхъ другихъ урочищъ къ западу на сѣверной половинѣ Новой Земли. Онъ состоитъ изъ шифера, чернаго и красноватаго цвѣта. Вдоль сѣвернаго его берега простираются банки.

Всю выемку въ западномъ берегѣ Новой Земли отъ мыса Бритвина до Сухаго носа, объемлющую губы: Безъименную, Грибовую, Серебрянку, Митюшиху и Волчиху, капитанъ Литке назвалъ заливомъ Маркиза де Траверсе, подъ какимъ именемъ она и внесена въ картѣ Новой Земли и въ одной изъ частныхъ картъ, приложенныхъ къ I-му тому его путешествія, стр. 298.

Къ сѣверу отъ этой огромной выемки лежитъ губа Сафронова между Сухимъ носомъ и мысомъ Лаврова.

Далѣе между мысами Лаврова и Литке — заливъ Мелкій. Длина его къ востоку 8-мь верстъ, ширина въ устьѣ 5, а къ вершинѣ $2^1/_2$ версты. Глубина въ устьѣ 25 саженъ, а дальше къ вершинѣ и къ берегамъ убываетъ. Грунтъ большею частью илъ. Берега залива утесисты, окружены подводными камнями и выдающимися изъ воды скалами въ разстояніи около ста верстъ отъ берега, а въ одной верстѣ отъ него глубина уже отъ 7-ми до 20-ти саженъ. Входъ въ заливъ удобенъ. Наилучшее якорное мѣсто въ небольшой бухтѣ на южномъ берегу въ вершинѣ залива: здѣсь глубина 5 саженъ, а грунтъ илъ. Въ этомъ мѣстѣ зимовали Циволька и Моисѣевъ въ 1838 — 39 годахъ. Въ заливъ Мелкій впадаетъ рѣка, образовавшаяся изъ нѣсколькихъ горныхъ ручейковъ. Протекши по песчаной кошкѣ, она вливается въ вершину губы двумя рукавами, изъ которыхъ сѣверный значительнѣе. Глубина этого рукава при устьѣ его въ полную воду 8 фут., ширина устья между каменистымъ

[1]) Новыя Ежемѣс. соч. Ч. XXXI, 1789, стр. 56.

рифомъ у сѣвернаго берега и кошкою до $^1/_2$ кабельтова, далѣе этотъ рукавъ расширяется и глубина его доходитъ до 2-хъ саженъ. Южный рукавъ при устьѣ своемъ гораздо уже и не болѣе 4 фут. глубиною.

Къ сѣверо-востоку отъ залива Мелкаго, въ разстояніи $12^1/_2$ миль отъ него, находится заливъ Крестовый, большая губа, вдающаяся въ берегъ на 30 ть верстъ къ востоку. Южное ея плечо составляетъ мысъ Смирнова, утесъ, спускающійся къ морю нѣсколькими уступами, а сѣверное — мысъ Прокофьева, низменный и выдающійся въ море нѣсколько больше мыса Смирнова. Ширина въ открытомъ устьѣ залива между двумя сказанными мысами 8 верстъ, а въ вершинѣ 3 версты. При устьѣ берега утесисты, но не выше 30 фут. У сѣвернаго берега выдаются длинные рифы, отчего къ нему нельзя приставать на разстояніе $^3/_4$ версты. Далѣе отъ берега видны холмообразныя горы до 800 фут. вышиною, а отъ половины длины залива къ его вершинѣ возвышаются отъ самаго берега утесистыя горы, не ниже горъ у Маточкина Шара. По серединѣ залива глубина болѣе 50-ти саженъ, а далѣе къ вершинѣ она исподоль убываетъ. Въ заливѣ есть нѣсколько острововъ, а именно: 1) Островъ Врангеля, ближайшій къ морю, въ 8-ми верстахъ отъ мыса Смирнова и въ 2-хъ отъ южнаго берега губы, около версты длиною и столько же шириною, отовсюду утесистый, до 70 фут. вышиною; впрочемъ съ довольно чистыми берегами. 2) Островъ Шельбаха, верстахъ въ $3^1/_2$ отъ перваго, ближе къ южному берегу. Длина его по направленію меридіана $^1/_2$ версты. Берега утесисты, состоятъ изъ глинистаго сланца. Поверхность же самаго острова совершенно ровная, покрытая мхомъ. 3) Островъ Ермолаева, въ 5-ти верстахъ отъ предъидущаго, въ $^3/_4$ версты длиною; на сѣверъ и западъ утесистый, а въ серединѣ низменный и песчаный. 4) Островъ Чевкунова въ $1^3/_4$ верстѣ отъ острова Ермолаева, около 350 саженъ длиною. Покрытъ мхомъ. Въ заливъ Крестовый на меридіанѣ острова Врангеля впадаетъ отъ юга не глубокая, но прѣсноводная рѣчка, при устьѣ которой стоятъ три развалившіяся избы и нѣсколько могильныхъ крестовъ. Въ вершину этого же залива впадаетъ по разлогу рѣка, вытекающая изъ озера въ 5-ти верстахъ къ востоку отъ губы. Ширина устья этой рѣки до $^1/_2$кабельтова, глубина 6 фут. Въ устьѣ берегъ низменный и песчаный. Сѣверный берегъ залива обрывистъ, а на южномъ отъ подошвы горъ простирается неширокая низменность. Узнать Крестовый заливъ можно по острову Врангеля, невысокому, но скалистому и круто отдѣляющемуся отъ берега. За островами Врангеля и Чевкунова спокойная стоянка на глубинѣ отъ 5-ти до 9-ти саженъ. Грунтъ илъ.

Къ сѣверо-востоку отъ мыса Прокофьева, находится мысъ Иванова. Между нимъ и лежащимъ противъ него къ СВ. мысомъ Черницкаго вдается къ востоку просторный и глубокій заливъ,—южный Сульменева. Глубина по серединѣ его 50 саженъ; грунтъ илъ. Въ вершинѣ губы двѣ хорошія якорныя стоянки, одна въ бухтѣ за выдавшимся мысомъ южнаго берега, отъ 9-ти до 12-ти саженъ глубиною, съ иловатымъ грунтомъ, а другая подъ утесомъ сѣвернаго берега, закрытая отъ запада грядою камней. Глубина 3 сажени.

Немного далѣе къ сѣверу, верстахъ въ 7-ми между мысами: Степоваго и Сиденснера, лежитъ заливъ,—сѣверный Сульменева, также довольно обширный съ чистымъ

входомъ. Онъ вдается въ берегъ къ сѣверо-востоку на 15 саженъ. Ширина его устья отъ острова у южнаго берега до мыса Сиденснера $5^1/_2$ верстъ, а въ вершинѣ ширина губы 2 версты. Въ заливѣ 2 острова: одинъ небольшой, высокій, при входѣ въ губу, въ 300 саженяхъ отъ южнаго ея берега. Въ этомъ промежуткѣ можно стоять на якорѣ на глубинѣ отъ 5-ти до 10-ти саженъ; грунтъ илъ: но тутъ бываетъ сильная зыбь. Къ острову можно подойти на 30 саженъ, гдѣ глубина 4 сажени. Другой островокъ къ СВ. въ 5 верстахъ отъ перваго, во 100 саженъ длиною, высокъ и каменисть, а по срединѣ раздѣляется низменностью. У этого острова якорной стоянки нѣтъ, потому что берегъ его приглубъ. Въ одной верстѣ отъ него глубина 50 саженъ. Самое же лучшее якорное мѣсто — въ вершинѣ залива въ небольшой бухтѣ, образуемой выдавшимися мысами, однимъ къ сѣверу – высокимъ и утесистымъ, а другимъ къ югу—низменнымъ и песчанымъ. Ширина входа въ бухточку 175 саженъ, длина ея къ востоку около 2 верстъ, а ширина ея до 500 саженъ. Къ сѣверо-востоку она усѣяна песчаными кошками, а вершина ограждается ледяными утесами. Глубина въ проливѣ отъ 4 до 5 саженъ, а на якорномъ мѣстѣ въ юго-западной части бухты у песчанаго берега отъ 7-ми до 40-ка саженъ. Грунтъ илъ. Суда входятъ въ эту гавань, держа на востокъ между скалистымъ сѣвернымъ берегомъ, отличающимся своею чернотою и между песчаною низменностію южнаго берега.

Отъ мыса Сиденснера къ западу простирается на 1 версту каменистый рифъ, да и вообще весь этотъ берегъ, по выраженію промышленниковъ, очень костливъ, а южный отъ перваго островка къ востоку на 4^1_2 версты обиленъ прибрежными камнями. Далѣе къ вершинѣ заливъ чистъ.

Въ 12-ти миляхъ къ сѣверу отъ сѣвернаго Сульменева вдается въ берегъ, между мысами: Шанца и Борисова, заливъ Машигина. Сначала онъ идетъ верстъ около 17-ти къ востоку, а потомъ крутымъ поворотомъ еще на 14 верстъ къ ЮЮВ. Этотъ заворотъ, образующій особую бухту въ вершинѣ залива, именуется Машигина Ледянка[1]). Ширина устья залива 13 верстъ, а затѣмъ губа расширяется до 15-ти верстъ. Внутренній заливъ, Ледянка, соединенъ съ внѣшнимъ посредствомъ пролива или воротъ 1^1_2 версты шириною. Самая же бухта имѣетъ до 4-хъ верстъ ширины. Глубина по срединѣ залива свыше 70-ти саженъ. Якорное мѣсто только одно за небольшимъ островомъ у юго-западнаго берега въ 6-ти верстахъ къ югозападу отъ Ледянки. Глубина тутъ 2 сажени. Ледянка весьма рѣдко бываетъ свободна отъ льда, да и самый заливъ Машигина очень часто запирается наносными льдами. Сѣверный берегъ залива окруженъ подводными и выдающимися изъ воды камнями. Немного къ сѣверу отъ губы Машигина возвышается близъ самаго берега довольно значительная гора Головнина.

Противъ мыса Борисова, сѣвернаго плеча Машигина залива, въ разстояніи отъ берега 250 саженъ, находится островъ Борисовъ, въ 300 саженъ длиною и до 150-ти ши-

[1]) Названіе это дано ей оттого, что она иногда во все лѣто не вскрывается отъ льда. Зап. Гидрогр. Деп. Часть III, стр. 102.

рифою, низменный и окруженный каменистымъ рифомъ, къ югу на 300, къ сѣверу на 50, а къ западу на 70 саженъ. Восточный же его берегъ чистъ. Отъ берега Новой Земли, по обѣ стороны острова Борисова, также простираются рифы на протяженіе до 400 саженъ. Между этимъ островомъ и берегомъ Новой Земли хорошее якорное мѣсто на глубинѣ 12-ти футовъ съ иловатымъ грунтомъ. Эта стоянка защищена какъ отъ сѣвера, такъ и отъ юга рифами; но входъ въ нее довольно труденъ. Всего лучше входить въ нее съ сѣвера между рифами, держась ближе къ острову и для предосторожности надобно имѣть небольшой ходъ.

Далѣе къ сѣверу отъ губы Машигина находится полуостровъ Адмиралтейства. По обѣимъ сторонамъ его, или точнѣе говоря, перешейка, соединяющаго полуостровъ съ берегомъ Новой Земли, расположены заливы: но они совсѣмъ открыты и оба мелководны. Сѣверный изъ нихъ называется губою Глазова. Грунтъ въ ней каменистый.

Южный конецъ полуострова Адмиралтейства образуетъ мысъ Спидвель, близъ котораго въ 1676 году капитанъ Вудъ (Wood) претерпѣлъ крушеніе.

Къ сѣверу отъ полуострова Адмиралтейства западный берегъ Новой Земли еще въ точности не описанъ. Но вѣроятно въ заливахъ его нѣтъ недостатка въ хорошихъ якорныхъ мѣстахъ. Промышленникъ Гвоздаревъ заходилъ въ какой-то проливъ, а вѣроятнѣе губу или рѣку, о которой говоритъ, что она глубока и осмотрѣна имъ верстъ на 30 [1]). Она внесена въ карту Новой Земли, приложенную къ III части Записокъ Гидрографическаго Департамента, подъ именемъ рѣки Гвоздарева.

Не много сѣвернѣе этой рѣки, подъ широтою 74°30′ находится шатрообразная гора Крузенштерна [2]).

Къ сѣверо-западу отъ рѣки Гвоздарева находятся три группы острововъ: Горбовые, Крестовые и острова Панкратьевы.

Острова Горбовые лежатъ въ широтѣ 75°49′. Ихъ считается пять. Южнѣйшій изъ нихъ островъ Вильгельма, такъ прозванный еще Баренцомъ. Къ сѣверу отъ него находится островъ Берха. Они раздѣляются неширокимъ проливомъ, который служитъ становищемъ мореходамъ, промышляющимъ здѣсь моржей и тюленей. У сѣвернаго мыса острова Берха, Пахтусовъ 9-го іюля 1835 года едвали не погибъ съ своимъ карбасомъ. На юго-восточной же сторонѣ этого острова имѣется стоянка за выдавшимся къ юго-востоку низменнымъ мысомъ, гдѣ можно положить якорь на глубинѣ отъ 3-хъ до 5-ти саженъ. Грунтъ илъ съ камнемъ. Этотъ мысъ распознается по столбовымъ камнямъ на южномъ его берегу и по находящимся тамъ избѣ и крестамъ. Входъ въ эту стоянку чистъ, но надобно остерегаться южнаго мыса острова Берха. Третій островъ группы Горбовыхъ есть островъ Ичугина. На южной его сторонѣ между нимъ и низменнымъ берегомъ Новой Земли есть небольшое, но весьма покойное становище Горбовое, до 10 футовъ глубиною. Въ него

[1]) Записки Гидрогр. Департ. Ч. II, 1844, стр. 111.
[2]) См. Литке, Четырекратное путеш. Ч. I, стр. 304.

можно входить съ запада чрезъ губу Архангельскую [1]), по глубинѣ до 3-хъ саженъ и съ востока чрезъ заливъ Еремина на глубинѣ 9 фут., придерживаясь въ томъ и другомъ случаѣ къ берегу острова Личутина. Тутъ на берегу Новой Земли стоитъ старая промышленничья изба. — Остальные острова группы Горбовыхъ суть два Заяцкихъ острова.

Нѣсколько сѣвернѣе Горбовыхъ лежитъ группа острововъ Крестовыхъ, числомъ три, а за ними къ сѣверу группа острововъ Панкратьева, также состоящая изъ трехъ острововъ. Изъ нихъ 2 южные довольно велики, а сѣверный меньше. Западная ихъ сторона окружена рифами, а проливы между ними наполнены мелями. Далѣе къ СВ лежатъ острова Оранскіе.

Крестининъ исчисляетъ еще губы: Черную, въ 3 версты длиною, съ устьемъ около 10-ти верстъ; Никольскую—около 10-ти верстъ длиною и около 7-ми въ устьѣ; Горбовую или Макаркову губу—около 15-ти верстъ длиною и около 50-ти на устьѣ; Круглую, около 50-ти верстъ длиною и 100 верстъ на устьѣ; Богатую, такъ названную по обильному въ ней лову моржей, около 100 верстъ длиною и около 40 на устьѣ, и Охальную, по его словамъ, ближайшую къ «Доходамъ», т. е. мысу Желанія, прозванную такъ отъ разбитія въ ней судовъ. Эта губа около 150-ти верстъ на устьѣ и около 15-ти въ длину [2]).

Самый сѣверный пунктъ западнаго берега Новой Земли составляетъ мысъ Нассавскій. Онъ былъ достигнутъ капитаномъ Литке въ августѣ мѣсяцѣ 1822 года.

Восточный берегъ Новой Земли, гораздо менѣе доступный по причинѣ почти непрерывнаго около него накопленія льдовъ изъ Карскаго моря, еще весьма мало изслѣдованъ и на всемъ его протяженіи едва-ли есть одна мѣстность, которая была бы опредѣлена съ достаточною точностію. По нѣкоторымъ, лишь бѣгло произведеннымъ Пахтусовымъ и Циволькою, описямъ и по сказаніямъ немногихъ промышленниковъ, посѣщавшихъ этотъ берегъ, извѣстны, да и то почти по однимъ лишь именамъ, только нѣкоторые отдѣльные пункты [3]).

Начиная съ юга, здѣсь прежде всего встрѣчается подъ 70°40′3 сѣв. шир. мысъ Меншикова, юго-восточный конецъ Новой Земли.

За нимъ слѣдуютъ къ сѣверо-востоку мысы: Перовскаго, Виламова, Берха, Колзакова, Ратманова. Немного выше послѣдняго мыса текутъ рѣки: Козакова и Бугакова. Потомъ за мысами: Орловскаго и Руднева подъ 71°30′4 с. ш. вливается въ Карское море рѣка Савина, по свидѣтельству Пахтусова значительнѣйшая изъ рѣкъ и

---

[1]) Объ этой губѣ Крестининъ, по словамъ кормщика Алексѣя Откупщикова, говоритъ, что она около 30-ти, а въ устьѣ около 20-ти верстъ длиною и что въ нее съ высокой горы низпускается «падунъ», т. е. вѣроятно ледникъ или глетчеръ. Нов. Ежем. соч. 1789, I, стр. 54, 55.

[2]) Новыя Ежемѣс. соч. Ч. XXXI, 1789, стр. 55.

[3]) При нижеслѣдующемъ изложеніи руководствомъ служили, кромѣ дневниковъ Пахтусова и показаній Крестинина въ Ежемѣс. соч. Ч. XXXI, карта Новой Земли, изданная Гидрографическимъ Департаментомъ въ 1843 году и спеціальныя карты восточнаго берега Новой Земли, приложенныя къ Запискамъ Гидрографическаго Департамента. Ч. I, 1842 и Ч. III, 1845 года.

наилучшее становье для промышленныхъ судовъ на восточномъ берегу. Она, по его словамъ, достаточно глубока и осенью должна изобиловать рыбою, а притомъ, имѣя сильное теченіе, не можетъ въ своемъ устьѣ быть заносима пескомъ и камнемъ.

Далѣе къ сѣверу за мысами: Клокачова, Рожнова и Свѣдомскаго, немногимъ не доходя до 72° ш., находится заливъ Абросимова, а въ широтѣ 72°20′5″, заливъ Литке, закрытый отъ всѣхъ вѣтровъ и доступный даже большимъ судамъ. Глубина его отъ 5-ти до 34-хъ саженъ и грунтъ надежный, черноватый. Передъ устьемъ залива лежатъ 2 острова: Федоръ и Александръ. Берега залива состоятъ по большей части изъ слоистаго, разсыпающагося аспида чернаго цвѣта.

Далѣе къ сѣверу слѣдуютъ заливы: Степоваго, Галла, Шуберта, Бранта и Клокова. Два послѣдніе уже близки къ восточному входу въ Маточкинъ Шаръ. Всѣ они очень обширны и, по мнѣнію Пахтусова, невходившаго однако въ нихъ по причинѣ загроможденія ихъ льдами, во время его плаванія, должны быть достаточно глубоки для судовъ средней величины.

Къ сѣверу отъ Маточкина Шара первый попадается заливъ Канкрина. Онъ вдается въ берегъ къ СЗ., открытъ къ ЮЮВ. и въ устьѣ своемъ изобилуетъ каменными рифами. Затѣмъ заливъ Чекина, до 15-ти саженъ глубиною; но открытый къ юго-востоку и слѣдовательно подверженный напору льда въ случаѣ юго-восточнаго и южнаго вѣтровъ. Потомъ заливъ Незнаемый, такъ названный Розмысловымъ; въ серединѣ устья около 30-ти саженъ глубиною. Нѣсколько сѣвернѣе большой заливъ Медвѣжій, открытый отъ юго-востока; въ устьѣ до 80-ти саженъ глубиною. Сѣверный его конецъ составляетъ мысъ Пять Пальцевъ, названный такъ по сходству его съ раскрытою ладонью.

Выше къ сѣверу находится полуостровъ Крашенинникова съ мысомъ того же имени; а за нимъ мысъ Лутковскаго. Нѣсколько же сѣвернѣе его островъ Пахтусова, широта с. в. края котораго опредѣлена 74°, 24′, 18″. Отсюда въ отдаленіи виденъ мысъ Дальній, самый высшій восточный пунктъ Новой Земли, замѣченный Пахтусовымъ. За островомъ Пахтусова суда могутъ находить себѣ убѣжище отъ всѣхъ вѣтровъ и отъ льда. По южную сторону острова глубина 55 саженъ, грунтъ илъ, берега чисты.

Затѣмъ слѣдуетъ по восточному берегу огромная полоса земли, вовсе неизвѣстная, до губы Ледяной (Yshaven), гдѣ зимовалъ Баренцъ. Къ сѣверу отъ нея лежатъ мысъ Флисингскій и мысъ Желанія (Hoeck der Begeerde), по Баренцу, называемый у мезенскихъ промышленниковъ «Доходы», потому что далѣе его они, по множеству заносимаго туда изъ Карскаго моря льду, недозволяющему приставать къ берегу, не ходятъ за промысломъ звѣрей и рыбъ. Этотъ мысъ образуетъ самый сѣверный конецъ восточнаго берега. Противъ мыса Доходы, по словамъ кормщика Откупщикова, лежатъ два острова того же имени, одинъ въ 20-ти, а другой въ 50-ти верстахъ отъ берега Новой Земли[1]), а неподалеку отъ

---

[1]) Ежемѣс. соч. Ч. XXXI, стр. 62, 63.

нихъ, по словамъ Рахманина, островъ Максимковъ. По сказанію же Откупщикова этотъ островъ находится противъ Макарковой губы и имѣетъ около 10-ти верстъ въ окружности[1]).

Отъ мыса Доходы до мыса Ледянаго, по показанію Крестинина (Ежем. соч. Ч. XXXI, Январь 1789, стр. 56, 57), простирается верстъ на 100 низменность, подобная Гусиной Землѣ въ южной части Новой Земли.

По свидѣтельству промышленника Исакова, проникшаго въ августѣ 1835 года съ запада около сто верстъ далѣе острововъ Панкратьева, земля оттуда круто заворачивается на шалонникъ т. е. юго-западъ, а къ востоку видны мелкіе острова. (Зап. Гидрогр. Деп. Ч. II. 1844. стр. 85.)

На сѣверномъ берегу Новой Земли еще значатся по картѣ 1843 г. къ З. отъ мыса Желанія: группа острововъ подъ названіемъ Три Острова, а за ними къ западу же мысъ Ледяной, губа св. Анны и мысъ Утѣшенія.

Внутренность Новой Земли почти вовсе неизвѣстна. Звѣроловы, занимаясь своими промыслами исключительно у береговъ, удаляются отъ нихъ только за ловлею оленей, да и то недалеко. По ихъ разсказамъ, внутренность страны вся каменистаго свойства: почти вездѣ глина темносиняго цвѣта и лишь изрѣдка песокъ, да и тотъ съ каменьями. Индѣ небольшія поляны, гдѣ растетъ мелкая трава, которою питаются олени. Болотъ и мокрыхъ мховъ мало: бѣлыхъ же мховъ вовсе нѣтъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь еще о нѣкоторыхъ выводахъ, сдѣланныхъ въ новѣйшее время по части физической географіи Новой Земли. Они касаются прилива и теченія у ея береговъ.

Изъ тщательныхъ наблюденій русскихъ мореходцевъ дознано, что приливъ имѣетъ поступательное движеніе вдоль берега Лапландіи до Новой Земли. Обогнувъ Нордъ-Капъ, онъ приходитъ въ Вардегусъ около IV ч. (гринвичскаго времени). V ч. линія касаетъ матерой берегъ около Кольской губы, и въ тоже время берегъ Новой Земли около Маточкина Шара. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ она раздвояется и слѣдуетъ вдоль береговъ какъ къ N. такъ и къ S. Капитанъ Литке полагаетъ, что южная струя, а можетъ быть и обѣ, проникаютъ въ Карское море, потому что въ восточномъ устьѣ Маточкина Шара приливъ приходитъ отъ O. между тѣмъ какъ въ западномъ онъ приходитъ отъ W. Встрѣча ихъ около средины пролива

---

[1]) Тамъ же, стр. 43 и 62.

производитъ значительные сулои [1]). Приливъ достигаетъ и до восточнаго берега Карскаго моря, производя тамъ впрочемъ только весьма малое возвышеніе воды [2]).

Что же касается до теченія, то оно, по наблюденіямъ капитана Литке, идетъ у западнаго берега Новой Земли отъ S къ N до параллели $76^{1}/_{2}^{\circ}$; далѣе этого предѣла замѣтно слабое теченіе въ противоположномъ направленіи отъ N къ S. Вдоль же сѣвернаго берега Новой Земли море слѣдуетъ общему движенію водъ отъ O къ W. Эти два теченія, встрѣчаясь у мыса Нассавскаго, производятъ струю, направленную отъ SO къ NW, которой слѣдуютъ и льды, выносимые изъ Сибирскаго океана и Карскаго моря [3]).

---

[1]) Всплески волнъ при встрѣчѣ противоположныхъ теченій воды.

[2]) Изъ статьи генералъ-адъютанта Ѳ. П. Литке, помѣщенной въ Bulletin Scientifique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, 1843, и потомъ на русскомъ языкѣ въ Запискахъ Гидрогр. Деп., Ч. II, 1844, гдѣ приложены также общая таблица этихъ выводовъ и карта, изображающая направленіе волнъ прилива. Морской суточный приливъ около западныхъ береговъ Новой Земли, по показанію Крестинина, возвышается на 2 аршина. Пут. Лепехина Ч. IV, стр. 126.

[3]) Четырекр. пут. въ Сѣв. лед. ок. Т. II, стр. 64, 65.

ГЛАВА III.

ГЕОГНОСТИЧЕСКІЙ СТРОЙ НОВОЙ ЗЕМЛИ [1].

Новая Земля считалась прежде продолженіемъ Уральскаго хребта. Новѣйшія изслѣдованія доказали однакожъ неточность этого взгляда. Однимъ изъ интереснѣйшихъ результатовъ Уральской экспедиціи Географическаго Общества было именно открытіе, что Уралъ внезапно прерывается у горы, которую генералъ Гоффманъ назвалъ Константиновымъ камнемъ. Въ 40 верстахъ отъ него къ сѣверо-западу поднимается другой хребетъ Пай-хой, совершенно другой формаціи, имѣющей съ формаціею Новой Земли и острова Вайгача большое сходство. Такимъ образомъ Новая Земля и Вайгачъ должны быть почитаемы продолженіемъ не Урала, а Пай-хоя.

Въ то время, когда академическая экспедиція занималась геологическимъ изслѣдованіемъ части Новой Земли, извѣстный путешественникъ-естествоиспытатель, Александръ Шренкъ, въ качествѣ ботаника Императорскаго Ботаническаго Сада, посѣтилъ Самоѣдскую тундру Архангельской губерніи, а потомъ, проникши до Урала и, прослѣдивъ прибрежный кряжъ Пай-хой до острова Вайгача, изучалъ этотъ кряжъ въ геогностическомъ отношеніи. По его выводамъ на Вайгачѣ преобладаетъ тотъ же самый сѣрый, лишенный всякихъ окаменѣлостей, известнякъ, который окружаетъ Костинъ Шаръ и оттуда простирается до самой южной оконечности Новой Земли, не выдаваясь значительно изъ-подъ уровня моря. Да и вообще всѣ прочія геологическія отношенія совершенно сходны между собою. Уже самый внѣшній видъ и положеніе Новой Земли и острова Вайгача, какъ бы невольно убѣждаютъ въ томъ, что вся эта группа острововъ есть продолженіе прибрежнаго кряжа Пай-хой. По-

[1]) Bulletin Scientifique de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Pétersbourg. T. III, стр. 151 и сл.

дробными геогностическими изслѣдованіями гг. Леманна и Шренка вполнѣ доказана эта связь, а въ добавокъ, по остроумному замѣчанію г. фонъ-Бэра, многочисленныя подводныя скалы между Вайгачемъ и Новою Землею и обыкновенная въ этомъ мѣстѣ задержка движущихся изъ Карскаго моря къ западу льдовъ, явно указываютъ на то, что подъ уровнемъ моря чрезъ этотъ широкій проливъ тянется горный кряжъ. Глубже прорытъ Югорскій Шаръ, изъ котораго имѣется множество промѣровъ [1]) и который, не смотря на его узость и кривизну, гораздо рѣже загражденется льдами [2]).

Что касается до геогностическаго строя Новой Земли, то она вся утесиста и, по крайней мѣрѣ на западномъ берегу, окружена многочисленными скалами, отчасти скрывающимися въ нѣдрахъ моря, отчасти же выступающими наружу изъ-подъ его поверхности.

Южный конецъ Новой Земли плоскій, далѣе къ сѣверу возвышаются горы. У рѣки Нехватовой, впадающей въ Костинъ Шаръ, вся равнина усѣяна отдѣльными гребнями горъ средней вышины, т. е. до 2000 футовъ. Далѣе къ сѣверу горы становятся значительнѣе, не только по вышинѣ, но и по протяженію, а у Маточкина Шара онѣ дотого учащаются, что не видно преобладающей равнины, а взорамъ представляются только горы и долины, за исключеніемъ лишь узкой береговой полосы на западѣ и болѣе широкой на востокѣ. Вышина западныхъ горъ была тригонометрически измѣрена Циволькою, и Митюшевъ камень, къ сѣверу отъ западнаго устья Маточкина пролива близъ губы Серебрянки, найденъ въ 3200 русскихъ футовъ надъ уровнемъ моря. Зрѣлище, которое онъ представляетъ, тѣмъ величественнѣе, что онъ круто возвышается, начиная отъ самаго берега. Еще выше другая гора въ первой трети Шара на южномъ берегу. Но всѣхъ выше гора къ югу отъ восточнаго устья пролива, далеко превышающая собою всѣ окрестныя горы и поражающая зрителя

---

[1]) Литке, Четырекратное путешествіе въ Сѣв. Ледов. океанъ. Ч. II.

[2]) Даже отдаленный Шпицбергенъ отчасти сходствуетъ съ Новою Землею, какъ по внѣшнему виду горъ, такъ и, судя по образчикамъ камней, привезеннымъ оттуда Скоресбіемъ (Account of the Arctic regions. Vol. I. Appendix p. 76). Сходство между нимъ и Новою Землею даже больше, чѣмъ сходство между Шпицбергеномъ и Восточною Гренландіею. Правда Шпицбергенъ лежитъ значительно къ западу, а направленіе Урала преимущественно меридіональное, но разительно то, что тамъ, гдѣ горные кряжи, идущіе на западѣ Новой Земли къ сѣверу, рѣшительно понижаются около Нассавскаго мыса, по Литке, почти регулярно накопляются льды. Здѣсь капитанъ Литке въ оба путешествія, въ которыя онъ дальше проникъ къ сѣверу, находилъ ледъ плотно стоявшимъ. Это, повидимому, тотъ самый пунктъ, который и по стариннымъ разсказамъ русскихъ кормщиковъ обыкновенно значится неодолимымъ. Присовокупимъ къ этому, что многія изъ прежнихъ попытокъ къ отысканію сѣверо-восточнаго прохода были покинуты потому, что найдена была непрерывная ледяная стѣна между Шпицбергеномъ и Новою Землею (Гудсонъ, Фанъ-Горнъ, Вудъ). Единственный, которому кромѣ Баренца и Гемскерка удалось пробраться далѣе къ востоку, Фламингъ, нашелъ въ 70-ти миляхъ отъ Оранскихъ острововъ не болѣе 4 до 5-ти саженъ глубины и поэтому предполагалъ, что по близости должна быть суша. Это какъ бы наводитъ на мысль, не проходитъ ли и здѣсь подъ уровнемъ моря какой нибудь осѣвшійся хребетъ къ Шпицбергену. Измѣненіе въ направленіи горъ и долинъ, которыя къ сѣверу уже не идутъ параллельно меридіану, также какъ бы указываетъ на перемѣну направленія всего горнаго хребта. Если это дѣйствительно подводное продолженіе Урала, которое предохраняетъ водный бассейнъ къ югу отъ Шпицбергена отъ главнаго напора ледяныхъ громадъ изъ сѣвернаго Сибирскаго Ледовитаго моря, пропуская лишь отдѣльныя льдины, то Уралъ должно считать величайшимъ благодѣтелемъ Европы, потому что онъ спасаетъ ее отъ климатическаго вліянія Сибири. Примѣч. г. фонъ-Бэра.

своею громадностью и широкою куполообразною вершиною. Она еще не измѣрена, но г. Бэръ глазомѣрно оцѣниваетъ ее выше 4000 ф. Величавость этихъ вообще крутыхъ утесовъ еще возвышается ослѣпительною бѣлизною снѣжныхъ массъ, которыя отчасти покрываютъ собою цѣлыя горы, отчасти же широкими полосами спускаются съ вершины горъ до ихъ подошвы, придавая въ ясную погоду темному камню почти совершенно черный видъ. Мѣстами глинистый сланецъ, даже въ отдѣльныхъ кускахъ, такъ черенъ, что принимаемъ былъ за каменный уголь [1]). Совершенное же отсутствіе лѣса еще болѣе увеличиваетъ мрачность этихъ дикихъ и угрюмыхъ горъ.

Далѣе къ сѣверу по западному берегу Новой Земли горы еще продолжаются, но уже не такъ высоки, и долины принимаютъ другое направленіе, а именно къ берегу, обыкновенно заключая въ себѣ ледники.

Восточный берегъ Новой Земли отличается отъ западнаго своимъ характеромъ. Онъ вообще плоскій. Пахтусовъ въ своихъ дневныхъ запискахъ экспедиціи 1832 и 1833 годовъ [2]) описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «Отъ мыса Меншикова до рѣки Казакова берегъ склоняется къ водѣ низменною покатостію, состоящею изъ мелкаго насыпнаго аспида (сланца), куски коего, обтираясь отъ буруновъ, принимаютъ видъ элипсоидныхъ пластинокъ. Далѣе отъ воды, на высотѣ 9 фут., покатость покрыта травою и множествомъ выкиднаго лѣса. Хребетъ отдаленныхъ горъ, на этомъ пространствѣ, незначительной высоты и ровный, безъ отличительныхъ вершинъ; однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, прибрежные утесы на отличительныхъ мысахъ имѣютъ высоту до 10-ти саженъ. Отъ рѣки Казакова прибрежныя горы становятся выше и круче; основаніе ихъ каменное, мѣстами гнейсъ, но болѣе шиферъ; покатости и обрывы горъ, большею частію, глинистые; низменныя мѣста покрыты осокою и незабудками. Около мыса Гессена горы возвышаются уже до 500 футовъ; онѣ также шиферныя и мѣстами имѣютъ глинистыя осыпи. Около залива Литке горы высотою до 800 футовъ, и восходятъ нѣсколькими уступами, подобно амфитеатру, что наши промышленники называютъ базарами; эти уступы покрыты густою травою. Вершины горъ и разсѣлины удерживаютъ снѣгъ во все лѣто. Далѣе къ сѣверу горы той же высоты, но болѣе мрачнаго вида.»

Къ сѣверу отъ Маточкина Шара восточный берегъ осмотрѣнъ только на 130 верстъ: Циволькою, на 95 до полуострова Фонъ-Флотова и Пахтусовымъ еще на 35 верстъ дальше. Первый описываетъ эту часть Новой Земли такъ: «Берегъ около Маточкина Шара состоитъ изъ высокихъ и весьма остроконечныхъ горъ; прибрежные утесы въ иныхъ мѣстахъ высотою до 15-ти саженъ. Далѣе къ сѣверу, горы и берегъ ниже и ровнѣе, а при концѣ описи нашей, берегъ можно уже назвать довольно низкимъ и пологимъ. Тутъ въ иныхъ мѣстахъ видны были на немъ также пологія, не очень высокія горы. Прибрежные утесы до

[1]) Изъ этого видно, что средина Новой Земли являетъ почти такой же видъ, какъ западный берегъ Шпицбергена, только съ тою разницею, что на этомъ островѣ горы остроконечнѣе, тогда какъ на Новой Землѣ онѣ болѣе представляютъ видъ растянутыхъ горныхъ гребней или не обширныхъ округленныхъ горъ.

[2]) Записки Гидрографическаго Департамента, Ч. I, 1842, стр. 206.

мыса Пяти Пальцовъ (у залива Медвѣжьяго) состоятъ изъ глинистаго сланца; далѣе къ сѣверу встрѣчается въ нихъ слоистый сѣрый песчаникъ».

Съ этими описаніями восточнаго берега Новой Земли отчасти согласны также показанія объ немъ русскихъ кормщиковъ, основанныхъ на разсказахъ Лошкина. По словамъ ихъ весь этотъ берегъ отъ Логиновыхъ крестовъ до Маточкина Шара низменъ и болотистъ, а оттуда до мыса Доходы гористъ. (Ежем. соч. 1789. Ч. I, стр. 28.)

Изъ вышесказаннаго видно, что горы Новой Земли наиболѣе сосредоточены вдоль западнаго берега и въ серединѣ острова, особенно около Маточкина Шара.

По изслѣдованію Леманна, горы Новой Земли состоятъ по большей части изъ глинистаго сланца, одной изъ наиболѣе распространенныхъ въ старомъ свѣтѣ формацій. Судя по всѣмъ его обнаженіямъ, онъ принадлежитъ къ переходному времени.

Видъ горъ различенъ, смотря по тѣмъ каменнымъ породамъ, изъ которыхъ онѣ состоятъ. Глинистый и тальковый сланецъ, играющій здѣсь главную роль, иногда доходитъ до значительной вышины, обыкновенно являясь въ видѣ округленныхъ растянутыхъ кряжей. Подошвы отдѣльныхъ высотъ соединены между собою посредствомъ умѣренныхъ площадокъ или низкихъ сѣделъ. Бока же горъ, начиная отъ самой вершины, расщелены нѣсколькими трещинами, въ которыхъ по большей части хранится вѣчный снѣгъ. Но иногда эти разсѣлины въ теченіе короткаго лѣта обращаются въ русла горныхъ ручьевъ, по краямъ которыхъ всего пышнѣе разцвѣтаетъ альпійская флора.

Каменныя же породы зернистаго сложенія и здѣсь, какъ и вездѣ, являютъ крутыя, расщелинныя въ разныхъ направленіяхъ стѣны или грозныя нависшія скалы.

Острые, низвергшіеся съ вершинъ, обломки утесовъ раскиданы по склонамъ горъ и нерѣдко преграждаютъ страннику путь къ дальнѣйшему восхожденію въ горы. Вообще здѣсь вслѣдствіе мокраго лѣта и суровой зимы ни одинъ камень не устоитъ противъ разрушающей силы вывѣтриванія.

Существенные члены вышеобозначенной формаціи слѣдующіе:

Глинистый сланецъ. Онъ здѣсь водворенъ повсюду, но всего самостоятельнѣе на восточной покатости острова. Тамъ пласты его достигаютъ наибольшей толщины, занимая обширныя пространства. Простираніе его въ горахъ около Маточкина Шара всегда остается одинаковымъ, отъ сѣвера на югъ; направленіе же его паденія различно. На западѣ Маточкина Шара оно идетъ къ востоку, а на востокѣ по большей части къ западу. Здѣсь преобладаетъ впаденіе подъ угломъ отъ 60° до 70°. Другое дѣло у рѣки Нехватовой: здѣсь глинистый сланецъ, образующій островъ въ самомъ ея устьѣ, падаетъ къ сѣверо-востоку. А точно также и всѣ каменныя породы въ окрестностяхъ Костина Шара. Эта горная порода проникнута могучими слоями и жилами бѣлаго кварца.

Близъ Карскаго моря выступаетъ наружу изъ среди чистаго глинистаго сланца особая его порода, наполненная кварцовыми зернами и мелкими чешуйками блестящаго, какъ металлъ, слюдистаго талька. Эта горнокаменная порода, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ своихъ обнаженіяхъ, имѣетъ видъ чрезвычайно разстроенный. Въ кварцовыхъ ея про-

жилкахъ нерѣдко гнѣздятся прекрасныя щетки горнаго хрусталя съ скаленоэдрами известковаго шпата.

Тальковый сланецъ особенно преобладаетъ въ западныхъ горахъ около Маточкина Шара, входя въ ихъ составъ или исключительно, или попеременно съ глинистыми сланцами, по большей части съ примѣсью талька. Онъ, можно сказать, собственно составляетъ вмѣстилище металловъ на Новой Землѣ, потому что рѣдко попадается слой его, который не заключалъ бы въ себѣ изобильные кристаллы желѣзнаго колчедана. И тальковый сланецъ также проникнутъ кварцовыми жилами и прожилками. Нерѣдко желѣзный колчеданъ отъ дѣйствія атмосферы превращается въ бурый желѣзнякъ или вовсе разлагается и въ послѣднемъ случаѣ пласты его наполняются пустыми гексаэдрическими полостями, вслѣдствіе чего, повидимому, обрушаются цѣлыя горныя массы, какъ-то напр. въ серединѣ Маточкина Шара у горы «Сѣдло». Простираніе и паденіе тальковаго сланца такое же, какъ и глинистаго.

Въ горѣ Серебрянкѣ попадается тальковый сланецъ съ металлическимъ блескомъ. Разрыхляясь отъ продолжительнаго вліянія на него снѣжной воды, онъ распадается на мелкій порошокъ, съ перваго взгляда весьма похожій на серебреный. Отъ этого вѣроятно и самая губа получила свое названіе.

На сѣверо-западномъ берегу губы Серебрянки возвышается Митюшевъ камень до вышины болѣе 3000 футовъ. Это родъ первозданнаго камня; онъ отличается отъ окружающихъ его горъ тальковаго сланца своими крутыми иззубренными вершинами, которыя хотя и расщелены оврагами, но являютъ нѣкоторымъ образомъ правильную слоистость.

Сѣрый кварцъ въ самостоятельномъ видѣ замѣченъ былъ Леманномъ только на хребтахъ горъ по правому берегу рѣки Маточки. Здѣсь онъ всегда являетъ правильный параллелизмъ слоевъ съ сосѣдними сланцами и какъ будто бы назначенъ служить замѣною глинистаго сланца. Онъ часто бываетъ пересѣченъ не очень толстыми жилами бѣлаго кварца. Паденіе его къ востоку отъ 50° до 60°.

Сѣрая известь, безъ окаменѣлостей, нерѣдко образуетъ въ цѣломъ прорѣзѣ острова отъ запада къ востоку подчиненные пласты между глинистымъ и тальковымъ сланцами, мѣстами переходя въ нихъ. Только около Костина Шара онѣ составляютъ господствующую каменную породу. Тутъ она проникнута нерѣдко очень значительной толщины пластами бѣлаго шпатоватаго известняка.

Черный ортоцератитовый известнякъ. И на Новой Землѣ Леманнъ замѣтилъ тоже самое явленіе, на которое впервые обратилъ вниманіе Леопольдъ фонъ-Бухъ въ Норвегіи и которое послужило ему опорою къ опроверженію теоріи нептунизма, а именно: порфиръ, расположенный огромными горами на известнякѣ, преисполненномъ окаменѣлостей.

Восходя отъ устья рѣки Нехватовой къ ея истоку, встрѣчаемъ какъ низшее звено формаціи у Костина Шара сѣрый, большею частію довольно темный, известнякъ, безъ окаменѣлостей, иногда проникнутый тонкими слоями глинистаго сланца. Затѣмъ слѣдуетъ брекчія, въ которой сѣрый, нѣсколько зернистый, известнякъ вмѣщаетъ въ себѣ, какъ будто бы

въ тестѣ, небольшіе куски глинистаго сланца. Далѣе свободно выступаетъ наружу глинистый сланецъ, образующій въ рѣкѣ Нехватовой цѣлый островъ. На этомъ-то глинистомъ сланцѣ покоится ортоцератитовый известнякъ и въ слояхъ его лежатъ въ большомъ изобиліи ископаемые остатки этого известняка. Это тѣ самые ортоцератиты, которые описаны Леопольдомъ фонъ-Бухъ въ окрестностяхъ Христіаніи. Рѣже между ними попадаются силюценные стебли энкринитовъ, пектинитовъ, теребратулитовъ, туррилитовъ, милленоритовъ, тубиноритовъ и пр. Эти остатки по большей части разрушены и какъ бы вколочены одинъ въ другой, такъ что ихъ съ трудомъ только можно вынимать оттуда.

Миндальный камень въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣки Нехватовой образуетъ не очень высокія горы. Въ многочисленныхъ его полостяхъ заключаются миндалины и чечевицы кварцу, концентрически слоенаго халцедона, известняковый шпатъ чернаго глинистаго сланца и т. д. Эта каменная порода теряется къ югу въ собственномъ своемъ щебнѣ; охристою своею оболочкою она изобличаетъ весьма желѣзистое содержаніе этого миндальнаго камня.

Авгитовый порфиръ появляется значительными горными массами въ разстояніи около 30-ти верстъ къ сѣверо-востоку отъ устья рѣки Нехватовой, гдѣ, покрывая собою вышесказанный ортоцератитовой известнякъ, онъ господствуетъ по крайней мѣрѣ въ центрѣ острова. Тамъ же, т. е. въ срединѣ Маточкина Шара, насупротивъ горы «Сѣдло», выходитъ наружу очень вывѣтрившійся, зернистый, неслоистый камень, вѣроятно также въ родѣ авгитоваго порфира.

ГЛАВА IV.

КЛИМАТЪ НОВОЙ ЗЕМЛИ [1].

Однимъ изъ важнѣйшихъ плодовъ новѣйшихъ экспедицій на Новую Землю было собраніе ряда положительныхъ данныхъ о ея климатѣ. Первый метеорологическій дневникъ былъ веденъ въ первое путешествіе Пахтусова въ 1832 и 1833 годахъ. Онъ начинается со 2-го (14) августа 1832 и продолжается до 11-го (23) ноября 1833 года. Впрочемъ не все это время наблюденія были производимы на одномъ и томъ же мѣстѣ. Они начинаются на Бѣломъ морѣ. 11-го (23) августа экспедиція прибыла къ южному берегу Новой Земли, 31-го августа (12 сент.) достигла губы Каменки, а 17-го (29) сентября водворилась на зимовье въ этомъ заливѣ. До этого дня было наблюдаемо только состояніе термометра черезъ каждые четыре часа времени. Съ водворенія же въ зимней избѣ начались также наблюденія барометра и всѣ метеорологическія отмѣтки стали дѣлаться черезъ каждые два часа. Они были такимъ образомъ продолжаемы до 11-го (23) іюля слѣдующаго года, т. е. до оставленія зимней избы Но какъ часть берега, достигнутая 11-го (23) августа, уже лежитъ недалеко отъ губы Каменки, то метеорологическія наблюденія, веденныя въ самой губѣ или близъ нея, обнимаютъ болѣе 11-ти мѣсяцевъ. Число этихъ отмѣтокъ простирается свыше 4000. Мѣсто для наблюденія было лишь немного выше уровня моря.

Другой дневникъ былъ веденъ во время втораго путешествія, совершеннаго Пахтусовымъ вмѣстѣ съ Циволькою въ 1834—35 годахъ. Онъ начинается съ 25-го іюля (6 августа) 1834 г. въ Бѣломъ морѣ, 9-го (21) августа былъ достигнутъ берегъ Новой Земли. 27-го августа (8 сентября) моряки прибыли къ западному устью Маточкина Шара, а 8-го (20) октября поселились на становьѣ вблизи этого устья. Съ этого дня по 21-е августа (2 сент.)

[1]) Bulletin Scientifique de l'Acad. Imp. de St.-Pétersbourg. T. III, стр. 171 и сл.

1835 г. непрерывно производились наблюденія также черезъ каждые два часа. А какъ экспедиція 27-го августа была уже вблизи сказаннаго пролива, то опять собранъ былъ рядъ наблюденій за цѣлый годъ, числомъ свыше 4000. Зимнее становье было 60 футовъ выше поверхности моря и только къ югу защищено горою. Термометръ былъ укрѣпленъ на столбѣ въ шести футахъ надъ землею и охраненъ отъ солнца.

Оба эти ряда наблюденій, заслуживающіе полнаго довѣрія, были сообщены г. фонъ-Бэру. Тщательно повѣривъ и вычисливъ ихъ, онъ нашелъ слѣдующій общій выводъ:

Средняя температура для западнаго устья Маточкина Шара — 8°,37 Ц.

Средняя температура на юго-восточномъ концѣ Новой Земли — 9°,45 Ц.

Съ перваго взгляда покажется страннымъ, что пунктъ, лежащій на нѣсколько градусовъ южнѣе и почти подъ тѣмъ же самымъ меридіаномъ, имѣетъ больше чѣмъ однимъ градусомъ меньшую среднюю температуру. Но по внимательномъ разсмотрѣніи это легко объясняется. Изъ наблюденій мореходцевъ, посѣщавшихъ эти берега видно, что Карскія ворота почти всегда заграждены льдомъ, и только въ самые короткіе промежутки времени доступны для плаванія. Напротивъ того, западный берегъ въ лѣтніе мѣсяцы обыкновенно свободенъ отъ льда такъ, что въ августѣ можно почти сплошь проникнуть до Нассавскаго мыса, и даже сѣверный берегъ не столь постоянно покрытъ льдомъ, какъ Карскія ворота. Причина этой разности температуры понятна — западный берегъ орошается обширнымъ воднымъ бассейномъ, открытымъ бо̀льшую часть года и окаймленнымъ льдами только у береговъ большихъ пространствъ земли, бассейномъ, надъ которымъ по наблюденіямъ Скоресбія, даже подъ 78° широты господствуетъ средняя температура — 6°75 [1]). Итакъ этому-то положенію и близости простирающагося далеко къ сѣверу материка Азіи, г. фонъ Бэръ приписываетъ то, что западный берегъ Новой Земли имѣетъ среднюю температуру — 8°37 Ц. Онъ даже не сомнѣвается, что температура всего западнаго берега отъ южнаго Гусинаго носа до Крестовыхъ острововъ почти одинакова, и развѣ только убываетъ у Нассавскаго мыса и что весь восточный берегъ имѣетъ почти ту же самую температуру, какъ и Карскія ворота: потому что какъ этотъ проливъ обыкновенно бываетъ загроможденъ льдами, такъ и восточное устье Маточкина Шара, по общему замѣчанію, заграждено ими, и если ледъ проходитъ, то только на короткое время, хотя самый проливъ бываетъ открытъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Что сѣверовосточный конецъ теряетъ отъ высшей широты, то онъ выигрываетъ отъ бо̀льшаго пространства водъ. Если сложить въ одинъ итогъ всѣ наблюденія мореходцевъ и промышленниковъ, то окажется, что восточное устье Маточкина-Шара всего долѣе открыто, юговосточный же конецъ Новой Земли еще менѣе свободенъ отъ льда, чѣмъ сѣверо-восточный, хотя близость материка заставляетъ ожидать тамъ по крайней мѣрѣ теплѣйшаго лѣта. Это происходитъ отъ мѣстной причины. Карское море, заключенное съ трехъ сторонъ, уподобляется ледянику, который только тогда можетъ утратить свой ледъ, когда долгое время дуютъ южные или югозападные вѣтры, а при всякомъ другомъ вѣтрѣ снова наполняется

[1]) По вычисленію Буха и Кемца.

льдомъ. А какъ въ этомъ морѣ бываетъ непрерывное теченіе къ Карскимъ воротамъ, то этотъ проливъ всякій разъ, когда освободится отъ льда, вскорѣ опять загражда̀ется ледяными полями, даже во время безвѣтрія.

Сколько ни покажется разительнымъ, что такая узкая страна, какъ Новая Земля, имѣющая въ большей части своего протяженія менѣе 15-ти миль ширины, являетъ столь замѣтное различіе температуры на востокѣ и на западѣ: однако это подтверждается опытомъ и понятно изъ ближайшаго разсмотрѣнія обстоятельствъ. Уже выше было сказано, что западное устье Маточкина Шара гораздо свободнѣе отъ льда, чѣмъ восточное. По опытамъ же промышленниковъ Костинъ Шаръ или юго-западный уголъ Новой Земли бываетъ доступенъ всего ранѣе и всего дольше, между тѣмъ какъ 100 верстъ далѣе къ востоку и во второй половинѣ августа очень часто, а еще 25 верстъ дальше, почти всегда встрѣчается ледъ. Это самое дѣйствіе, которое здѣсь вызывается мѣстными обстоятельствами Карскихъ воротъ, далѣе къ сѣверу производится высокимъ горнымъ хребтомъ, идущимъ вдоль западнаго берега и оказывающимъ такое же вліяніе, какъ и на берегу Норвегіи. Онъ останавливаетъ умѣряющее дѣйствіе воднаго бассейна между Лапландіею, Новою Землею и Шпицбергеномъ. Западные вѣтры приносятъ съ собою на западномъ берегу сырость, береговые же, дуютъ ли они поперегъ или вдоль Новой Земли, по замѣчанію Пахтусова, всегда имѣютъ въ своемъ сопутствіи ясную погоду. На восточномъ берегу напротивъ того западные вѣтры уже причиняютъ сухость, а только восточные, когда Карское море открыто, сопровождаются сыростью, которая однако также не достигаетъ западнаго берега[1]). Такимъ образомъ Новая Земля, не смотря на ея узость, образуетъ собою водораздѣлъ, хотя южная ея половина, повидимому, даже не имѣетъ значительной горной гряды. Это явно доказывается слѣдующимъ фактомъ. Весною 1835 года Пахтусовъ почти четыре недѣли занимался описью на западномъ, а Циволька на восточномъ берегу: когда же они опять сошлись вмѣстѣ, то по сличеніи между собою своихъ дневниковъ увидѣли, что у одного была пасмурная погода, тогда какъ у другаго она стояла ясная. Въ тѣ дни, когда одинъ могъ видѣть всего дальше, другой вовсе не могъ дѣлать наблюденій. И эта же самая противоположность оказалась потомъ также осенью, когда Пахтусовъ занятъ былъ геодезическими работами на востокѣ, а Циволька на западѣ.

Даже вѣроятно, что разность въ температурѣ обоихъ береговъ была бы еще больше, еслѝбы мѣста наблюденія были выбраны иначе, потому что, какъ оба пункта, на которыхъ дѣлались наблюденія, лежатъ на проливахъ, то здѣсь постоянно должны были нѣкоторымъ

[1]) По замѣчанію моряковъ, крѣпкій сѣверо-западный вѣтръ на Новой Землѣ всегда сопровождается пасмурностью съ мелкимъ дождемъ, а сильный сѣверо-восточный наноситъ туманъ съ ледяныхъ полей. Онъ же выноситъ изъ Карскаго моря чрезъ Карскіе ворота множество льдинъ, плавающихъ около западныхъ береговъ Новой Земли. Когда же оба эти вѣтра стихаютъ, тогда обыкновенно бываетъ ясная погода. Западный вѣтръ сопровождается облачнымъ состояніемъ атмосферы и иногда разводитъ большую зыбь. Лѣтомъ преобладаютъ восточный и сѣверо-восточный вѣтры.

образомъ сглаживаться эти разности. Тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно считать изъ найденныхъ данныхъ — 8°,37 Ц. для западнаго и — 9°,45 Ц. для восточнаго берега, среднее — 8°,91 Ц. среднею температурою всей Новой Земли, и какъ въ этомъ краю протяженіе къ сѣверу состоитъ въ обратномъ отношеніи къ близости материка, то едва-ли гдѣ либо иначе найденная мѣра средней теплоты можетъ почесться дѣйствительною для столь большаго пространства.

Итакъ Новая Земля гораздо холоднѣе, чѣмъ середина западной Гренландіи (близъ Новаго Герригута), значительно холоднѣе сѣвернаго берега Лабрадора (— 3°,4), еще холоднѣе, чѣмъ южный и западный берега Шпицбергена, коихъ температура безъ малаго — 7°. Сѣверный и восточный берега этого острова, вѣроятно еще болѣе холодные, чѣмъ ихъ противоположности, можетъ быть, сходнѣе съ Новою Землею. Самый Якутскъ (по Эрману — 8°,07) еще теплѣе. Напротивъ того, Нижній Колымскъ, по основанному на наблюденіяхъ Врангеля вычисленію Эрмана (— 10°,0), нѣсколько, а Устьянскъ (— 15°,24) гораздо холоднѣе, а вмѣстѣ съ Устьянскомъ очевидно и вся страна по рѣкамъ: Янѣ, нижней Ленѣ, Оленеку, Хатангѣ, Пясинѣ и по низовьямъ Енисея, а равно область сѣверныхъ притоковъ нижней Тунгузки. Равнымъ образомъ и та часть Сѣверной Америки, которая лежитъ къ сѣверу отъ дуги, начинающейся у залива Вагека на восточномъ берегу, въ срединѣ Сѣверной Америки опускается до Невольничьяго озера, а потомъ къ западному берегу снова поднимается почти до Ледянаго мыса, — холоднѣе Новой Земли. Но за всѣмъ тѣмъ на этихъ огромныхъ пространствахъ земли еще живетъ множество людей, и не только дикихъ, но у форта Энтерпрейзъ при средней температурѣ — 12°,13 Ц., Англичане еще имѣютъ факторію, а Русскіе въ Устьянскѣ и въ вѣроятно еще холоднѣйшемъ Туруханскѣ даже небольшіе города.

Итакъ не малая теплота сама по себѣ дѣлаетъ Новую Землю необитаемою для Русскихъ. Гораздо невыгоднѣе дѣйствуетъ распредѣленіе теплоты. Въ тѣхъ обитаемыхъ странахъ, которыя принадлежатъ къ большимъ материкамъ, температура зимою падаетъ ниже, но зато лѣтомъ и поднимается выше, и какъ зимою органическій міръ частію спитъ, защищаемый снѣжнымъ покровомъ, какъ-то растенія и нѣкоторыя животныя, частію пускается въ дальнія странствія, или скрывается, или производитъ въ самомъ себѣ довольно теплоты, для побѣжденія холода: лѣтняя же теплота необходима для развитія органическихъ существъ, будь ли то для перваго ихъ вступленія въ жизнь, или для періодически возвращающагося ея кругооборота, то въ высокихъ широтахъ количество бытія опредѣляется только лѣтомъ. Для человѣка, какъ властелина огня, холодъ нигдѣ не бываетъ непреодолимымъ, если только страна производитъ довольно органическаго вещества для его питанія.

Итакъ мало помогаетъ всякаго рода органической жизни на Новой Землѣ то, что зимою тамъ средній холодъ не больше — 19°,66, и что тамъ слѣдовательно немного холоднѣе, чѣмъ внутри Лапландіи на высотѣ 1300 футовъ (близъ Эпонтекиса) и почти такъ же холодно какъ въ Кумберландгоузѣ, въ предѣлахъ странъ Гудсонскаго залива, но гораздо теплѣе,

чѣмъ въ Устьянскѣ (— 33°) или въ Якутскѣ (— 42°5) [1]. Эта сравнительно умѣренная зима, въ продолженіе которой лишь изрѣдка замерзаетъ ртуть, а на западномъ берегу даже никогда, меньше благопріятствуетъ Новой Землѣ, чѣмъ ей вредитъ холодное и туманное лѣто. Это лѣто едвали не самое суровое изъ всѣхъ извѣстныхъ по наблюденіямъ, потому что средняя его температура не превышаетъ + 2°,53 Ц. Даже на островѣ Мельвилля, гдѣ зимовалъ Парри въ первую свою экспедицію, и въ Бутіи (странѣ американскаго холоднаго полюса), гдѣ Россъ провелъ нѣсколько лѣтъ во вторую свою экспедицію,—этихъ двухъ наиболѣе холодныхъ пунктахъ, доселѣ извѣстныхъ [2]), лѣто бываетъ теплѣе, на первомъ + 3,14 Ц., на второмъ + 3,09 Ц. Что же касается до внутренности Сибири и Сѣверной Америки, то извѣстно, что на большихъ материкахъ лѣто всегда бываетъ теплѣе и только наиболѣе выдающіеся въ море мысы Сибири могутъ здѣсь войти въ нѣкоторое сравненіе. Донынѣ извѣстны изъ термометрическихъ наблюденій только два небольшихъ острова, а именно Зимній островъ и Инглулизъ, гдѣ лѣто еще менѣе развиваетъ тепла, чѣмъ на Новой Землѣ, + 2°,03 и + 1,83 Ц.

Судя по этому, можно бы было повѣрить англичанину Вуду (Wood), который въ 1676 году претерпѣлъ крушеніе на берегу Новой Земли въ широтѣ почти 75° и говоритъ объ этомъ краѣ, «что бо́льшая его часть вѣчно покрыта льдомъ», еслибы онъ не опровергъ самъ себя, разсказывая нѣсколько строкъ дальше, что по взрытіи земли до глубины двухъ футовъ, найденъ былъ грунтъ крѣпко замерзшимъ [3]). Гдѣ почва растаиваетъ до глубины 2-хъ футовъ, тамъ уже давно нѣтъ снѣгу. Еще никто далеко не проникалъ во внутрь страны, но куда ни доходили люди, поверхность плоской земли лѣтомъ оказывалась безснѣжною, внутри же острова температура должна быть еще выше, чѣмъ на берегу. И какъ доселѣ еще неизвѣстна сколько нибудь обширная страна съ болѣе холоднымъ лѣтомъ, даже не въ окрестностяхъ американскаго холоднаго полюса, то Новая Земля остается тѣмъ краемъ, гдѣ граница вѣчнаго снѣга находится всего ближе къ равнинѣ. Извѣстно, что физики такъ же усердно и постоянно мечтали о странѣ вѣчнаго снѣга, какъ не-физики объ Эльдорадо, странѣ неистощимаго золота. Но обѣ мечты еще не сбылись въ здѣшнемъ мірѣ посредственности. Новая Земля украшена флорою и досада Вуда вѣроятно произошла только оттого, что онъ до предпринятія своего путешествія горячо защищалъ возможность и легкость прохода чрезъ Ледовитое море. Немудрено, что эта горячность значительно охладилась послѣ десятидневнаго безотраднаго пребыванія на такомъ берегу, и что Вудъ изъ поборника сѣвернаго прохода сдѣлался ревностнымъ его противникомъ.

---

[1]) Кэнъ въ западной Гренландіи подъ 78½° с. широты испыталъ морозъ безъ малаго въ 45° Реом., Мак-Клюръ въ 1853 году тамъ же, но нѣсколько южнѣе — 47° Р. Въ Якутскѣ стужа доходитъ до 50°, а средняя температура трехъ зимнихъ мѣсяцевъ: декабря, января и февраля — 31° Р., т. е. близко къ замерзанію ртути. (Миддендорфа, Путеш. по сѣв. и вост. Сибири. Спб. 1860. Ч. I, стр. 327—329.

[2]) Средняя температура острова Мельвилля, по вычисленію Араго, — 10°,93; а Бутіи, по вычисленію г. фонъ-Бэра, на основаніи отмѣтокъ Росса — 16°,88.

[3]) Recueil de voyages au Nord. T. II. p. 377.

Что касается до годичнаго хода температуры на Новой Землѣ, то вышеприведенные дневники даютъ слѣдующіе ряды среднихъ выводовъ для каждаго мѣсяца:

Мѣсяцы.	Въ западномъ устьѣ Маточкина Шара.	На юго-восточномъ концѣ Новой Земли (въ августѣ на восточномъ берегу).	Среднее изъ обоихъ.
Январь	— 15°,40	— 19°,38	— 17°,39
Февраль	— 22, 08	— 17, 72	— 19, 90
Мартъ	— 15, 30	— 23, 72	— 19, 51
Апрѣль	— 13, 19	— 16, 04	— 14, 61
Май	— 6, 81	— 8, 05	— 7, 43
Іюнь	+ 1, 43	+ 0, 52	+ 0, 98
Іюль	+ 4, 42	+ 2, 39	+ 3, 40
Августъ	+ 4, 96	+ 3, 06	+ 4, 01
Сентябрь	— 0, 51	— 1, 10	— 0, 90
Октябрь	— 5, 41	— 6, 52	— 5, 96
Ноябрь	— 12, 92	— 15, 98	— 14, 45
Декабрь	— 19, 68	— 10, 87	— 15, 27
Среднее	— 8, 375	— 9, 45	— 8, 91.

Весьма замѣчательно, что въ столбцѣ для юго-восточнаго конца Новой Земли мартъ рѣшительно самый холодный мѣсяцъ. А какъ съ другой стороны августъ является самымъ теплымъ мѣсяцемъ, а май почти съ среднею годичною температурою, то видно, что здѣсь вся послѣдовательность въ прибываніи и убываніи температуры въ теченіе всего года запоздала однимъ мѣсяцемъ противъ обыкновеннаго. Наблюденія за одинъ годъ конечно даютъ только весьма ненадежную мѣру для средней теплоты отдѣльнаго мѣсяца и можно было бы подумать, что вся указанная странность произошла отъ особенности того именно года, въ который производилось наблюденіе. Но и наблюденія въ Маточкиномъ Шарѣ показываютъ разительное сходство. Августъ и здѣсь самый теплый мѣсяцъ, хотя и не такъ разнится отъ іюля, какъ на восточномъ берегу; апрѣль также значительно холоднѣе средней годичной температуры. Итакъ, повидимому, запозданіе на Новой Землѣ высшихъ степеней теплоты и холода основано на какихъ нибудь постоянныхъ началахъ. Въ таблицѣ мѣсячныхъ температуръ, сообщаемой Кемцемъ въ превосходной его Метеорологіи, встрѣчается одно только мѣсто, гдѣ мартъ самый холодный мѣсяцъ, — это фортъ Чорчиль (Churchill) на берегу верхней половины Гудсонова залива. Положеніе этого форта сходствуетъ съ губою Каменкою въ томъ, что и здѣсь отъ множества сосѣдственныхъ острововъ значительная часть моря долго бываетъ покрыта льдомъ. И это обстоятельство кажется причиною запоздалости высшаго наступленія холода, потому что отъ замерзанія воды долгое время освобождается изъ нея теплота, а потомъ, когда ледъ достигаетъ значительной толщины, вся мѣра холода остается

болѣе ощутительною въ атмосферѣ. По этой же причинѣ въ лѣтніе мѣсяцы связывается много тепла и, растопляя ледяныя массы, задерживаетъ согрѣваніе воздуха. Въ фортѣ Чорчилѣ, правда, августъ не самый холодный мѣсяцъ, вѣроятно только потому, что наибольшая масса льда въ сосѣдствѣ потребляется гораздо раньше, и оттого происходитъ запоздалость теплоты въ первые лѣтніе мѣсяцы. Въ Карскомъ же морѣ передвиженіе временъ года всего полнѣе объясняется безпрестаннымъ стеченіемъ туда льдовъ. При такихъ обстоятельствахъ несправедливо принимать, какъ обыкновенно, январь за средину зимы, а іюль за средину лѣта. По этому распредѣленію весна была бы точно такъ же холодна, какъ зима, потому что первая, какъ видно изъ нижеслѣдующаго обзора, имѣла температуру — 15°,93, а вторая — 15°,99. Напротивъ того измѣненіе температуры оказывается гораздо равномѣрнѣе, если начинать зиму съ января мѣсяца, какъ въ третьемъ столбцѣ:

Средняя температура временъ года.	На западномъ берегу Новой Земли, начиная съ декабря.	На южномъ концѣ Новой Земли, начиная съ декабря.	На южномъ концѣ Новой Земли, начиная съ января.	Среднее для всей Новой Земли.
Зима	— 19°,05	— 15°,99	— 20°,27	— 19°,66
Весна	— 11, 77	— 15, 93	— 7, 87	— 9, 82
Лѣто	+ 3, 60	+ 1, 99	+ 1, 47	+ 2, 53
Осень	— 6, 28	— 7, 87	— 11, 09	— 8, 74

Предлежащій примѣръ очевидно доказываетъ, что для сличенія температуры временъ года разныхъ мѣстъ между собою, нельзя раздѣлять времена года по однимъ и тѣмъ же днямъ календаря. Вопросъ объ отношеніи между собою зимы и лѣта разныхъ странъ можетъ быть разрѣшенъ только тѣмъ, что для каждаго мѣста отдѣльно будетъ графически или математически опредѣленъ годичный ходъ температуры и координаты высшей и низшей температуры будутъ приняты за средину лѣта и зимы. Только этимъ путемъ можно получить познаніе объ отношеніи въ годичномъ ея повышеніи или понижсніи. Если вездѣ начинать съ того же дня по календарю, то конечно можно найти количество теплоты, дѣйствующее въ опредѣленный астрономическій моментъ времени на разныхъ пунктахъ земли, но изъ этого самаго сличенія оказывается различіе метеорологическаго года разныхъ мѣстъ отъ астрономическаго года.

Такъ и въ Бутіи, странѣ американскаго холоднаго полюса, гдѣ Россъ проводилъ болѣе $2^1/_2$ лѣтъ, середина зимы падаетъ въ средину февраля, а средина лѣта, хотя и не въ середину августа, однако въ переходъ отъ іюля къ августу. Извлекши среднее пропорціональное изъ показанныхъ Россомъ среднихъ температуръ 30-ти мѣсяцевъ, г. Бэръ нашелъ ходъ температуры въ Боотіи:

январь	февраль	мартъ	апрѣль	май	іюнь
— 33°,77	— 35°, 77	— 33°,89	— 31°,87	— 9°,09	+ 1°,29
іюль	**августъ**	**сентябрь**	**октябрь**	**ноябрь**	**декабрь**
+ 4°,27	+ 3°,72	— 3,65	— 12°,72	— 20°,79	— 30°,24.

Что въ августѣ средняя температура выше, чѣмъ въ іюлѣ, это случается нерѣдко, а особенно въ такихъ мѣстахъ, мимо которыхъ долгое время носятся льды. Такъ у сѣверо-восточнаго берега Лабрадора, у Зимняго острова, на сѣверовосточномъ концѣ Исландіи (Эльфіордъ), и даже на берегу Новой Шотландіи и у сѣверной части восточнаго берега Соединенныхъ Штатовъ сѣверной Америки, гдѣ ледъ изъ рѣки св. Лаврентія производитъ тоже самое дѣйствіе, какъ далѣе къ сѣверу полярный ледъ. Годичный ходъ температуры въ Галифаксѣ показанъ у Монтгомери Мартина (History of the British Colonies III, стр. 320). по градусамъ Фаренгейта:

январь	февраль	мартъ	апрѣль	май	іюнь
20°	18°	25°	30°	40°	50°
іюль	августъ	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
63°	70°	61°	51°	38°	21°.

Итакъ, здѣсь также февраль середина зимы, а августъ середина лѣта.

Что же касается до Новой Земли и выше сообщеннаго перечня температуръ разныхъ временъ года, то явно, что середина зимы наступаетъ для западнаго берега позже середины января, а для восточнаго раньше середины февраля. Но что изъ середины обоихъ показаній оказывается средняя температура временъ года въ вѣрномъ отношеніи, это явствуетъ уже изъ той попытки, которая сдѣлана г. Бэромъ въ четвертомъ столбцѣ. Этотъ ходъ правильнѣе, чѣмъ кривыя линіи, вычисленныя для обоихъ пунктовъ изъ наблюденій одного только года.

Средняя температура лѣта на Новой Землѣ, вычисленная такимъ образомъ + 2,53, не достигаетъ теплоты октября мѣсяца въ С.-Петербургѣ, ноября въ Берлинѣ (+ 2°9), декабря на шетландскомъ островѣ Унстѣ, и лишь немного теплѣе января въ Эдинбургѣ (+ 2°,4). Самый теплый мѣсяцъ на Новой Землѣ, августъ, (+ 4°01) имѣетъ температуру октября въ Дронтгеймѣ (+ 4,0), нѣсколько меньше декабря въ Эдинбургѣ (+ 4°4) и гораздо меньше января на островѣ Манѣ (+ 5,4) или Ла Рошеля (+ 4°,9).

Впрочемъ бываютъ и на Новой Землѣ теплые дни. На западномъ берегу, Нахтусовъ въ іюлѣ мѣсяцѣ три дня сряду наблюдалъ больше 7°5 Ц. Въ августѣ четыре дня теплота превышала 9°. Въ самый же теплый день, 7 (19) августа она доходила до 11°, 9 Ц. или 9°, 5 Реом., теплота, обыкновенно господствующая по вычисленіямъ Брандеса въ С.-Петербургѣ при переходѣ отъ мая къ іюню мѣсяцу, а въ Римѣ около 10 апрѣля. Но такого тепла никогда не бываетъ на восточномъ берегу. Самый теплый день, отмѣченный здѣсь г-номъ Бэромъ, когда онъ находился близъ восточнаго устья Маточкина Шара, былъ 16 августа съ температурою + 7°, 55 Ц. или 5°, 96 Реом., температурою господствующею въ С.-Петербургѣ обыкновенно въ серединѣ мая, а въ Римѣ только въ самое холодное время января. Но, считая, по указанію Брандеса, всегда по 5-ти дней вмѣстѣ, и на западномъ берегу Новой Земли не найдется времени, равнаго холоднѣйшему въ Римѣ. Теплѣйшія времена на этомъ берегу были отъ 4 до 8 августа = 6°, 57 и съ 19 по 23 = 6°81, т. е. средняя тем-

пература, бывающая въ С.-Петербургѣ въ послѣдніе дни сентября; а въ Парижѣ въ слѣдъ за серединою марта. На восточномъ же берегу тѣже самые 5-ти дневные періоды оказывали только теплоту 6°19 и 2°01, потому что второй періодъ претерпѣлъ бывшее передъ тѣмъ значительное охлажденіе. Оба вмѣстѣ дали температуру, преобладующую въ Парижѣ въ началѣ февраля.

Наибольшій холодъ, замѣченный въ губѣ Каменкѣ, былъ — 40° Ц. (— 32° Реом.), а именно 21 ноября. Холодъ свыше — 30° Р. нѣсколько разъ былъ наблюдаемъ въ ноябрѣ и январѣ мѣсяцахъ. На западномъ берегу никогда не бываетъ стужи больше — 30°, но эта степень холода была неоднократно отмѣчаема въ часы наблюденія. Только одна отмѣтка гласитъ, что 22 февраля былъ замѣченъ холодъ въ — 37½° Р. (почти — 47° С.) «въ началѣ 11-го часа вечеромъ, но голько не долгое время». Отмѣтки въ обыкновенные часы были слѣдующія:

10 (22) февраля вечеромъ	2	часа	26½ Р.
	4	»	27 »
	6	»	28 »
	8	»	29½ »
	10	»	30 »
	12	»	30 »
11 (23) февраля утромъ	2	»	30 »
	4	»	29½ »
	6	»	28½ »
	8	»	28 »
	10	»	26½ »
	12	»	27 »

и такъ далѣе почти равномѣрно. Не зная, чѣмъ объяснить себѣ такое внезапное и скоро исчезнувшее охлажденіе, г. Ф. Боръ счелъ себя въ правѣ всюду опустить его въ своихъ вычисленіяхъ.

Правда, попадаются въ сказанныхъ дневникахъ и другія внезапныя измѣненія температуры, но при совершенно другихъ обстоятельствахъ. 28 января термометръ въ 10 часовъ вечеромъ до полудня поднялся съ — 24° Р. до — 14° Р. Но господствовавшее цѣлыя сутки передъ тѣмъ затишье было вдругъ прервано сильнымъ SSO, прежде ясное небо покрылось тучами, и по минованіи бури спустя 10 часовъ, температура снова опустилась ниже — 20° Р. Небольшія колебанія отъ подобныхъ причинъ случаются нерѣдко.

Обстоятельство же, что температура воздуха бываетъ всего холоднѣе въ исходѣ февраля, г. фонъ-Боръ объясняетъ тѣмъ, что около этого времени большая часть Ледовитаго моря совершенно покрыта льдомъ. Пока значительныя части моря еще открыты, воздухъ надъ Ледовитымъ океаномъ не можетъ развивать наибольшей степени холода. Коль скоро же море повсюду покроется льдомъ, воздухъ уже менѣе наполняется парами, а особенно при ясномъ небѣ. Но конечно этимъ еще не объясняется причина, отчего измѣненіе температуры

въ этихъ краяхъ отзывается во всей Европѣ. Это г. Бэръ приписываетъ преобладающему сѣверо-восточному направленію вѣтровъ.

Въ обоихъ мѣстахъ наблюденія не прошло ни одного мѣсяца, въ который не было бы хотя одинъ разъ мороза. Но въ губѣ Каменкѣ холодъ непрерывно, безъ всякой оттепели, стоялъ съ 19-го октября по 24-е мая. У западнаго же устья Маточкина Шара непрерывная стужа продолжалась только съ 24-го октября по 21-е марта. Въ слѣдующей таблицѣ г. фонъ-Бэръ сопоставляетъ наивысшую и наинизшую температуру каждаго мѣсяца порознь на обѣихъ станціяхъ, съ присовокупленіемъ вычисленныхъ имъ изъ этихъ показаній среднихъ температуръ:

	Западный берегъ.				Восточный берегъ.			
	Максимумъ.	Минимумъ.	$\frac{M+m}{2}$	Настоящая средина.	Максимумъ.	Минимумъ.	$\frac{M+m}{2}$	Настоящая средина.
Январь	— 0°25 Р.	— 26° Р.	— 16° 1 Ц.	— 15°40 Ц.	— 1°5 Р.	— 31° 5 Р.	— 20°62 Ц.	— 19°37 Ц.
Февраль	— 8	— 30	— 23,75	— 22, 06	— 4, 5	— 27,75	— 20, 15	— 17, 73
Мартъ	+ 1, 25	— 28	— 16,6	— 15, 30	— 4	— 27	— 19, 37	— 23, 71
Апрѣль	+ 2	— 23,5	— 13 4	— 13, 19	— 2,5	— 26	— 17, 75	— 16, 07
Май	+ 5, 5	— 19	— 7,25	— 6, 81	+ 0,5	— 18	— 11, 56	— 8, 05
Іюнь	+ 10	— 6	+ 2,5	+ 1, 43	+ 8	— 3	+ 3, 12	+ 0, 52
Іюль	+ 8,5	— 1,25	+ 4,4	+ 4, 42	+ 6,5	— 1,5	+ 3, 12	+ 2, 39
Августъ	+ 11	— 3,5	+ 4,7	+ 4, 96	+ 7,5	— 1,75	+ 3, 59	+ 3, 06
Сентябрь	+ 3	— 6	— 1,82	+ 0, 81	+ 4	— 9	— 3, 12	— 1, 10
Октябрь	+ 4	— 11	— 4,37	— 5, 48	+ 1	— 19	— 11, 25	— 6, 44
Ноябрь	— 3	— 19	— 10	— 12, 92	— 1,5	— 32	— 20, 94	— 15, 98
Декабрь	— 4	— 26½	— 17,81	— 19, 68	— 1,5	— 21,5	— 14, 25	— 10, 87.

Изъ этой таблицы видно, что вычисленіе среднихъ мѣсячныхъ температуръ изъ высшаго и низшаго стоянія термометра во время мѣсяца въ этихъ краяхъ весьма уклоняется отъ истины. Причину этому г. фонъ-Бэръ полагаетъ въ томъ, что по мѣрѣ приближенія къ сѣверу каждый вѣтръ болѣе дѣйствуетъ нагрѣвательно. За исключеніемъ немногихъ лѣтнихъ недѣль затишье охлаждаетъ воздухъ. Итакъ безвѣтріе опредѣляетъ низшее стояніе температуры: а съ другой стороны по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ наибольшаго холода всѣ вѣтры согрѣваютъ воздухъ. Итакъ согрѣвательные моменты продолжительнѣе охладительныхъ и слѣдовательно болѣе оказываютъ вліянія на истинную среднюю температуру.

Но сверхъ того эта таблица показываетъ, что наибольшія разности температуры происходятъ не въ лѣтніе мѣсяцы, какъ въ среднихъ широтахъ. А наоборотъ, длинный полярный день являетъ наименьшія колебанія и эта равномѣрность по крайней мѣрѣ въ томъ году, изъ котораго имѣются наблюденія, продолжалась въ губѣ Каменкѣ до сентября мѣсяца и была тамъ, за исключеніемъ ноября, всего сильнѣе въ тамошніе зимніе мѣсяцы: январь, февраль и мартъ. На западномъ берегу это отношеніе было измѣнчивѣе, хотя и тутъ въ лѣтніе мѣсяцы были наименьшія разности.

Желая узнать, не откроется ли въ этихъ разностяхъ отдѣльныхъ мѣсяцовъ на глубокомъ сѣверѣ нѣкоторая правильность, г. Бэръ сличилъ ихъ съ мѣсячными разностями почти трехлѣтнихъ наблюденій Росса въ Бутіи и извлекъ изъ нихъ среднія разности для каждаго мѣсяца порознь. Такимъ образомъ онъ получилъ таблицу, изъ которой положительно оказывается, что разности температуры бываютъ всего меньше лѣтомъ, быстро возрастаютъ осенью, снова уменьшаются зимою и наконецъ опять увеличиваются весною. И здѣсь ноябрь являетъ самыя большія разности, а именно почти одни и тѣ же во всѣхъ трехъ годахъ.

Разности температуры по Фаренгейтову термометру.

Въ январѣ	45°	62°	47°	средняя	47°
» февралѣ	48½	53½	32¼		44
» мартѣ	62	42½	44¼		50
» апрѣлѣ	62	55			58½
» маѣ	38	52			45
» іюнѣ	36	38			37
» іюлѣ	38	18			28
» августѣ	25	30			27½
» сентябрѣ	38	30			34
» октябрѣ	40½	36	52		43
» ноябрѣ	63	63	62		63
» декабрѣ	29	53	40		41.

Какъ эти разности температуры отдѣльныхъ мѣсяцевъ явно соображаются съ измѣненіемъ дня и ночи, то можно полагать, что у полюса въ срединѣ полярной ночи и особенно въ срединѣ полярнаго дня должны быть только небольшія колебанія въ температурѣ.

До новѣйшихъ арктическихъ путешествій вовсе не имѣлось свѣдѣній о суточномъ ходѣ температуры глубокаго сѣвера, т. е. о законахъ, по которымъ теплота возвышается и понижается въ высокихъ широтахъ въ продолженіе 24-хъ часовъ. По этой причинѣ Кемцъ именно указывалъ на особенную важность ежечасныхъ наблюденій изъ тѣхъ краевъ. Съ тѣхъ поръ вышли въ свѣтъ такія ежечасныя наблюденія, учиненныя Россомъ въ продолженіе 30-ти мѣсяцевъ по близости американскаго холоднаго полюса. Но изъ нихъ, кажется, не было сдѣлано никакихъ выводовъ о суточномъ ходѣ температуры, а посему мы должны быть очень благодарны г-ну фонъ-Бэру за трудъ, который онъ взялъ на себя, извлекши изъ вышеупомянутыхъ метеорологическихъ дневниковъ двѣ таблицы о средней температурѣ Новой Земли, хотя и не за каждый часъ, но по крайней мѣрѣ черезъ каждые два часа. При этомъ слѣдуетъ однако замѣтить, что эти наблюденія были дѣланы не на одномъ и томъ же мѣстѣ. Съ октября 1829 г. по сентябрь 1830 г. они производились подъ 70° 0′ с. ш. и 91°53′ з. д., съ октября 1830 по сентябрь 1831 г.—подъ 70°2′ с. ш. и 91°52′ з. д., съ октября 1831 по мартъ 1832 г.—подъ 70°9′ с. ш. и 91°34′ з. д. Но какъ разность въ широтѣ составляетъ не болѣе 9′, а въ долготѣ только 19′, то это не можетъ помѣшать выводу изъ этихъ данныхъ нѣкоторыхъ общихъ заключеній.

I. Суточный ходъ температуры въ Карскихъ воротахъ и въ августѣ мѣсяцѣ на восточномъ берегу Новой Земли.

Часы.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Полночь	— 19°78	— 18°01	— 25°54	— 18°92	— 10°74	— 1°98	+ 0°59	+ 2°17	— 1°43	— 6°49	— 15°96	— 11°63
2 (14)	— 19, 78	— 18, 09	— 25, 95	— 19, 86	— 10, 77	— 1, 58	+ 0. 90	+ 2, 35		— 6, 59	— 16, 11	— 11. 34
4 (16)	19, 75	— 18, 31	— 26, 14	— 18, 99	— 10, 34	0. 72	+ 1. 37	+ 2. 44	— 1, 82	— 6, 54	— 16. 25	— 11. 15
6 (18)	— 19, 80	— 17, 95	— 25, 41	— 17, 69	— 9, 38	+ 0. 00	+ 2. 12	+ 2. 78		— 6, 76	— 16, 31	— 10, 61
8 (20)	— 19. 91	— 17. 38	— 24. 54	— 15. 71	— 7, 61	+ 1. 10	+ 2. 74	+ 3, 12	— 1, 43	— 7, 15	— 16, 87	— 10, 30
10 (22)	— 19, 62	— 17, 27	— 21, 83	— 13, 93	— 5, 99	+ 2. 01	+ 3. 57	+ 3, 47		— 6, 24	— 16, 69	— 10. 27
Полдень	— 19, 12	— 16, 77	— 20, 57	— 13. 10	— 5, 33	+ 2, 36	+ 3, 60	+ 3, 82	— 0, 21	— 6, 13	— 15, 90	— 10, 07
2	— 18, 94	— 16, 79	— 20, 61	— 12, 48	— 5, 31	+ 2. 67	+ 3, 65	+ 3, 91		— 6, 09	— 15, 84	— 10, 51
4	— 18. 29	— 17. 65	— 21. 71	— 12. 88	— 6. 01	+ 1, 96	+ 3. 57	+ 3, 90	— 0, 48	— 6, 32	— 15, 51	— 10, 80
6	— 18, 81	— 17, 70	— 23. 08	— 14. 60	— 7, 12	+ 1, 19	+ 3, 06	+ 3, 71		— 6, 63	— 15, 41	— 10. 90
8	— 19. 25	— 18. 06	— 21. 23	— 16. 52	— 8, 06	+ 0, 23	+ 2, 26	+ 2, 58	— 1, 25	— 6, 62	— 15, 48	— 11, 26
10	— 19, 50	— 18, 67	— 24, 87	— 17, 95	— 9, 98	+ 0, 96	+ 1, 27	+ 2, 43		— 6, 58	— 15, 40	— 11, 73
Среднее	— 19, 38	— 17, 72	— 23, 71	— 16, 04	— 8, 05	+ 0, 52	+ 2, 39	+ 3, 06	— 1, 10	— 6, 52	— 15, 98	— 10, 87

II. Суточный ходъ температуры у западнаго устья Маточкина Шара.

Часы.	Январь.	Февраль	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Полночь	— 15°15	— 22 42	— 15°42	— 15 31	— 10°19	— 0°20	+ 3°12	+ 4°22	— 1°56	— 5°09	— 12°71	— 19°56
2	— 15, 00	— 22, 16	— 16, 22	— 15, 00	— 9, 48	— 0, 02	+ 2, 87	+ 4, 03		— 4, 32	— 12, 76	— 19. 69
4	— 15, 18	— 21, 95	— 16, 67	— 14, 67	— 8, 64	+ 0. 15	+ 3, 35	+ 3, 94	— 1. 36	— 6, 09	— 12, 97	— 20, 00
6	— 15, 36	— 22. 06	— 16, 28	— 13, 84	— 7, 16	+ 0, 74	+ 3, 68	+ 4, 63		— 5, 32	— 13, 13	— 20, 19
8	— 15, 29	— 21, 99	— 15, 67	— 12, 45	— 5, 44	+ 1, 71	+ 4, 76	+ 5, 45	— 0, 69	— 5, 49	— 13, 20	— 20, 32
10	— 15, 89	— 21, 94	— 15, 16	— 11, 12	— 4, 17	+ 2, 85	+ 5, 20	+ 5, 70		— 5, 46	— 13, 22	— 20. 05
Полдень	— 15, 10	— 22, 02	— 14, 08	— 10, 54	— 3, 42	+ 3, 50	+ 5. 89	+ 6, 39	+ 1, 04	— 5, 04	— 13, 07	— 19, 95
2	— 15, 63	— 21. 85	— 14, 23	— 11, 33	— 4, 03	+ 3. 15	+ 5, 57	+ 5. 65		— 5, 10	— 12, 91	— 19, 70
4	— 15. 62	— 21. 96	— 14. 42	— 12. 28	— 5. 08	+ 2, 12	+ 5. 23	+ 5, 44	— 0, 13	— 5, 27	— 12. 82	— 19, 35
6	— 15, 38	— 22, 16	— 14, 90	— 13, 02	— 6, 75	+ 1, 59	+ 5, 03	+ 4, 92		— 6, 01	— 12, 62	— 19, 26
8	— 15, 56	— 22, 20	— 15, 11	— 14. 03	— 8. 08	+ 1, 22	+ 4, 48	+ 4, 76	— 0. 34	— 5, 59	— 12, 79	— 19, 18
10	— 15, 62	— 22. 25	— 15. 47	— 15. 21	— 9, 29	+ 0. 55	+ 3. 91	+ 4. 39		— 5, 80	— 12, 85	— 18, 96
Среднее	— 15, 40	— 22. 08	— 15, 30	— 13, 19	— 6, 81	+ 1. 43	+ 4. 12	+ 4. 96	— 0, 51	— 5, 41	12. 92	— 19. 68

Изъ этихъ таблицъ оказывается:

1) что суточное измѣненіе температуры было всего меньше въ зимніе мѣсяцы, потомъ быстро увеличивалось весною, достигло высшей своей степени въ апрѣлѣ и маѣ и затѣмъ снова стало значительно уменьшаться лѣтомъ. Итакъ температура, очевидно, была равномѣрнѣе, пока солнце или вовсе не всходило, или вовсе не заходило, чѣмъ въ тѣ времена, когда регулярно смѣнялись день и ночь. Впрочемъ наименьшія колебанія не приходятся именно въ тѣ мѣсяцы, когда солнце вовсе не восходитъ или вовсе не заходитъ, а нѣсколько позже, для Карскихъ воротъ на январь, коего послѣдняя половина здѣсь не совсѣмъ лишена солнечнаго свѣта, а для Маточкина Шара, гдѣ весь январь еще принадлежитъ къ полярной ночи, на февраль. Сближая въ нижеслѣдующей таблицѣ разности температуры Падуи, Лиона (Leith), Ісмгеланда, Эноптекиса, Бутіи, Карскихъ воротъ и Маточкина Шара, г. фонъ-Боръ выводитъ заключеніе, что не смотря на весьма замѣтное различіе приморскаго и континентальнаго климатовъ, длинный полярный день тѣмъ болѣе уменьшаетъ суточныя разности во время лѣта, чѣмъ далѣе подвигаешься къ сѣверу. И хотя эти разности, сколько можно судить изъ имѣющихся у насъ на лицо наблюденій, все еще гораздо значительнѣе, чѣмъ разности температуры во время полярной ночи, однако можно заключить съ большою вѣроятностію, что подъ полюсомъ полугодовой полярный день являетъ только малое измѣненіе въ теченіе сутокъ:

Ежедневныя разности температуры въ разные мѣсяцы.

Мѣсяцы.	Падуа. 45°24′ с. ш.	Лиоъ. 55°48′ с. ш.	Ісмтеландъ. 63° с. ш.	Эноптекисъ. 68°30′ с. ш.	Бутія. 70° с. ш.	Губа Каменка. 70°37′ с. ш.	Маточкинъ Шаръ. 73° с. ш.
январь	3°34	1°47	2°10	4°96	0°52	1°62	0°89
февраль	4,00	1,96	4,74	4,96	2,29	1,96	0,57
мартъ	4,75	3,38	8,37	7,16	7,32	5,56	2,59
апрѣль	5,23	5,67	7,24	5,40	6,77	6,87	4,75
май	7,60	4,55	8,36	3,91	6,98	5,46	6,77
іюнь	6,67	4,34	9,54	4,03	6,40	4,65	3,70
іюль	9,39	5,10	7,70	4,56	4,61	3,06	3,02
августъ	8,96	4,08	7,20	4,06	3,31	1,74	2,45
сентябрь	6,88	4,47	6,17	4,53	2,11	1,61	2,60
октябрь	4,49	2,71	3,80	4,93	1,21	1,10	1,05
ноябрь	5,17	2,24	2,10	4,43	0,91	1,47	0,60
декабрь	4,11	4,11	1,77	5,76	0,31	1,66	1,36.

2) вообще разности суточной температуры въ высокихъ широтахъ не такъ велики, какъ въ среднихъ.

3) наибольшая теплота вообще на глубокомъ сѣверѣ раньше наступаетъ, чѣмъ на глубокомъ югѣ.

4) и на глубокомъ сѣверѣ наибольшая теплота приходится въ разные часы дня но эти разности не такъ велики, какъ далѣе къ югу.

Для обоихъ послѣднихъ выводовъ мы находимъ въ таблицѣ среднихъ температуръ довольно доказательствъ. Въ Маточкиномъ Шарѣ съ марта по сентябрь теплота около 12 часовъ значительно выше, чѣмъ въ 2 часа. Въ лежащей гораздо южнѣе губѣ Каменкѣ теплота съ апрѣля по октябрь въ 2 часа выше, чѣмъ въ 12 часовъ, но наивысшая теплота прежде 2 часовъ. Въ февралѣ и мартѣ она даже почти совпадаетъ съ полуднемъ, такъ что онъ теплѣе, чѣмъ въ 2 часа. Точно такъ и Врангелемъ замѣчено, что на сѣверномъ берегу Сибири наибольшая теплота случается вскорѣ послѣ полудня. Напротивъ того въ Падуѣ и Лиѳѣ она бываетъ около 3 часовъ пополудни.

Еще опредѣлительнѣе оказывается изъ нижеслѣдующей таблицы среднихъ ежечасныхъ температуръ въ Бугіи, что тамъ наибольшая теплота дня бываетъ прежде 2 часовъ, хотя мѣста наблюденія были лишь немного выше 70′ сѣв. ш. Только въ іюлѣ мѣсяцѣ высшая степень теплоты, кажется, регулярно наступаетъ послѣ 2 часовъ.

Весьма разительно, что въ Карскихъ воротахъ наибольшая теплота была замѣчена въ январѣ около 4 часовъ пополудни, а въ ноябрѣ даже за 2 часа до полуночи. Въ Маточкиномъ же Шарѣ наибольшая теплота въ ноябрѣ падаетъ на 6 часовъ пополудни, въ декабрѣ между 10 часовъ вечера и полуночью, а въ январѣ между полуночью и 2 часами утра. Въ февралѣ мѣсяцѣ, правда, наибольшее согрѣваніе, производимое дѣйствіемъ солнца, бываетъ послѣ полудня, но тутъ очевидно, что нѣсколько часовъ до полуночи предшествовало меньшее согрѣваніе. Итакъ здѣсь, повидимому, зимою, независимо отъ солнца, дѣйствуетъ другая причина согрѣванія, вліяніе которой обнаруживается впослѣдствіи съ мѣсяца на мѣсяцъ. Какъ оба мѣста наблюденія лежатъ на проливахъ, то г. фонъ-Бэръ предполагалъ, не проходитъ ли тутъ во время ночи регулярно токъ воздуха изъ болѣе теплыхъ странъ. На этотъ конецъ онъ счелъ за нужное извлечь изъ наблюденій Росса среднія температуры всѣхъ отдѣльныхъ часовъ, чтобы узнать, не основанъ ли этотъ странный ходъ температуры зимою на мѣстныхъ обстоятельствахъ пунктовъ наблюденія. Нижеслѣдующая таблица подтвердила его догадку.

Суточный ходъ температуры въ Бутяи.

Часы.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
1 (13)	— 32°73	— 35°89	— 36°24	— 21°78	— 12°89	— 1°67	+ 2°80	+ 2°01	— 4°45	— 12°96	20°93	— 30° 4
2 (14)	— 32, 77	— 35, 98	— 36, 28	— 21, 84	— 12, 75	— 1, 62	+ 2, 99	+ 2, 11	— 4, 47	— 12, 88	— 21, 03	— 30, 48
3 (15)	— 32, 71	— 36, 00	— 36, 37	— 21, 95	— 12, 48	— 1, 44	+ 3, 05	+ 2, 19	— 4, 52	— 12, 92	— 21, 03	— 30, 55
4 (16)	— 32, 73	— 35, 98	— 36, 48	— 21, 82	— 11, 91	— 1, 08	+ 3, 42	+ 2, 41	— 4, 54	— 12, 93	— 21, 00	— 30, 40
5 (17)	— 32, 78	— 35, 98	— 37, 12	— 21, 60	— 11, 25	— 0, 52	+ 3, 95	+ 2, 44	— 4, 47	— 12, 98	— 21, 04	— 30, 34
6 (18)	— 32, 69	— 35, 95	— 37, 04	— 21, 09	— 10, 52	+ 0, 38	+ 4, 42	+ 2, 61	— 4, 38	— 12, 84	— 21, 12	30, 25
7 (19)	— 32, 68	— 35, 90	— 36, 25	— 20, 07	— 9, 70	+ 1, 80	+ 4, 87	+ 3, 01	— 4, 04	— 12, 76	— 21, 20	30, 16
8 (20)	— 32, 74	— 35, 88	— 35, 49	— 18, 77	— 9, 00	+ 2, 30	+ 5, 13	+ 3, 34	— 3, 58	— 12, 60	— 21, 24	— 30, 21
9 (21)	— 32, 64	— 35, 59	— 33, 91	— 17, 70	— 8, 00	+ 2, 12	+ 5, 59	+ 3, 87	— 3, 39	— 12, 15	— 21, 35	— 30, 26
10 (22)	— 32, 68	— 35, 41	— 32, 55	— 16, 76	— 7, 22	+ 2, 95	+ 6, 05	+ 4, 25	— 3, 14	— 12, 06	— 21, 20	30, 22
11 (23)	— 32, 57	— 35, 07	— 31, 37	— 16, 04	— 6, 52	+ 3, 54	+ 6, 50	+ 4, 69	— 2, 77	— 11, 80	— 21, 00	30, 19
Полдень	— 32, 62	— 34, 58	— 30, 29	— 15, 37	— 6, 27	+ 4, 09	+ 7, 02	+ 5, 02	2, 61	— 11, 69	— 20, 86	30, 18
1	— 32, 26	— 34, 19	— 29, 80	— 15, 18	— 5, 91	+ 4, 73	+ 7, 22	+ 5, 24	— 2, 43	11, 67	— 20, 91	— 30, 16
2	— 32, 41	— 34, 25	— 29, 91	— 15, 26	— 6, 07	+ 4, 53	+ 7, 41	+ 5, 32	— 2, 47	11, 84	— 21, 06	— 30, 14
3	— 32, 51	— 34, 72	— 30, 31	— 15, 55	— 6, 14	+ 4, 02	+ 7, 35	+ 5, 29	— 2, 58	— 12, 05	21, 26	— 30, 23
4	— 32, 50	35, 19	— 31, 18	— 16, 23	— 6, 69	+ 3, 62	+ 7, 24	+ 5, 21	— 2, 74	— 12, 25	— 21, 48	— 30, 34
5	— 32, 42	— 35, 57	— 32, 10	— 17, 29	— 7, 45	+ 2, 92	+ 6, 55	+ 4, 82	— 3, 15	— 12, 53	— 21, 63	30, 31
6	— 32, 43	— 35, 71	— 33, 45	— 18, 12	— 8, 16	+ 2, 27	+ 6, 15	+ 4, 43	— 3, 49	— 12, 74	— 21, 69	— 30, 35
7	— 32, 48	— 35, 99	— 34, 23	— 19, 10	— 8, 78	+ 1, 51	+ 5, 58	+ 4, 39	— 3, 82	12, 87	— 21, 73	— 30, 42
8	— 32, 56	— 36, 05	— 34, 66	— 19, 94	— 9, 48	+ 0, 79	+ 5, 07	+ 3, 97	— 4, 01	— 12, 83	— 21, 84	— 30, 51
9	— 32, 65	— 36, 26	— 35, 04	— 20, 75	— 10, 18	+ 0, 83	+ 4, 56	+ 3, 31	— 4, 24	— 12, 78	— 21, 65	30, 44
10	— 32, 59	— 36, 36	— 35, 35	— 21, 24	— 11, 01	— 0, 61	+ 3, 86	+ 2, 68	— 4, 27	— 12, 82	— 21, 75	— 30, 48
11	32, 57	— 36, 35	— 35, 63	— 21, 54	— 11, 38	— 0, 91	+ 3, 71	+ 2, 22	— 4, 35	— 12, 92	21, 77	— 30, 48
Полночь	32, 60	— 36, 38	— 35, 68	— 21, 78	— 11, 75	— 1, 30	+ 3, 21	+ 2, 07	— 4, 51	— 12, 88	— 21, 76	— 30, 46

5) Изъ сличенія всѣхъ трехъ таблицъ между собою явствуетъ, что чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ рѣшительнѣе самая низкая температура сутокъ бываетъ въ полночь или вскорѣ послѣ полуночи.

6) Наконецъ этими таблицами подтверждается догадка нѣкоторыхъ физиковъ, что начало сумерковъ производитъ дѣйствіе охладительное: а съ другой стороны солнце, и при незначительномъ стояніи подъ горизонтомъ уже дѣйствуетъ согрѣвательно.

По островской своей природѣ Новая Земля подвержена частымъ и крутымъ переходамъ отъ ведра къ ненастью. Туманы бываютъ тамъ такъ сильны, что и въ ближайшемъ отъ себя разстояніи нельзя распознавать предметовъ. Но зато въ ясное время прозрачность воздуха необыкновенная. По замѣчанію г. фонъ-Бэра въ совершенно ясные дни или часы воздухъ кажется какъ бы почти вовсе безцвѣтнымъ и такъ какъ путешественникъ видитъ горы передъ собою частію бѣлѣющимися отъ снѣга и отчасти состоящими изъ темнаго камня, еще болѣе мрачнаго отъ контраста съ бѣлизною вершинъ, то небольшая окраска, какую имѣетъ воздухъ, становится еще незамѣтнѣе. Горы кажутся совершенно близкими и можетъ быть еще болѣе тому, кто привыкъ видѣть ихъ въ другой воздушной средѣ.

Необыкновенной прозрачности воздуха соотвѣтствуетъ также чрезвычайная прозрачность воды. На счетъ этого капитанъ Литке сообщаетъ нѣкоторую положительную мѣру. Сомнѣваясь въ показаніи Вуда, будто у Новой Земли на глубинѣ 80 саженъ можно видѣть не только дно моря, но даже ракушки на немъ, потому что въ такомъ разстояніи невооруженный глазъ едва-ли усмотритъ ракушку, повѣшенную и на воздухѣ, капитанъ Литке удостовѣрился собственнымъ опытомъ въ томъ, что бѣлый кружокъ, привѣшенный къ лоту, продолжаетъ быть видимымъ до глубины 12 саженъ.

На Новой Землѣ, какъ и на глубокомъ сѣверѣ вообще, очень часто бываютъ видимы сѣверныя сіянія, называемыя у поморовъ сполохами: являясь особенно при безвѣтріи или тихомъ восточномъ вѣтрѣ, они обнимаютъ почти полгоризонта и простираются въ вышину до самого зенита. Они такъ ярки, что при свѣтѣ ихъ можно читать книгу.

Лѣтомъ и осенью бываютъ очень сильные и продолжительные дожди, наиболѣе при западныхъ вѣтрахъ: но нерѣдко въ эти времена года и весною выпадаетъ также снѣгъ, иногда дюйма на-три. Зимою же наноситъ сугробы снѣга до 5-ти саженъ вышиною, а на ровныхъ мѣстахъ не болѣе $^3/_4$ сажени. Въ половинѣ или исходѣ апрѣля снѣгъ начинаетъ осѣдать, т. е. мякнетъ и образуются снѣжные ручьи. Къ исходу мая на открытыхъ низменностяхъ уже не остается болѣе слѣдовъ снѣга и начинаетъ появляться трава. Рѣки освобождаются отъ льда въ исходѣ іюня, а закрытые заливы въ іюлѣ; но многіе изъ нихъ остаются подъ льдомъ во все продолженіе лѣта.

ГЛАВА V.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ НОВОЙ ЗЕМЛИ [1].

Растительный міръ Новой Земли, вслѣдствіе каменистой ея почвы и незначительной лѣтней теплоты, имѣетъ своеобразный характеръ.

Первое, что поражаетъ путешественника, особенно переносящагося сюда изъ Лапландіи [2], — это отсутствіе тундры. Здѣсь онъ не встрѣчаетъ ни одного изъ ея видовъ ни сухой, ни мокрой [3]. Правда, попадаются мѣста, гдѣ нога увязаетъ въ землѣ, но это или вязкая.

[1]) Bulletin Scientifique de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg, T. III, стр. 132 и сл.

[2]) Лапландія, по описанію г. фонъ-Бэра, преимущественно страна лишаевъ и мховъ. Посѣтивъ въ началѣ іюля мѣсяца южный ея берегъ близъ Пялицы подъ 66°10′ с. широты, онъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него видомъ отлогаго косогора, возвышавшагося отъ морскаго берега до 80—120 футовъ и обращеннаго къ югу, слѣдующими словами: «передъ нами растилалось, куда ни доходили взоры, цѣлое море лишаевъ, не многочисленныхъ въ отношеніи къ породамъ, но безчисленныхъ по количеству недѣлимыхъ, и, казалось, что они готовились вскорѣ вытѣснить собою даже явноцвѣтныя растенія, между ними водворившіяся. Даже самый можжевельникъ, свидѣтельствующій у насъ о тощей почвѣ, имѣлъ здѣсь какой-то болѣзненный изжелта зеленый видъ. Отдѣльные, тамъ и сямъ разбросанные, зеленые кругловатые кусты, оказывались, по ближайшемъ разсмотрѣніи, приземистыми березами, которыхъ ширина иногда втрое превышала вышину... Тамъ, гдѣ почва высыхаетъ въ продолженіе лѣта, раждаются лишаи, гдѣ же она остается влажною,— мхи, и наоборотъ, кажется, что оболочка лишаевъ еще болѣе изсушаетъ почву, образуя родъ сухаго торфа, а оболочка мховъ какъ будто бы болѣе сохраняла въ ней влажность. По словамъ Валенберга, лишаистая почва лѣтомъ разгорячается до того, что едва не опаляетъ ноги странника. Мнѣ очевидно казалось, будто бы лишаи и мхи состоятъ въ непрерывной и всегда побѣдоносной борьбѣ съ прочею растительностію, какъ бы два племени, осѣдлыя въ одной и той же странѣ, но изъ которыхъ одно имѣетъ болѣе средствъ къ существованію, и оттого другое, оскудѣвая мало по малу, наконецъ вовсе вымираетъ».

[3]) Финскія племена обыкновенно называютъ тунтурами пустыни, поросшія лишаями; но вообще словомъ «тундра» обозначаются безлѣсныя пространства, покрытыя на глубокомъ сѣверѣ не травою, а тайно-

темнаго цвѣта, глина, образовавшаяся изъ разложенія утесовъ и лишь недавно скомкавшаяся, или уже изстари составившіяся подобнаго же рода примыванія у подножія такихъ горъ, которыя по малому своему склону, даютъ только медленно стекать безпрестанно прибывающей къ нимъ снѣжной и дождевой водѣ и покрыты болѣе желтоватыми, нежели зелеными полузлаками (Cyperaceae) и скуднымъ мхомъ. Сколько они ни мочатъ ноги странника, однако смѣло можно ходить по нимъ, потому что въ большой глубинѣ подъ ними кроется твердый грунтъ.

Вообще Новая Земля можетъ почесться какъ бы только зачаткомъ образованія органической коры. Нигдѣ не видно связнаго травянаго ковра, который заслуживалъ бы названіе луга [1]), даже не усмотришь связнаго мшистаго ковра. Самые листообразные лишаи лишь скудно преуспѣваютъ, далеко уступая той пышной роскоши, съ которою они являются въ Лапландіи. Только коробразные лишаи покрываютъ собою всякій утесъ авгитоваго порфира долгого, что онъ кажется какъ бы пестрымъ. Менѣе испещрена ими известь. На сланцахъ же этотъ покровъ рѣдко бываетъ виденъ, можетъ быть оттого, что пораженныя имъ плоскости легко отпадаютъ. Одно только, что здѣсь еще напоминаетъ лапландскія тундры, это связный поблекшій дернъ, составленный изъ Dryas octopetala и устилающій собою сухіе склоны горъ, образовавшіеся изъ каменнаго щебня. Это единственное на Новой Землѣ растеніе, составляющее плотныя густыя массы. Что здѣсь нѣтъ вереска (Calluna), налагающаго свою печать на безплодныя пространства Средней Европы, это не мудрено, потому что онъ не изобилуетъ уже и въ Русской Лапландіи: но что Новая Земля лишена и печальной красы лапландскихъ высотъ — Сцыхи или Шикши (Empetrum nigrum), Arbutus alpina и болѣе привлекательнаго украшенія Azalea procumbens, Diapensia lapponica и даже березоваго ерника (Betula nana), это поразительно. Недостаетъ также багульника, морошки, Cornus suecica, столь обыкновенныхъ въ Лапландіи. Но это происходитъ оттого, что здѣшняя почва никогда не достигаетъ до образованія торфа. Отличительный характеръ новоземельскихъ пустынь —

цвѣтными растеніями, или лишаями, или мхами, особенно Sphagnum и Polytrichum. Итакъ можно различать сухія тундры отъ мокрыхъ. Но сухая тундра пронизывается полосами мокрой тундры, потому что вездѣ, гдѣ ни стекаетъ снѣжная вода, взрывая и размягчая собою почву, мшистая трясина, въ которой увязаетъ странникъ иногда по самое колѣно и гдѣ нѣтъ почти другихъ растеній кромѣ осоки и морошки, перемежается съ сухою почвою лишаевъ.

[1]) Г-ну Бэру сказывали, что плоская страна, называемая Гусиною Землею, покрыта длинною, густою травою, и онъ считаетъ это не невозможнымъ, потому что и Скоресби въ восточной Гренландіи находилъ подъ 70°28′ широты луга, не хуже англійскихъ. Г. Бэръ заключаетъ изъ этого, что Гусиная Земля есть передовой край, или, такъ сказать, припаекъ, въ который вода приноситъ съ собою мельчайшіе обломки вывѣтрившихся скалъ съ какой нибудь болѣе отдаленной вышины. Онъ замѣчаетъ впрочемъ, что послѣ долговременнаго пребыванія въ пустынной странѣ, путешественникъ готовъ высоко оцѣнить каждый, и даже малѣйшій, слѣдъ жизни. Такъ, жадно ища зеленѣющихся мѣстъ, онъ на Новой Землѣ привыкъ считать зеленымъ всякую бурую или даже отступающую отъ обыкновеннаго вида поверхность земли. Только, увидавъ снова отлогости «Трехъ Острововъ», онъ узналъ, что они дѣйствительно зелены. Лапландія сдѣлалась въ его глазахъ страною юга.

отсутствіе растительности, если не считать сюда вовсе порознь встрѣчающихся недѣлимыхъ изъ рода Draba, который нигдѣ не заслуживаетъ нѣмецкаго своего названія Hungerblümchen (голодныхъ цвѣточковъ) болѣе чѣмъ здѣсь.

Обыкновенно называютъ почву Бразиліи и вообще тѣхъ странъ, куда еще не проникли плугъ и заступъ, дѣвственною, хотя густая масса деревъ, переплетенныхъ между собою ліанами и толстый слой перегноя не слишкомъ свидѣтельствуютъ объ этой дѣвственности. Но, допустивъ это названіе, надобно согласиться, что почва Новой Земли находится еще даже не въ состояніи дѣтства, а развѣ лишь на степени зародыша. Отдѣльные періоды этого состоянія разбросаны въ разныхъ пунктахъ.

Обыкновенно утесъ на Новой Землѣ или вовсе не покрытъ ни чѣмъ, или засыпанъ собственными своими развалинами, между которыми и мелкія, прежде распавшіяся части образуютъ грубую смѣсь земли и каменьковъ, родъ хрящца или каменнаго щебня. За исключеніемъ сланца, утесы, какъ уже выше замѣчено, покрыты коробразными линаями. Какъ на снѣговой линіи Шимборассо, по свидѣтельству Гумбольдта, такъ и здѣсь всего обыкновеннѣе водится Verrucaria geographica. Это придаетъ странѣ особенно пестрый видъ. Лишь весьма медленно эта растительная кора снѣдаетъ камень, потому что сколько холодъ и другія разрушительныя вліянія ни расщепляютъ утеса на отдѣльныя груды, плоскости разсѣлинъ еще продолжаютъ существовать очень долго. Такимъ образомъ, горы авгитоваго порфира, возвышающіяся по обѣимъ сторонамъ рѣки Нехватовой, куда ни бросишь взоръ, расщелены по всѣмъ направленіямъ до такой степени, что видны только огромныя кучи взгроможденныхъ, разной величины, утесистыхъ обломковъ. Но эти груды разнствовали отъ другихъ, замѣченныхъ г. Бэромъ въ среднихъ широтахъ, тѣмъ, что на нихъ еще вездѣ явственно видны были плоскости и рѣзкія грани. Казалось, что изъ нихъ еще легко можно было бы сложить цѣлый утесъ. Кромѣ коробразныхъ лишаевъ и немногихъ стебельныхъ, (какъ то Stereocaulon paschale), на этихъ грудахъ развалинъ не преуспѣваетъ почти ничего. Только отдѣльно и изрѣдка попадается Cochlearia, Papaver nudicaule или какое либо другое растеніе каменистыхъ странъ, тамъ, гдѣ накопилось нѣсколько болѣе пыли лишаевъ или съ поверхности утеса.

Вывѣтрившіеся камни или, такъ сказать, горный щебень изобильнѣе растительностію, особенно въ такихъ мѣстахъ, которыя не заваливаются безпрестанно новымъ щебнемъ съ горъ и гдѣ умельченіе его совершилось успѣшнѣе. Въ такихъ мѣстахъ особенно встрѣчаются растенія, разстилающіяся въ видѣ дерна, потому что стебли развѣтвляются на чрезвычайное множество короткихъ, стелющихся по землѣ, вѣтвей, которыя всѣ исходили отъ одного общаго обыкновенно тонкаго корня, какъ у Silene acaulis, Saxifraga oppositifolia, Arenaria rubella (quadrivalvis R. Brown), плодъ которой однако состоитъ не изъ четырехъ створокъ, а только изъ трехъ. Между ними растутъ Draba alpina, androsacea, micropetala, hirta, muricella, Arenaria ciliata, Myosotis villosa, Dryas octopetala. Тамъ, гдѣ обозначенная смѣсь сильно промывается стекающею съ горъ снѣжною водою, въ глубочайшихъ оврагахъ собирается темная глина, особенно въ случаѣ, когда глинистый сланецъ образуетъ главную составную часть смѣси. Если эта глина такъ расположена, что можетъ высохнуть лѣтомъ, то

она лопается и посредствомъ трещинъ отъ 1-го до 3-хъ дюймовъ шириною дѣлится на большое число многоугольниковъ [1]).

Такія рытвины способны къ развитію болѣе обильной растительности, но только исподоволь. Тамъ, гдѣ образованіе еще ново, черные многоугольники у ногъ вашихъ похожи на какія то мистическія фигуры и въ разстояніи одинъ отъ другаго не болѣе нѣсколькихъ саженъ попадаются отдѣльные экземпляры Platypetalum purpurescens, Saxifraga aizoides, Saxifraga Hirculus, Draba alpina и др. Но мало по малу въ бороздахъ собираются мхи и самые многоугольники заростаютъ нѣсколько болѣе. Мохъ съ своей стороны служитъ пріютомъ для другихъ растеній, такъ напр. только въ немъ и попадается полярная ива (Salix polaris), самый обыкновенный изъ здѣшнихъ кустарниковъ, но вмѣстѣ и самый короткій, потому что каждая его вѣточка выказываетъ изъ-подъ прикрывающаго ее мха не болѣе двухъ листочковъ и одной сережки. Къ этому мху вскорѣ еще присоединяются пухоносцы (Eriophorum capitatum и другіе виды). Растительность въ бороздахъ долго еще остается различною отъ той, которая возникла на сомкнутыхъ многоугольникахъ, подвигаясь впрочемъ впередъ нѣсколько быстрѣе, чѣмъ на нихъ, такъ что видны мѣста, прошизанныя буровато зелеными линіями. Изъ числа растеній, стоящихъ на многоугольникахъ, многія дернообразны и ежегодно изъ каждаго сучечка выпускаютъ нѣсколько листочковъ съ цвѣткомъ или безъ него, которые затѣмъ по прошествіи года идутъ на удобреніе почвы. Но и на эти скудные дары природа здѣсь очень скупа, потому что только самые нѣжные листья истлѣваютъ осенью того самаго года, когда они родились. У большей же части здѣшнихъ растеній листья только высыхаютъ отъ испаренія въ нихъ влаги, и весь листокъ, поблекши, остается на своемъ мѣстѣ. На иныхъ, какъ то Saxifraga caespitosa (groenlandica) видны такимъ образомъ листья нѣсколькихъ годовъ вмѣстѣ и только послѣдняго года зеленые. Эти изсохшія муміи листьевъ правда наконецъ также переходятъ въ глѣніе, но отрываемыя и уносимыя вѣтромъ, они рѣдко достаются въ удѣлъ той почвѣ, которая произвела ихъ.

Такъ здѣсь перегной по большей части умножается только чрезвычайно медленно, и Новая Земля казалась бы еще гораздо обнаженнѣе, если бы она не имѣла многихъ растеній, которыя, повидимому, вовсе не нуждаются въ перегноѣ, а развѣ только въ щебнѣ или въ трещинѣ скалы, гдѣ собиралось бы нѣсколько влаги: въ такихъ мѣстахъ растутъ Rhodiola rosea, Erigeron uniflorum и какое нибудь Vaccinium, которое укрываясь со всѣмъ своимъ деревянистымъ стволомъ въ самой тѣсной разсѣлинѣ, обнаруживаетъ только свои листья, или альпійскій макъ (Papaver nudicaule), который, гнѣздясь одиноко между обломками скалъ и щебнемъ, погибаетъ отъ натиска другихъ растеній, или снѣжный лютикъ (Ranunculus nivalis), который для своего питанія требуетъ только снѣжной воды и уже находится въ полномъ

[1]) Нѣчто подобное этому замѣтилъ, кажется, Скоресби и на Шпицбергенѣ. Онъ говоритъ, что почва иногда имѣетъ тамъ видъ, какъ будто бы она раздѣлена на пчелиныя ячейки. Онъ правда употребляетъ слово ridges, которое означаетъ возвышенные гребни, но непонятно, откуда на мягкой почвѣ, гдѣ глубоко увязаетъ нога странника, могли взяться такіе гребни. (Acc. I, стр. 120.)

цвѣтѣ, когда земля подъ нимъ еще не согрѣта свыше одного градуса. Почти также умѣренъ въ своихъ потребностяхъ круглолистный щавель (Oxyria reniformis).

Но и на Новой Землѣ имѣются урочища, гдѣ флора, по видимому, расточила всю свою роскошь красокъ по землѣ, потому что эти нѣжные, живо окрашенные, цвѣтки возвышаются надъ ея поверхностью не болѣе нѣсколькихъ дюймовъ, или даже касаются ея непосредственно. Таково было первое мѣсто, куда ступилъ г. Бэръ по прибытіи своемъ на Новую Землю, а именно при подошвѣ высокой сланцовой горы, обращенной къ югозападу и озаренной лучами солнца. Тутъ были перемѣшаны между собою площадки, густо усаженныя багровыми цвѣтками Silene acaulis и Saxifraga oppositifolia и дернъ, усѣянный лазуревыми звѣздочками Myosotis villosa, и золотистые лютики, и Draba alpina, и персикоцвѣтные Parryae, и бѣлые цвѣты Cerastium, и голубые Polemonium и простыя, но здѣсь по причинѣ скудости листвія еще болѣе миловидныя незабудки, и все это вмѣстѣ производило впечатлѣніе пестраго ковра, или, вѣрнѣе сказать, разведеннаго въ этомъ льдистомъ краю искусною рукою сада. Прельщенный новизною этого зрѣлища, естествоиспытатель долго не могъ дать себѣ отчета, почему это мѣсто дѣлало на него впечатлѣніе тщательно, какъ бы рукою садовника, устроенной гряды цвѣтковъ, пока наконецъ не нашелъ тому причину именно въ скудости здѣшняго растительнаго царства. Растенія имѣли характеръ очевидно альпійскій и даже были отчасти тѣ же самыя, которыя онъ видѣлъ на австрійскихъ и зальцбургскихъ Альпахъ. Но на этихъ Альпахъ растенія одного рода попадаются болѣе совокупными массами. Эти Saxifragae, эти Gentianae, эта Primula farinosa долгого преобладаютъ на обширныхъ пространствахъ, которыя онѣ впрочемъ занимаютъ не сплошь, что эти участки земли издалека имѣютъ видъ какъ бы большихъ пестрыхъ ковровъ. На Новой же Землѣ цвѣтки перемѣшаны между собою почти равномѣрно: каждый имѣетъ подлѣ себя чужихъ сосѣдей. Впрочемъ они въ той формѣ растительности, о которой здѣсь идетъ рѣчь, довольно далеко отстоятъ одинъ отъ другаго, чтобы можно было всюду видѣть между ними почву. Эта-то самая нагота земли, этотъ недостатокъ въ изобиліи растительности, а особенно въ злакахъ и другихъ растеніяхъ многолиственныхъ, но малоцвѣтныхъ, т: е: именно недостатокъ въ томъ, что въ просторѣчіи называется негодною травою, дѣлаетъ то, что такія мѣста у подошвы горъ производятъ впечатлѣніе тщательно содержимыхъ цвѣточныхъ грядъ. Двудольныя растенія глубокаго сѣвера, такъ же, какъ и на Альпахъ развиваютъ лишь столько листьевъ, сколько нужно для того, чтобы возвысить впечатлѣніе смѣси красокъ, и если смотрѣть на нихъ сверху, то они часто являютъ болѣе цвѣтковъ, нежели листьевъ. И самое разнообразіе или пестрое смѣшеніе цвѣтковъ, есть какъ бы только слѣдствіе слабой растительности, а именно того, что лишь у немногихъ растеній плоды достигаютъ до совершенной зрѣлости. Оттого-то растеніе, непоставленное въ особенно благопріятныя обстоятельства, мало способно къ наполненію окружающей его пустой мѣстности своимъ потомствомъ. Но если зародыши, по крайней мѣрѣ большею частью, приходятъ издалека, то они весьма пестро перемѣшиваются между собою. Такъ на вышеупомянутомъ урочищѣ г. Бэръ, въ самое первое свое бѣглое посѣщеніе, нашелъ уже тридцать разныхъ видовъ, а во второе еще двѣнадцать.--

итакъ на прогулкѣ съ полверсты почти половину всей Новоземельской флоры вмѣстѣ соединенною.

Наконецъ есть на Новой Землѣ отборныя мѣстности, гдѣ почва дѣйствительно совершенно покрыта довольно густою растительностію, но такіе участки земли не обширны. Для этого требуется стеченія особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя въ продолженіе вѣковъ накопили бы здѣсь запасъ перегноя. Такъ вездѣ, гдѣ сланецъ пронизанъ известнякомъ, образующимъ небольшіе куполы или гребни, на протяженіи нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ, раскинута тѣсная растительность. Причина этому то, что выдающаяся вершина утеса болѣе согрѣвается солнцемъ, и что вывѣтривающійся известнякъ болѣе благопріятствуетъ растительности, чѣмъ сланецъ, а отчасти и то, что въ такихъ мѣстахъ особенно сбираются пеструшки (Lemmus), которыя разрыхляютъ и унавоживаютъ почву, но, слѣдуя какому то естественному побужденію, кажется, не ищутъ своей пищи вблизи. Кромѣ этихъ небольшихъ оазъ около горныхъ вершинъ, есть еще тамъ и сямъ довольно густо поросшія пространства, но все только такія, которыя особенно облагопріятствованы склономъ почвы и вслѣдствіе того болѣе согрѣваются лучами солнца, или же такія, гдѣ успѣшнѣе разлагаются составныя части земли. Но и на этихъ мѣстахъ замѣтно большое разнообразіе растеній. Они по преимуществу состоятъ изъ двудольныхъ, изъ нихъ лютики (за исключеніемъ Ranunculus nivalis) почти только сосредоточены въ этихъ тучныхъ мѣстахъ, породы же Draba, напротивъ того, отсюда вытѣснены. Общее отличіе этихъ урочищъ состоитъ въ томъ, что они раньше другихъ освобождаются отъ покрывающаго ихъ снѣга и что снѣжная вода, стекающая съ высотъ въ продолженіе всего лѣта и сохраняющая въ почвѣ холодъ, не достигаетъ ихъ, а уклоняется въ сторону.

Скудная растительность Новой Земли естественно объясняется ея климатомъ. Если съ одной стороны справедливо то, что зимній холодъ здѣсь умѣряется близостью моря и оттого морозы не бываютъ такъ жестоки, какъ можно было бы полагать по географической широтѣ острова, то съ другой, по наблюденіямъ Пахтусова, лѣтняя теплота меньше, чѣмъ въ какомъ либо иномъ краю, въ которомъ она была измѣрена, исключая развѣ Зимній островъ и островъ Ингдуликъ между Гудсоновымъ и Баффиновымъ заливами и тому подобные острова, даже меньше нежели на Шпицбергенѣ, сколько можно судить изъ наблюденій Скоресбія, и теплѣйшій мѣсяцъ на Новой Землѣ развиваетъ лишь столько теплоты, какъ октябрь въ Дронтгеймѣ, декабрь въ Единбургѣ и январь въ средней Франціи [1]).

Здѣсь возникаетъ вопросъ, какія же растенія еще могутъ преуспѣвать при столь низкой температурѣ. На этотъ вопросъ г. фонъ Бэръ отвѣчаетъ: только такія, которымъ свой-

[1]) Въ дневникѣ Пахтусова (Записки Гидрогр. Департ. Ч. I, 1842, стр. 162) противъ 31 іюля 1833 г. сказано: «Эти два дни 30 и 31 заключили полярное лѣто прекрасною теплою погодою; термометръ Реомюра въ тѣни возвышался до + 6°, и даже до 6¾°. Это самая высокая температура воздуха въ продолженіи лучшаго лѣтняго мѣсяца; обыкновенно же бывало до + 2°, а къ полуночи не рѣдко опускалась ртуть на точку замерзанія». Но въ другомъ мѣстѣ (тѣже Записки Ч. II, 1844, стр. 92) въ общемъ выводѣ результатовъ экспедиціи Пахтусова 1834—1835 годовъ говорится: «лѣтомъ на солнцѣ было + 27°, въ тѣни до + 12°.

ственна кратковременная живучесть, — такія, которыя цвѣли бы у насъ въ самомъ началѣ весны. Впрочемъ нашъ знаменитый естествоиспытатель возстаетъ противъ общераспространеннаго мнѣнія, будто глубокій сѣверъ ускоряетъ растительность, потому что тамъ дни очень длинны, а еще далѣе къ сѣверу солнце вовсе не заходитъ по цѣлымъ недѣлямъ [1]). По его мнѣнію, растительность—химическій процессъ, зависимый отъ количества дѣйствующей на него теплоты, а это количество на глубокомъ сѣверѣ гораздо меньше, чѣмъ въ среднихъ широтахъ. На дальнемъ сѣверѣ могутъ успѣвать лишь такія растенія, которыя по самой своей природѣ кончаютъ ежегодное приростаніе, только въ самое короткое время, но этотъ краткій срокъ для развитія тамъ гораздо продолжительнѣе, чѣмъ на югѣ. Г. ф. Бэръ во время трехнедѣльнаго своего пребыванія на одномъ мѣстѣ нашелъ успѣхъ растительности гораздо меньшимъ, чѣмъ онъ привыкъ видѣть его въ низшихъ широтахъ. Но чтобы найти болѣе точную мѣру для хода растительности на сѣверѣ, онъ, передъ отбытіемъ своимъ изъ С.-Петербурга велъ не только дневникъ распусканію листьевъ и цвѣтковъ въ окрестностяхъ столицы, но посѣялъ еще растеніе, преуспѣвающее во всѣхъ климатахъ, и отмѣчалъ ходъ ежедневнаго его развитія въ С.-Петербургѣ. Онъ выбралъ на то обыкновенный кресс. Сѣмена этого же растенія онъ посѣялъ, по прибытіи въ срединѣ іюля въ Маточкинъ Шаръ. Вмѣсто того, чтобы расти скорѣе, оно росло втрое медленнѣе, чѣмъ въ С.-Петербургѣ въ маѣ мѣсяцѣ, и въ четыре недѣли не дошло даже до развитія второй пары своихъ листьевъ.

Другой и можетъ быть еще вѣрнѣйшій масштабъ даютъ самыя растенія Новой-Земли. Изъ числа ихъ десятая часть породъ водится и въ С.-Петербургѣ. Но у насъ они всѣ цвѣтутъ весною и по большей части весьма рано; всѣхъ позднѣе незабудка. На Новой же Землѣ она на самыхъ благопріятныхъ мѣстахъ, не доходитъ до распусканія всѣхъ своихъ цвѣтковъ, а еще менѣе до созрѣванія плода. Золотянка (Chrysosplenium alternifolium), уже отцвѣтшая у насъ при отбытіи г. Бэра изъ С.-Петербурга, на Новой Землѣ только лишь цвѣла, когда онъ оставилъ эту страну въ послѣднее число августа мѣсяца [2]), а узколиственный пухоносецъ (Eriophorum angustifolium), который передъ отъѣздомъ экспедиціи изъ С.-Петербурга уже былъ въ пуху, на Новой Землѣ нигдѣ не найденъ былъ пушистымъ. Онъ только что начиналъ цвѣсти. Eriophorum vaginatum, коего пухъ распускается еще гораздо раньше, г. Бэръ во все свое путешествіе, даже въ Лапландіи, находилъ съ развившимся пухомъ: на Новой же Землѣ онъ видѣлъ его гораздо позже отчасти цвѣтущимъ, отчасти съ едва лишь распускающимся пухомъ. Также изъ числа собственно арктическихъ растеній, недоходящихъ до насъ, многія на Новой Землѣ весьма рѣдко, или только въ благопріятныхъ мѣстахъ, доходятъ до развитія зрѣлыхъ сѣмянъ, да и самое это созрѣваніе тамъ, гдѣ оно воспослѣдо-

---

[1]) Даже самый лучшій знатокъ глубокаго сѣвера, Скоресби, именно говоритъ о Шпицбергенѣ, что растительность развивается тамъ необыкновенно быстро (It may be remarked, that vegetation goes on uncommonly quickly in this country). Account I. p. 148.

[2]) Впрочемъ она около Маточкина Шара въ мѣстахъ, не всегда орошаемыхъ снѣжною водою, уже въ исходѣ іюля достигла до такой степени развитія, какъ у насъ въ срединѣ мая и распустилась гораздо болѣе, чѣмъ въ болотныхъ мѣстахъ при р. Нехватовой въ исходѣ августа.

вало, кажется, по большей части довершается только подъ снѣгомъ. За немногими только исключеніями, къ числу которыхъ принадлежатъ Dryas octopetala и Silene acaulis, г. Бэръ, при наступленіи зимы почти нигдѣ не находилъ совершенно зрѣлыхъ сѣмянъ. Впрочемъ плоды родовъ Draba, Platypetalum, Ranunculus, многихъ Saxifragae и Arenariae, Caltha palustris, Eriophorum caespitosum и capitatum, Polygonum viviparum, Myosotis villosa (по стѣнамъ утесовъ) были дотого развиты, что немного недоставало для полной ихъ зрѣлости. Дальше отстала Eutrema Edwarsii. Также у часто попадающихся Polemonium Richadsonii, Lychnis apetala плоды иногда могутъ созрѣвать подъ снѣгомъ. Но непонятно, какъ другія растенія, еще только начинавшія цвѣсти послѣ средины августа, могутъ приносить зрѣлыя сѣмяна, какъ то: Polemonium coeruleum, Valeriana capitata и пр. Можетъ быть всѣ недѣлимыя этихъ растеній только занесенные сюда переселенцы, которые ежегодно начинаютъ цвѣсти, и наконецъ должны гибнуть безъ всякаго потомства, или лишь мѣстами то или другое недѣлимое, стоящее у согрѣтой скалы, еще доходитъ до зрѣлости. Но есть наконецъ и такія растенія, о которыхъ надобно полагать, что они никогда не достигаютъ до развитія цвѣтка и только проводятъ свою жизнь въ образованіи листьевъ, какъ то Tussilago frigida, Salix Brayi и единственное здѣсь попадающееся Vaccinium. На нихъ г. Бэръ никогда не видѣлъ и слѣдовъ цвѣтка или плода. Они впрочемъ довольно рѣдки и какъ бы свидѣтельствуютъ, что растительный міръ Новой Земли пополняется переселеніемъ изъ сосѣдства. Кто самъ не видалъ страны, тотъ безъ сомнѣнія подумаетъ, что итогъ ежегодныхъ переселеній, будь ли то сѣменами или корнями, долженъ быть ничтоженъ въ сравненіи съ итогомъ туземнаго осѣмененія, — но кто посѣтилъ этотъ край, тотъ находитъ не безъ удивленія, что при одинаковомъ, повидимому, свойствѣ почвы, морской берегъ вообще обильнѣе покрытъ растеніями, чѣмъ болѣе отдаленныя отъ него страны, и тѣ изъ береговыхъ полосъ, передъ которыми лежатъ острова, менѣе обильны, чѣмъ тѣ, передъ которыми нѣтъ острововъ. Ледъ очевидно служитъ наилучшимъ перевознымъ судномъ для этихъ переселеній и этимъ-то вѣроятно объясняется, что та часть береговъ Карскаго моря, которую видѣлъ г. Бэръ, обильнѣе растительностію, чѣмъ можно было ожидать, судя по низкой ихъ температурѣ.

Леопольдъ фонъ Бухъ доказалъ, что отличительный характеръ островской флоры составляетъ большее разнообразіе формъ относительно къ ея количеству. Вышепоказанная пестрая смѣсь недѣлимыхъ разнаго рода, обнаруживающаяся во всѣхъ формахъ растительности Новой Земли, почти безъ исключенія, есть только высшее развитіе этого закона и какъ бы свидѣтельствуетъ о томъ, что въ этихъ широтахъ, вслѣдствіе скудной собственной производительности, вліяніе переселенія бываетъ продолжительнѣе.

Г. фонъ-Бэръ полагалъ, что по крайней мѣрѣ мхи на Новой Землѣ не такъ скупы на плоды, но и ихъ онъ вообще встрѣчалъ здѣсь только изрѣдка съ плодами. Единственный папоротникъ, который онъ видѣлъ (Woodsia ilvensis) распустилъ свои листья не прежде, какъ уже нѣсколько дней послѣ покрытія равнины снѣгомъ. Но, находясь въ укромномъ мѣстѣ, въ разсѣлинѣ скалы, согрѣваемой лучами солнца, онъ продолжаетъ расти и по наступленіи зимы, а посему г. Бэръ не отрицаетъ возможности созрѣванія его плодовъ, если

онъ только менѣе чувствителенъ къ холоду (который долженъ постигнуть его при облачномъ небѣ), чѣмъ другіе папоротники. Единственный хвощъ (Equisetum), который здѣсь попадается нѣсколько чаще, вовсе не показывалъ и попытки къ образованію плода.

И безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія легко можно понять, что вся растительность Новой Земли носитъ характеръ альпійской, и даже отчасти высокоальпійской флоры,—флоры снѣжной границы. Изъ всѣхъ растеній, общихъ Новой Землѣ съ Лапландіею, только весьма мало такихъ, коихъ верхнюю границу Валенбергъ въ своей таблицѣ помѣщаетъ въ область нижнихъ Альповъ «Alpes inferiores», (Draba muricella, Salix lanata, Tussilago frigida): наибольшая же часть имѣетъ высшій предѣлъ распространенія въ верхнихъ Альпахъ или въ области вѣчнаго снѣга и почти всѣ лапландскія растенія, коихъ нижнюю границу Валенбергъ находитъ уже на высшихъ Альпахъ (Ranunculus nivalis, Draba alpina, Saxifraga nivalis, Luzula arctica, Pedicularis hirsuta et flammea) на Новой Землѣ попадаются въ равнинѣ. Если бы у насъ были подобные обзоры растительности, смотря по высотѣ, изъ Урала, то можно было бы еще далѣе продолжать сличеніе, потому что, судя по наблюденіямъ г. Шренка, флора Новой Земли еще болѣе сходствуетъ съ флорою сѣвернаго Урала, чѣмъ съ лапландскою. Г. фонъ-Бэръ замѣчаетъ еще по этому поводу, что вся флора Шпицбергена, въ той мѣрѣ, какъ она извѣстна изъ коллекцій Скоресби (опредѣленныхъ Робертомъ Броуномъ и Гукеромъ), почти безъ исключенія найдена на Новой Землѣ, но что сюда переселились иныя растенія, которыя дотолѣ были находимы только въ Сѣверной Америкѣ.

Преуспѣваніе въ равнинѣ такихъ растеній, которыхъ верхнюю границу Валенбергъ помѣщаетъ близъ самой снѣжной границы, или даже выше ея, какъ-то: Saxifraga oppositifolia, Silene acaulis, Ranunculus nivalis, Oxyria reniformis, Ranunculus pygmaeus, Dryas octopetala, Peltidea crocea, Cerastium alpinum, Erigeron uniflorum, навело г. фонъ-Бэра на вопросъ, какъ высоко лежитъ на Новой Землѣ снѣжная граница. Не опуская его изъ виду во все свое тамъ пребываніе, онъ оставилъ страну съ полнымъ убѣжденіемъ, что совершенно невозможно указать для нея общую границу снѣговъ, потому что вліяніе мѣстностей относительно къ какому либо нормальному уменьшенію температуры въ вышину такъ огромно, что развѣ только для каждаго отдѣльнаго пункта можно найти относительную или дѣйствительную снѣжную границу.

Предоставляя себѣ подробнѣе распространиться объ этомъ предметѣ въ другомъ мѣстѣ, г. фонъ-Бэръ покамѣстъ довольствуется только нѣкоторыми замѣчаніями о снѣгѣ на Новой Землѣ.

Не смотря на еще низкую температуру воздуха, въ исходѣ іюля уже весь снѣгъ исчезаетъ въ равнинѣ. На Гусиной землѣ, которая отличается своею плоскостью, г. Бэръ въ серединѣ іюля, мимоѣздомъ, еще видѣлъ снѣгъ на большомъ протяженіи; 6-го же августа, снова плывя мимо ея, не нашелъ уже ни слѣдовъ снѣга. Но за всѣмъ тѣмъ Новая Земля хранитъ еще огромное количество вѣчнаго снѣга, и не только на горахъ или между ними, но и на уровнѣ моря. Если какая нибудь выемка берега такъ расположена, что вѣтромъ навѣваетъ

туда много снѣгу, то кратковременное лѣто не въ состояніи растопить эту массу. Такъ г. Бэръ еще въ исходѣ августа, когда уже вновь наступала зима, видѣлъ въ Костиномъ Шарѣ, на такомъ пунктѣ, который можно было считать самымъ теплымъ, подлѣ самаго берега снѣжные бугры, расщеленные словно какъ утесы. А тѣмъ болѣе на высокихъ горахъ въ каждой полости остается прочный снѣгъ, и если горный кряжъ только замѣтнымъ образомъ изгибается въ своемъ протяженіи, то количество вѣчнаго снѣга въ этомъ изгибѣ огромно, будь ли кривизна направлена къ сѣверу, или къ югу. Такое накопленіе снѣга очень замѣтно охлаждаетъ всю окрестность и производитъ то, что и тамъ долѣе держится снѣгъ. Такъ, плывя чрезъ Маточкинъ Шаръ, г. фонъ-Бэръ замѣтилъ, что термометръ каждый разъ падалъ на 1 или 2 градуса, когда путь шелъ мимо какихъ либо значительныхъ снѣжныхъ заваловъ. Протяженіе ихъ иногда простирается на нѣсколько верстъ, а вышина можетъ доходить до нѣсколькихъ тысячъ футовъ, потому что есть снѣжныя массы, простирающіяся съ вершины горъ до разстоянія немногихъ саженъ отъ уровня моря. Съ другой стороны есть склоны горъ болѣе 3000 футовъ вышиною, гдѣ кромѣ тѣсныхъ ущелій уже въ іюлѣ мѣсяцѣ вовсе не видно снѣгу, потому что они стоятъ отдѣльно и притомъ такъ, что лучи солнца поражаютъ всю ихъ поверхность. Это всего болѣе относится къ горамъ, находящимся близъ западнаго берега. Г. Бэръ нашелъ одну гору при устьѣ рѣки Маточки, въ 2500 фут вышиною, которая уже въ серединѣ іюля, была очищена отъ снѣга до самой вершины, за исключеніемъ тѣсныхъ ущелій, и это не удивительно, потому что какъ западный склонъ горы, имѣющей видъ шатра, образуетъ почти одну плоскость, то на немъ сбирается лишь немного снѣгу, который скоро таетъ отъ лучей солнца. По обнаженіи же камня, онъ готчасъ согрѣвается на солнцѣ и, даже по закатѣ его, передаетъ теплоту ближнему слою воздуха. И хотя бы болѣе отдаленные слои воздуха охладѣли ниже 0°, все же теплота, которую камень пріобрѣлъ отъ лучей солнца, растопляетъ часть снѣга и согрѣтые слои воздуха, поднимаясь вдоль косогора, еще болѣе ускоряютъ это таяніе. По этой причинѣ г. Бэръ полагаетъ, что на этихъ косогорахъ снѣгъ таетъ отъ солнца даже во время мороза, подобно какъ онъ сходитъ съ нашихъ кровлей въ февралѣ и въ началѣ марта мѣсяца, хотя общая температура воздуха ниже нуля, и стекающая вода леденѣетъ на краю крыши въ видѣ сосулекъ. Но какъ велико въ этихъ странахъ вліяніе мѣстныхъ обстоятельствъ, это видно уже изъ сравненія прибрежныхъ горъ съ ближайшими ихъ сосѣдями. Параллельно съ береговымъ кряжемъ, коего западный склонъ безснѣженъ, идетъ другой, столько же растянутый шатрообразный кряжъ, который лишь немного выше. Гребни обоихъ отстоятъ одни отъ другихъ лишь на нѣсколько верстъ и покатости ихъ сходятся вмѣстѣ въ довольно широкой долинѣ. Но какъ эта долина и съ сѣверной стороны стѣснена, хотя и не замкнута, то она обратилась въ огромное снѣгохранилище и снѣгъ поднимается по всему западному склону второй горы до самой ея вершины. Итакъ здѣсь однимъ взглядомъ можно обозрѣть два одинаково расположенные склона горъ, изъ которыхъ передній, вслѣдствіе темнаго сланца, изъ коего онъ состоитъ, кажется почти черным до самой своей вершины, а другой—съ верху до низу является совершенно бѣлымъ.

Острые гребни горныхъ кряжей обыкновенно безснѣжны и даже болѣе округленныя вершины горъ обнажены въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, а именно тамъ, гдѣ плоскость поднимается круче, такъ что лучи низко стоящаго здѣсь солнца падаютъ на нихъ подъ бо́льшимъ угломъ. Такія обнаженныя плоскости лежатъ въ направленіи ко всѣмъ странамъ свѣта, вѣроятно оттого, что солнце свѣтитъ отовсюду, ибо бо́льшая ихъ часть сама по себѣ способна къ удержанію снѣжнаго покрова. Въ проливѣ Маточкина Шара другъ противъ друга стоятъ двѣ значительныя горы, которыя какъ будто бы смѣются надъ естествоиспытателемъ, ищущимъ снѣжной границы. Одна изъ нихъ, въ 3100 футовъ вышиною съ вершины до подошвы покрыта снѣгомъ на югозападномъ своемъ скатѣ, а другая даже на сѣверномъ своемъ склонѣ вовсе безъ снѣгу. Причина этому та, что послѣдняя болѣе открыта, чѣмъ первая. Г. фонъ-Бэръ видѣлъ только одну гору, коей куполъ былъ весь равномѣрно покрытъ снѣгомъ, а именно уже прежде упомянутую высочайшую гору по близости восточнаго берега. Но день, въ который онъ наблюдалъ ее, былъ холодный, и г. Бэръ полагаетъ, что наканунѣ въ верхнихъ ея сферахъ шелъ снѣгъ, потому что въ зрительную трубу видно было, какъ на иныхъ плоскостяхъ горы снѣгъ лежалъ столь тонкимъ слоемъ, что сквозь него просвѣчивалъ камень. Во всякомъ случаѣ можно было замѣчать и малѣйшія ея неровности. По полудни на многихъ высотахъ выпалъ снѣгъ, тогда какъ внизу шелъ сильный дождь; а ночью и въ равнинѣ показался мокрый снѣгъ. Г. Бэръ приводитъ это обстоятельство потому, что, ссылаясь на показаніе Мартенса, Скоресби полагаетъ, что на Шпицбергенѣ никогда не выпадаетъ снѣга на вершинахъ горъ тогда, когда внизу идетъ дождь [1]). Во всемъ противъ чемъ описаніе Скоресбія о распространеніи снѣговъ на Шпицбергенѣ весьма сходствуетъ съ наблюденіями объ этомъ предметѣ г. фонъ-Бэра на Новой Землѣ.

Основываясь на всемъ вышеизложенномъ, г. Бэръ считаетъ невозможнымъ найти на глубокомъ сѣверѣ какую либо мѣру для снѣжной границы въ горахъ. Онъ даже сомнѣвается въ томъ, чтобы отдѣльная гора, по причинѣ значительнаго вліянія прямыхъ лучей солнца, могла дать болѣе нежели весьма случайную мѣру. — По этому самому онъ крайне сожалѣетъ, что обстоятельства не дозволили ему посѣтить ледники, спускающіеся на сѣверѣ до самаго берега, гдѣ ему представился бы случай изслѣдовать по руководству Гуги, даетъ ли линія крупичатаго снѣга (Firn Linie) на ледникахъ въ глубокомъ сѣверѣ такую же точную мѣру для той высоты атмосферы, гдѣ никогда не таетъ снѣгъ, какая будто бы имѣется на Альпахъ [2]). Когда академическая экспедиція оставляла Маточкинъ-Шаръ, еще было слишкомъ рано, чтобы измѣрить на снѣгу полное вліяніе лѣтней теплоты, а потому г. Бэръ охотно отложилъ поѣздку къ сѣверу, чему противился и самый вѣтеръ. Притомъ ему говорили, что на рѣкѣ Нехватовой находится болѣе отдѣльныхъ и довольно высокихъ горъ, на которыхъ можно будетъ испытать, точнѣе ли на нихъ обозначается граница вѣчнаго снѣга. Но эти горы гораздо ниже, чѣмъ въ серединѣ страны. А притомъ онѣ

[1]) Account I. p. 124.

[2]) См. Hugi naturhistorische Alpenreise.

всѣ, куда ни доходила экспедиція и куда ни простирались взоры, были безъ снѣгу на вершинахъ, хотя онъ иногда и держится въ укромныхъ мѣстахъ у ихъ подошвы, — и даже въ углубленіяхъ равнины, когда количество взгроможденнаго снѣга слишкомъ значительно для кратковременнаго лѣта. Поэтому г. фонъ Бэръ очень сожалѣлъ, что неблагопріятныя обстоятельства, о которыхъ было выше упомянуто [1]), не дозволили ему въ концѣ лѣта посѣтить ледники на сѣверѣ [2]). Покамѣстъ не будетъ доказано посредствомъ наблюденій, что линія крупинчатаго снѣга въ разныхъ долинахъ Новой Земли имѣетъ одинаковую высоту, г. Бэръ, судя по тому, что онъ видѣлъ, остается при своемъ мнѣніи, что и здѣсь такая снѣжная линія весьма измѣнчива, особенно, когда лощины, въ которыхъ лежатъ ледники, не соединены между собою снѣжными забоями.

Г. фонъ Бэръ нерѣдко наблюдалъ также температуру почвы и если во многихъ мѣстахъ слишкомъ близкій утесъ или крупные валуны не дозволяли добраться довольно глубоко, то онъ всеже въ другихъ мѣстахъ могъ убѣдиться въ томъ, что за нѣкоторыми только мѣстными исключеніями, земля никогда не таетъ на глубинѣ отъ 2^{1}_{2} до 2^{5}_{6} футовъ. Онъ находилъ даже въ 2^{1}_{2} футахъ ниже поверхности земли слой густаго, чистаго льда, который, бывъ засыпанъ, можетъ быть за нѣсколько столѣтій, еще сохранился, и поверхъ котораго теперь зеленѣлась обыкновенная скудная Новоземельская растительность. Этотъ ледяной пластъ, который можно не безъ нѣкотораго основанія причислять, вмѣстѣ съ Линкомъ, къ горнымъ породамъ, выходилъ подобно каменной формаціи на поверхность въ глубокой рытвинѣ. Помня тѣ сомнѣнія, которыя Бичей (Beechey) выразилъ противъ такого же рода величавой находки, сдѣланной Эшшольцомъ въ заливѣ Зундѣ Коцебу, г. Бэръ не преминулъ вполнѣ убѣдиться въ томъ, что этотъ ледяной слой тянется и далѣе подъ наносною землею; но конечно онъ, судя по свойству мѣстности, не могъ имѣть большаго протяженія.

Г. Ф. Бэръ старался также найти мѣру для согрѣванія земной поверхности. Оно поднимается тѣмъ выше, чѣмъ болѣе почва подходитъ къ свойству чистаго утеса и однимъ уже этимъ согрѣваніемъ, которое вообще выше средней температуры воздуха, объясняется растительность, потому что общая температура воздуха, которая, какъ выше сказано, въ теплѣйшій мѣсяцъ не выше, чѣмъ въ январѣ мѣсяцѣ въ средней Франціи, могла бы быть достаточною только для весьма немногихъ растеній.

Когда новѣйшая метеорологія, подчинясь владычеству мѣры и числа, стала пріобрѣтать научную форму, тогда безъ сомнѣнія думали, что количество ежегодной теплоты извѣстной мѣстности даетъ точную мѣру для ея растительности. Но дальнѣйшіе опыты доказали, что

[1]) Т. е. девятидневная буря и отлучка его людей, высланныхъ нанятымъ имъ кормщикомъ на промыслъ.

[2]) Были конечно ледники и въ посѣщенныхъ экспедиціею мѣстностяхъ. Но они не поучительны въ отношеніи къ вышеизъясненному вопросу, и только доказываютъ, что здѣсь достаточно и малѣйшихъ мѣстныхъ обстоятельствъ для того, чтобы охранить отъ таянія снѣгъ и ледъ. Такъ пониже той избы, гдѣ жилъ Пахтусовъ, находится ледникъ, коего подошва во время прилива орошается моремъ и коего вышина не превышаетъ 50 футовъ. Онъ даже не обязанъ своимъ происхожденіемъ угловатой, а только округленной выемкѣ берега. Нѣчто подобное леднику, можно сказать, находится подъ каждою снѣжною залежью или сугробомъ.

пропорція зимняго холода имѣетъ только отрицательное вліяніе и что растительность обусловливается только теплотою выше точки замерзанія и распредѣленіемъ ея на большее или меньшее время [1]). Но все еще хотятъ измѣрять эту теплоту не на самой землѣ, а въ нѣкоторомъ возвышеніи отъ нея. Не довольствуясь этимъ, Валенбергъ ищетъ условія лапландской растительности въ средней температурѣ почвы, измѣряя ее по теплотѣ ключей [2]). Находя, что онъ для главной массы растительности опустился слишкомъ глубоко, г. Бэръ, полагаетъ, что для отысканія вѣрной мѣры условіямъ растительности, на столько, сколько она зависитъ отъ теплоты, нужно еще гораздо болѣе измѣнить наблюденія надъ температурою и прежде всего чаще класть термометръ на поверхность земли, не избѣгая и солнечнаго свѣта, потому что онъ болѣе отыскивается, чѣмъ избѣгается и растительнымъ міромъ. Это не могло ускользнуть и отъ вниманія Валенберга [3]). но удивительно, что онъ за всѣмъ тѣмъ въ той же самой книгѣ ищетъ мѣры для растительности въ источникахъ.

Что одна температура почвы при ежедневныхъ и ежегодныхъ ея колебаніяхъ не можетъ вызвать на Новой Землѣ растительности, это явствуетъ само собою, потому что она гораздо ниже точки замерзанія. Близъ Якутска надъ подземнымъ льдомъ, коего толщина превышаетъ 382 фута, еще стоятъ огромные лѣса.—Противъ всякаго чаянія, г. Ф. Бэръ нашелъ на Новой Землѣ источникъ, неимѣвшій никакого замѣтнаго притока снѣжной воды. Онъ показывалъ + 0°5 по термометру Реомюра, но явно не можетъ почесться мѣрою для средней или неподвижной температуры почвы. Напротивъ того, теплота его зависѣла отъ совершенно случайныхъ, основанныхъ на мѣстности и на времени года, обстоятельствахъ растаявшаго подземнаго льда и примѣшаннаго къ ключу количества метеорной воды изъ верхнихъ слоевъ почвы. Но если бы кто захотѣлъ въ температурѣ $^1/_2$° Р. искать мѣру для растительности, тотъ очень бы ошибся, потому что до той глубины, въ которой лѣтомъ находится эта температура, не проникаетъ ни одинъ корень, и пока верхніе слои почвы не будутъ согрѣты выше, корни не много выйдутъ изъ зимняго своего покоя. Что при 1° Реом. температуры почвы могутъ развиваться иныя растенія, это г. Бэръ дѣйствительно нашелъ для Ranunculus nivalis и Oxiria reniformis: но большая часть другихъ растеній не довольствуются столь малою долею теплоты.

Напротивъ того изъ устройства всего растительнаго быта Новой Земли оказывается, что въ этомъ глубоко-сѣверномъ климатѣ вся растительность ограничивается верхнимъ слоемъ почвы и нижнимъ слоемъ воздуха, — и оба лѣтомъ бываютъ теплѣе, чѣмъ температура высшаго воздуха и температура низшей почвы. По этой-то причинѣ обращенная къ свѣту часть растенія такъ мало возвышается надъ поверхностью почвы и находящаяся въ землѣ часть его такъ мало опускается ниже ея.

---

[1]) По теоріи Дове вліяніе температуры на растительность обусловливается двумя причинами: 1) прямымъ дѣйствіемъ лучей солнца на выдающіяся надъ землею части растеній, и 2) дѣйствіемъ температуры земли, въ которой они вкоренены и которая, по мѣрѣ углубленія въ землю, уравновѣшиваетъ случающіяся на вольномъ воздухѣ крайности.

[2]) Flor. Lapp. Introduct. L.

[3]) De veget et climate Helvet LXXXV.

Только въ такомъ случаѣ, когда корень очень коротокъ, будь ли онъ раздѣленный или нераздѣленный, онъ спускается прямо внизъ. Каждый же болѣе длинный корень стелется подъ поверхностью земли, хотя только немногіе корни могутъ называться ползучими въ смыслѣ ботаники. У Silene acaulis, г. Бэръ, при болѣе обыкновеннаго раскинутомъ дернѣ, нерѣдко слѣдилъ корень дальше одного фута, а иногда и 18 дюймовъ, не замѣчая, чтобы онъ погружался замѣтнымъ образомъ въ землю. Точно такъ и въ родахъ Cerastium, Arenaria, Antiphylla (Saxifraga), Draba, Arabis и т. д. Но и тамъ, гдѣ подземная часть вовсе не распредѣлена дернообразно, часто довольно толстый корень стелется почти горизонтально, образуя со стволомъ болѣе или менѣе прямой уголъ, который, если растеніе стоитъ на покатостяхъ, даже можетъ сдѣлаться острымъ, безъ всякаго къ тому понужденія со стороны каменистой подпочвы. Также растенія, конхъ корень въ болѣе теплыхъ климатахъ идетъ прямо внизъ, въ здѣшней широтѣ разстилаются подъ землею горизонтально, потому что корень ищетъ самаго теплаго слоя почвы. Такъ наприм. корень Valeriana capitata на Новой Землѣ совершенно горизонталенъ, а напротивъ того вертикаленъ въ тѣхъ образчикахъ академическаго гербарія, которые происходятъ изъ болѣе южныхъ широтъ. Вообще здѣсь корни травяныхъ растеній обыкновенно не проникаютъ въ почву далѣе двухъ дюймовъ, и г. Бэръ сомнѣвается, чтобы какой либо изъ этихъ корней переступалъ за глубину четырехъ дюймовъ. Даже древесныя растенія не много проникаютъ глубже, хотя корни ихъ огромны.

Но столь же мало возвышается и надземная часть растеній. Отъ этого-то очевидно происходитъ столь часто дернообразное ихъ распредѣленіе. Да и изъ остальныхъ растеній многія возвышаются не болѣе 2 или 3 дюймовъ; растенія отъ 4 до 5 дюймовъ вышиною уже бываютъ рѣже, въ 6 дюймовъ очень рѣдки, а больше одной пядени г. Бэръ вовсе не видѣлъ растеній, даже ни злаковъ, ни кустарниковъ. Растопыренный стволъ Salix Bravi наглядным образомъ показываетъ, что въ вышинѣ болѣе 8 дюймовъ надъ землею воздухъ уже не имѣетъ болѣе теплоты, достаточной для развитія почки.

Всего поучительнѣе относительно къ законамъ растительности на глубокомъ сѣверѣ древесныя растенія. Само собою разумѣется, что они никогда не имѣютъ вида деревъ, а развѣ только являются кустарниками. Обыкновеннѣйшее и почти повсюду распространенное древесное растеніе есть Salix polaris. Оно такъ спрятано во мху, что едва торчитъ изъ-подъ него на полдюйма. Обыкновенно это одна только почка, распускающаяся надъ мхомъ двумя листиками съ серёжками или безъ нихъ. Эта по большей части одинокая, а лишь рѣдко двойная, пара листьевъ покоится на стебелькѣ толщиною не болѣе соломенки. Но если кто вздумаетъ вырвать все растеніе, держась за этотъ стебель, тотъ весьма ошибется: это только небольшая вѣточка далеко растилающагося и сильно развѣтвляющагося куста, который скрывается отчасти во мху, отчасти въ землѣ. Salix reticulata возвышается надъ землею отъ 4 до 5 дюймовъ, однако стволъ и длинный деревянистый корень его толсты. Г. Бэръ видѣлъ ихъ до 1 дюйма толщиною. Если вырыть этотъ корень, разстилающійся подъ землею, то выходящіе изъ почвы отпрыски являются вовсе незначительными побѣгами подземнаго ствола. И дѣйствительно лѣса на Новой Землѣ болѣе существуютъ въ землѣ, чѣмъ на ея поверхности. Исполинская

форма здѣшнихъ деревъ, Salix lanata возвышается надъ землею до рѣдкой въ этомъ краю вышины одной пядени, но толстые его корни, или вѣрнѣе сказать подземные стволы, г. Бэръ иногда видѣлъ обнаженными на 10 до 12 футовъ, не находя имъ конца, и поперечникъ ихъ нерѣдко бываетъ больше одного дюйма; однажды онъ нашелъ его даже въ два дюйма на короткой части его длины. Если кому нибудь случится зимовать на Новой Землѣ, то онъ могъ бы сдѣлать попытку согрѣваться нѣкоторое время такими вырытыми корнями деревъ; стопить же печку тою частію дерева, которая растетъ надъ землею, это конечно не придетъ никому въ голову [1]).

Обративъ взоры отъ этихъ подземныхъ лѣсовъ къ тропикамъ, гдѣ вся растительность стремится вверхъ, гдѣ пальма зеленѣетъ только на высокой макушкѣ, гдѣ цѣлый сонмъ вьющихся растеній, слишкомъ слабыхъ для того, чтобы подниматься самимъ собою, возвышается изъ земли на чужихъ подпорахъ, или даже вовсе не нуждается болѣе въ землѣ, гдѣ папоротники гнѣздятся на деревьяхъ, и видя какъ у насъ хмѣль и повилика (Polygonum Convolutus) составляютъ послѣднихъ представителей земныхъ, а привитица, (Cuscuta) — надземныхъ вьющихся растеній, и какъ они вовсе исчезаютъ уже въ сѣверной Лапландіи, — мы не станемъ удивляться, что къ полюсу вся растительность ограничивается тою только областью, гдѣ соприкасаются между собою земля и воздухъ.

Согрѣваніе этой области гораздо болѣе зависитъ отъ непосредственнаго дѣйствія лучей солнца, чѣмъ отъ теплоты воздуха, распространенной въ слояхъ атмосферы.

Но по этой-то причинѣ и вліяніе склона равнины такъ велико на растительность, что плоскость пустыни и подошва горъ, если не завалены снѣгомъ или валунами, нерѣдко имѣютъ видъ сада. Это вліяніе, кажется, возрастаетъ вмѣстѣ съ широтою, потому что едва ли въ низшихъ широтахъ найдется такая разность между скатомъ и плоскостью незначительныхъ горъ, какъ въ Лапландіи и уже близъ Архангельска.

Съ другой стороны свойство почвы въ низшихъ широтахъ обусловливаетъ гораздо большее различіе растительности, чѣмъ въ высшихъ. Относительно къ сухости и влажности эта разность такъ очевидна, что вовсе не нужно указывать на нее. Подъ тропиками отъ этого отношенія зависитъ все, на Новой Землѣ ничего, потому что тутъ вездѣ сыро, и тотъ, кто не можетъ, подобно орлу, переноситься отъ одной горной вершины къ другой, не долженъ надѣяться, что и на самой малѣйшей прогулкѣ не промочитъ себѣ ногъ: даже на голомъ утесѣ воздухъ сыръ. Уже въ Лапландіи песокъ, тамъ, гдѣ не орошается морскою водою, едва ли имѣетъ свою особенную растительность, кромѣ Elymus arenarius: онъ легко заростаетъ органическимъ покровомъ и потомъ теряетъ почти всякую производительность. — Но и химическое свойство почвы имѣетъ, повидимому, на глубокомъ сѣверѣ

---

[1]) По замѣчанію Пахтусова, мѣстами растетъ на Новой Землѣ березовый ерникъ (сланецъ), толщиною также въ дюймъ, но длина главнаго стебля доходитъ до 6-ти футовъ. Также встрѣчается сланецъ еловый и можжевельный, однако гораздо мельче березоваго. Какъ бы для того, чтобы замѣнить этотъ недостатокъ большихъ древесныхъ растеній, столь ощутительный для временно пребывающихъ тамъ людей, благое Провидѣніе въ изобиліи посылаетъ къ Новой Землѣ плавникъ, состоящій изъ сосны, ели и лиственницы и вѣроятно заносимый сюда изъ дремучихъ лѣсовъ по берегамъ Оби, Енисея и другихъ рѣкъ Сибири.

менѣе вліяніе на прозябаемость, чѣмъ на югѣ. Г. Бэръ, правда, находилъ на Новой Землѣ растительность обильнѣйшею на извести, чѣмъ на талковомъ или глинистомъ сланцѣ, но это была болѣе масса растительности, и все различіе происходило оттого, что тамъ былъ бо̀льшій запасъ перегноя. Въ сущности же это были почти тѣже самыя растенія, за исключеніемъ лишаевъ, которые естествоиспытатель собралъ на извести, на порфирѣ и на сланцахъ. Вообще г. Бэръ сомнѣвается, чтобы можно было на Новой Землѣ раздѣлить растительности, смотря по каменнымъ породамъ, на которыхъ онѣ встрѣчаются, какъ на этомъ основаніи ихъ различаютъ на Альпахъ и даже въ Лапландіи. «Можетъ быть, вопрошаетъ онъ, намъ неудалось найти на Новой Землѣ многихъ растеній Лапландіи только оттого, что мы не встрѣчали тамъ гранита и его сродниковъ? Для разрѣшенія этого вопроса нужно въ этомъ отношеніи ближе изизслѣдовать восточную Гренландію, заключающую въ себѣ столь многоразличныя горнокаменныя породы». И дѣйствительно въ числѣ привезенныхъ Скоресбіемъ и Сабейномъ (Sabine) восточно гренландскихъ растеній есть иныя, которыхъ г. Бэръ не встрѣчалъ на Новой Землѣ, хотя они попадаются въ Лапландіи, какъ то: Veronica alpina, Andromeda tetragona, Empetrum nigrum, Stellaria humifusa, Rhododendron lapponicum, Arnica angustifolia, Epilobium latifolium, Statice Armeria и Arenaria peploides, изъ коихъ послѣдняя не можетъ попадаться на Новой Землѣ уже по причинѣ недостатка въ морскомъ пескѣ.

Конечно въ такое короткое посѣщеніе нельзя было вполнѣ собрать флору страны, равняющейся по своему пространству почти всей Великобританіи, тѣмъ болѣе что экспедиція не могла безпрерывно подвигаться впередъ, а все должна была опять возвращаться къ якорнымъ стоянкамъ. Но какъ г. Бэръ и въ довольно отдаленныхъ пунктахъ вообще находилъ тѣже самыя растенія, то онъ полагаетъ, что лишь немного отъ него ускользнуло явнобрачныхъ и оставляетъ вопросъ нерѣшеннымъ, очень ли обогатится эта флора, если въ какой либо части Новой Земли будетъ найденъ гранитъ съ разными подходящими къ нему звеньями, или не обладаетъ ли восточная Гренландія только потому бо̀льшимъ числомъ лапландскихъ растеній, что въ ней температура выше. Съ другой стороны г. Ф. Бэръ сознается, что число собранныхъ экспедиціею тайнобрачныхъ гораздо менѣе полно, потому что ни одинъ изъ членовъ ея не занимался довольно этимъ отдѣломъ ботаники для того, чтобы быть въ состояніи надлежащимъ образомъ распознавать его формы и въ этомъ отношеніи еще остается кое-что пожинать будущимъ собирателямъ.

Съ другой стороны флора Новой Земли можетъ во многомъ быть пояснена сличеніемъ съ флорою сосѣдственнаго материка и посему нельзя не обратить вниманіе любознательнаго читателя на описаніе путешествія г-на Шренка, который, по порученію Императорскаго Ботаническаго Сада занимался изслѣдованіемъ послѣдней, одновременно съ экспедиціею г-на Бэра.

ГЛАВА VI.

ЖИВОТНАЯ ЖИЗНЬ НА НОВОЙ ЗЕМЛѢ [1].

Изъ того, что было выше сказано о климатѣ Новой Земли явствуетъ, что она, хотя одинъ изъ наибольшихъ острововъ въ свѣтѣ, однако, кажется, не назначена Провидѣніемъ въ удѣлъ человѣку. И дѣйствительно опытъ вѣковъ доказалъ, что люди не въ состояніи основать на ней постоянное себѣ жилище. Нѣкоторыя отдѣльныя семейства изгнанниковъ, пытавшихся было поселиться на ней во избѣжаніе жестокихъ гоненій за вѣру, сдѣлались уже въ первый годъ своего здѣсь пребыванія жертвою суроваго климата [2]). Цѣлые экипажи судовъ, сюда заброшенныхъ судьбою, раздѣлили туже самую участь, и лишь только немногимъ счастливцамъ, по большей части изъ числа смѣлыхъ моряковъ и промышленниковъ, удавалось, какъ выше разсказано въ описаніи путешествій на Новую Землю, переносить здѣсь одну или нѣсколько зимъ.

[1]) Bulletin Scientifique de l'Acad. Imp. de St.-Pétersbourg. T. III, стр. 343 и сл.

[2]) Къ числу такихъ жертвъ, погибшихъ на Новой Землѣ, принадлежитъ удалившееся сюда въ старину изъ Новгорода семейство Строгановыхъ, отъ которыхъ и губа, на берегу которой они поселились, получила названіе губы Строгановой. Еще во времена Лепехина, по разсказамъ промышленниковъ, на Мучномъ мысу видны были развалины двухъ избъ и надмогильныхъ крестовъ съ надписями, свидѣтельствовавшими о пребываніи тамъ этихъ несчастныхъ отшельниковъ. (Путеш. Лепехина въ 1772 году, Ч. IV, стр. 160, 161.) Другой примѣръ — семейство старообрядцевъ Пайкачевыхъ изъ Кеми, которые, въ числѣ 12 человѣкъ, искали себѣ около 1763 года убѣжище на берегахъ губы Черной; но проживъ тутъ не болѣе полтретьи года, лишились жизни отъ цынги. Бывали впрочемъ примѣры и добровольнаго поселенія на Новой Землѣ. Такъ Пахтусовъ разсказываетъ, что въ 1823 году туда прибылъ съ своимъ семействомъ одинъ Самоѣдинъ, именемъ Мавей, который, по словамъ его земляковъ, лишившись вслѣдствіе падежа своихъ оленей, далъ обѣтъ идоламъ, что будетъ зимовать на Новой Землѣ. Но еще въ туже зиму все его семейство погибло несчастнымъ образомъ, и одинъ изъ его родственниковъ, прибывъ въ 1824 году на Новую Землю, нашелъ трупы ихъ, лежавшіе въ избѣ и на дворѣ подлѣ нея. О самомъ же Мавеѣ онъ, не смотря на всѣ свои поиски, нигдѣ не могъ открыть и слѣдовъ.

Но если человѣку не дано жить на Новой Землѣ, то она есть напротивъ того царство одного изъ лютѣйшихъ враговъ его. Начиная отъ южныхъ до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ острова рыщутъ на немъ отдѣльно, а иногда и цѣлыми стаями полярные медвѣди (Ursus maritimus), извѣстные подъ именемъ бѣлыхъ медвѣдей, а у промышленниковъ подъ названіемъ ошкуевъ. Но болѣе всего они, кажется, сосредоточены въ сѣверной и восточной частяхъ острова, гдѣ ихъ почти вовсе не тревожитъ человѣкъ и гдѣ по берегамъ почти безпрерывно стоитъ ледъ и они слѣдовательно могутъ находить себѣ обильнѣйшую наживу. Тутъ они посему властвуютъ неограниченно, и горе тому животному, которое попадется имъ на встрѣчу. Вся эта страна усѣяна костями разныхъ морскихъ и сухопутныхъ животныхъ, свидѣтельствующими о непощадной лютости этого звѣря. Только собака, по замѣчанію Моисѣева, вовсе не боится его, и никогда медвѣдь не могъ поймать даже привязанной собаки.

Отъ обыкновеннаго, чернаго или бураго медвѣдя, полярный медвѣдь отличается во 1-хъ цвѣтомъ своей шерсти, которая вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо грубѣе и жестче, во 2-хъ бо̀льшею величиною и силою и въ 3-хъ бо̀льшею неуклюжестью, а именно неспособностью сгибать становую кость. Главная пища бѣлаго медвѣдя состоитъ въ разной падалицѣ, но иногда и въ морскихъ животныхъ. Посему бѣлый медвѣдь, хотя и живетъ на сушѣ, однако нерѣдко пускается и въ море на льдинахъ для добычи, а именно нерпъ, морскихъ зайцевъ, и даже моржей. Обыкновенно онъ отправляется на этотъ промыслъ съ первымъ появленіемъ льдовъ у берега, плавая и ныряя съ большимъ искуствомъ между льдинами и потомъ взбираясь на нихъ для отдыха.

Лишь только солнце скроется за горизонтъ, что обыкновенно бываетъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, бѣлые медвѣди рѣже показываются. Но иногда они и во всю зиму бродятъ по пустынямъ острова, промышляя себѣ добычу.

На Новой Землѣ встрѣчаются также волки, но далеко не въ такомъ множествѣ, какъ бѣлые медвѣди. Они особенно рыщутъ тамъ, гдѣ водятся олени. Питаются такъ же, какъ и медвѣди всякою падалью.

Лисицы водятся особенно въ окрестностяхъ Никольскаго шара, но никогда, кажется, не были многочисленны на Новой Землѣ.

Олень, (Cervus Tarandus. L. Rennthier) на Новой Землѣ не такъ великъ, какъ въ Лапландіи, но нѣсколько больше, чѣмъ на Шпицбергенѣ. Онъ питается во время зимы яголою, т. е. бѣлымъ мхомъ, растущимъ на горахъ и по болотамъ; лѣтомъ же довольствуется зеленью. Въ иныхъ мѣстахъ олени пасутся цѣлыми стадами, особенно по близости озеръ.

Обыкновенной собаки нѣтъ на Новой Землѣ, кромѣ привозной, но въ замѣнъ ея водится въ большомъ множествѣ песецъ или по архангельски псецъ (Canis Lagopus), нѣчто среднее между собакою и лисицею; но онъ болѣе подходитъ къ послѣдней, отличаясь отъ нея почти только цвѣтомъ своей шерсти: песцы бываютъ здѣсь голубые или собственно дымчатые, т. е. темнопепельнаго цвѣта, а зимою дѣлаются бѣлыми. Пища ихъ состоитъ изъ птенцовъ и выбрасываемыхъ на берегъ морскихъ животныхъ, мертвыхъ, или убитыхъ промышленниками, особенно же изъ пеструшекъ (см. ниже). Но какъ зимою норы, въ которыхъ

кроются эти мыши, заноситъ глубокимъ снѣгомъ и песцы не могутъ доставать ихъ оттуда, то они претерпѣваютъ голодъ и тогда нерѣдко съѣдаютъ другъ друга. Лѣтомъ же, и особенно осенью, они очень жирны.

На Новой Землѣ водится чрезвычайное множество полевыхъ мышей, называемыхъ въ Лапландіи пеструшками, а у Новоземельскихъ промышленниковъ песцовками (Mus Lemnus, по нѣмецки Lemming). Эти мыши красивѣе и нѣсколько больше обыкновенныхъ и отличаются отъ нихъ очень короткимъ хвостомъ и пушистою шерстью, отчего кажутся какъ будто бы круглыми. Г. фонъ Бэръ нашелъ ихъ на Новой Землѣ двѣ породы: одна изжелто-бураго цвѣта, довольно задорнаго нрава, а другая Mus grönlandicus. Traill's или Mus hudsonicus—необыкновенно ручная. Послѣдняя, бывъ поймана, уже черезъ сутки не бѣжитъ отъ человѣка и двѣ пеструшки этого рода, живя вмѣстѣ, никогда не ссорятся между собою. О многочисленности этихъ звѣрковъ на Новой Землѣ можно судить изъ того, что отлогіе скаты горъ иногда изрыты ихъ норами и подземельными ходами во всѣхъ направленіяхъ. Но конечно многія изъ этихъ норъ пусты, въ чемъ можно легко удостовѣриться, слѣдя за ними посредствомъ собакъ. Онѣ питаются разными травами и при своей чрезвычайной многочисленности вѣроятно истребили бы ихъ въ конецъ, если бы по какому то инстинкту не съѣдали болѣе цвѣтки и зелень, чѣмъ корни. По крайней мѣрѣ г. фонъ Бэръ не замѣтилъ, чтобы пойманныя имъ пеструшки дотрогивались до какого либо корня. Сами пеструшки служатъ главною пищею песцовъ и птицы совы.

Что касается до пернатыхъ, Новая Земля, въ сравненіи съ Шпицбергеномъ, изобличаетъ близость материка гѣмъ, что она гораздо обильнѣе породами: но зато менѣе занимательна для естествоиспытателя, потому что многіе изъ этихъ видовъ тѣ же самые, которые ежегодно пролетаютъ и у насъ и отчасти даже остаются у насъ, но часть которыхъ переносится на Новую Землю, чтобы тамъ спокойнѣе предаваться дѣлу размноженія.

Изъ сухопутныхъ птицъ коренною жительницею Новой Земли можно почесть снѣжную сову (Strix nyctea), потому что она пребываетъ тамъ даже зимою. Пища ея состоитъ изъ мышей, песцовъ и разныхъ птицъ. Далѣе имѣется снѣжная цумачка (Plectrophanes nivalis), родъ камнешарки [1]) (Strepsilus collaris), морской черноватый гурухтанъ (Tringa maritimus) и родъ сарыча (Falco buteo L.). По старинѣмъ свѣдѣніямъ тамъ витаетъ также орелъ: но г. Бэръ не могъ узнать объ немъ ничего отъ Новоземельскихъ промышленниковъ.

Изъ водяныхъ птицъ на южномъ берегу водится такое множество гусей, что ловля ихъ и собираніе выпадающихъ плавательныхъ ихъ перьевъ составляютъ особый промыселъ охотниковъ [2]). Водятся также лебеди, много утокъ изъ рода Anas glacialis (Eis-Ente); по словамъ Лепехина, много гагарокъ, порода сѣрыхъ утокъ, отчасти похожихъ на гагаръ, и

[1]) Имя свое она получила оттого, что ищетъ себѣ для пищи червей между камешками по морскимъ и рѣчнымъ берегамъ.

[2]) По замѣчанію Пахтусова, полетъ гусей съ половины мая продолжается большими стаями по одному и тому же направленію отъ OSO, изъ чего онъ заключаетъ, что они, почуявъ холодъ и не надѣясь добыть себѣ кормъ на Новой Землѣ, переносятся на островъ Вайгачъ, а оттуда не раньше, какъ въ началѣ іюня большими

извѣстная по своему мягкому пуху гагка (Anas mollissima, Eyderente), которая преимущественно выбираетъ себѣ для своего пребыванія мѣста одинокія, утесистыя, и тамъ, укрываясь отъ преслѣдованія промышленниковъ, высиживаетъ своихъ птенцовъ.

Вообще морской берегъ Новой Земли во многихъ мѣстахъ оживленъ отъ гнѣздящихся тамъ морскихъ птицъ. Хотя онѣ здѣсь и не такъ многочисленны, какъ по берегамъ Норвегіи, однако на нѣкоторыхъ скалахъ собираются значительными стаями, привѣтствуя пристающее къ берегу судно громкимъ своимъ крикомъ. Особенно многочисленная обыкновенная Кайра (Uria Troile), птица сверху чернобурая, а снизу бѣлая, изъ рода перистоносыхъ Мычагагокъ (Alcaceae pterorhinae Brandt). Сидя густыми стаями и въ нѣсколько рядовъ на едва замѣтныхъ уступахъ отвѣсныхъ скалъ, онѣ, при приближеніи къ нимъ человѣка, ровняются во фрунтъ и бѣлою приподнятою своею грудью испещряютъ мрачный утесъ. Промышленники называютъ такія мѣста, гдѣ эти птицы выводятъ своихъ птенцовъ, базарами. На вершинахъ одинокихъ утесовъ, не терпя подлѣ себя никакихъ другихъ птицъ, гнѣздится большая сѣрая чайка (Larus glaucus), которая у голландскихъ китолововъ, неизвѣстно по избытку ли, или по недостатку къ ней уваженія, слыветъ подъ именемъ бургомистра. Считая себя словно повелительницею міра, она нерѣдко передъ цѣлою ватагою рыбаковъ выбираетъ себѣ любую изъ выбрасываемыхъ на берегъ рыбъ. Кромѣ того на Новой Землѣ встрѣчаются еще разныя другія чайки, носящія у промышленниковъ названія: щеголиха, чирокъ или кривецъ, нѣсколько похожая на ласточку, моевка, бѣлая и похожая на голубя съ красными ногами, пирушка того же вида, только съ черными ногами. Самая же большая изъ нихъ тулупанъ съ крючковатымъ клевомъ и весьма длинными крыльями, называемый также глупышемъ и клушею. Питаются по большей части рыбою. Всѣ эти птицы отлетаютъ на зиму съ Новой Земли въ другія мѣста и тамъ остаются только чайки, куропатки и снѣжная сова.

Эти птицы служатъ наилучшимъ доказательствомъ, что въ этомъ краю глуби морскія болѣе обитаемы, чѣмъ суша. И дѣйствительно итогъ животной жизни здѣсь опустился какъ будто въ лоно океана. Тутъ особенно замѣчательно чрезвычайное множество мелкихъ раковъ, а особенно гаммаровъ (Gammarus), которые здѣсь почти въ такомъ же изобиліи собираются въ водѣ около брошеннаго туда куска мяса, какъ въ Лапландіи комары около теплокровнаго животнаго. Ихъ можно однимъ решетомъ черпать по нѣскольку тысячъ заразъ. По увѣренію промышленниковъ, они даже проѣдаютъ на моржахъ кожу подъ передними ластами и въ морщинахъ на шеѣ этого могучаго морскаго животнаго. Когда г. Бэръ и его спутники стали выкидывать въ Маточкиномъ Шарѣ удочки для ловли рыбъ, промышленники увѣряли ихъ, что это совершенно напрасно, потому что тамъ, во первыхъ, вовсе нѣтъ рыбъ,

---

вереницами перелетаютъ на Новую Землю. Осенью полетъ ихъ замѣченъ къ SSW и такъ въ это время они вѣроятно направляются къ материку, а именно къ ближайшей части Тиманскаго берега, т. е. къ мысу Русскому Завороту. (Зап Гидр. Деп. ч. I, стр. 216.). По утвержденію же другихъ путешественниковъ главное сборное мѣсто новоземельскихъ перелетныхъ птицъ есть островъ Колгуевъ.

а во вторыхъ кашпаки, такъ здѣсь называютъ гаммаровъ, въ нѣсколько часовъ съѣдаютъ какъ всю приманку, такъ и всякую уснувшую рыбу. И дѣйствительно почти сплошь удочки были вынимаемы изъ воды пустыя.

Изъ морскихъ животныхъ, посѣщающихъ берега Новой Земли, важнѣйшія: моржи, морскіе зайцы, нерпы и бѣлуги.

Изъ нихъ, какъ по величинѣ, такъ и по многочисленности, первое мѣсто занимаютъ моржи (Trichecus Rosmarus, Wallross. Vache marine). Они водятся преимущественно около Шпицбергена и Новой Земли, а наболѣе въ сѣверной ея части. У западныхъ береговъ Новой Земли и въ Вайгачскомъ проливѣ, они, по замѣчаніямъ промышленниковъ, крупнѣе, чѣмъ на востокѣ острова; но они уступаютъ въ величинѣ тѣмъ, которые ловятся около сѣверовосточныхъ береговъ Ледовитаго моря. Величина ихъ отъ 5 до $6^1/_2$ аршинъ. Они особенно отличаются двумя длинными клыками или тинками, торчащими у нихъ наружу, какъ у слона, изъ верхней челюсти широкой ихъ головы. Но сверхъ того челюсти ихъ снабжены зубами, передними рѣзательными и задними плоскими жерновыми. Переднія ноги у нихъ толсты, коротки и раздѣлены на 5 перстовъ, вооруженныхъ ногтями и соединенныхъ между собою перепонкою. Это дѣлаетъ ихъ весьма способными выходить изъ воды на ледъ, ползти по льду и даже по землѣ. Главная ихъ пища состоитъ изъ разныхъ морскихъ растеній, а именно: морской капусты или туры и морскаго гороха. Весною и лѣтомъ они проводятъ время на сушѣ и любятъ отдыхать, грѣться, а иногда и предаваться крѣпкому сну на солнцѣ. Дѣтей они родятъ по одному, рѣдко по два. Матери кормятъ ихъ грудью, оказываютъ имъ большую нѣжность и въ случаѣ нападенія защищаютъ ихъ съ пожертвованіемъ собственной своей жизни.

Второе мѣсто изъ морскихъ животныхъ, водящихся около Новой Земли, занимаетъ тюлень, коего здѣсь встрѣчается особенно два вида:

1) Морской заяцъ (Phoca Leporina. Lep. Phoca albigena. Pallas), величиною нѣсколько меньше моржа, а именно до 4-хъ аршинъ. Кожа у нихъ толстая и покрыта волосами чернова-то-желтаго цвѣта. Пребываютъ по большей части въ морѣ, но иногда лѣтомъ заходятъ въ рѣки и даже выплываютъ на берегъ для отдыха или для кормленія своихъ дѣтенышей. Дѣтей носятъ по одному.

2) Нерпа или обыкновенный тюлень (Phoca hispida. Fabricius), Phoca vitulina seu canina съ круглою головою и большими круглыми глазами. Все тѣло покрыто короткими волосами серебристаго цвѣта. Величиною нѣсколько меньше морскаго зайца. Онѣ также лѣтомъ заходятъ въ рѣки и выползаютъ на берегъ, гдѣ обыкновенно лежатъ на песку по парно. Дѣтей родятъ по одному въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Сверхъ того существуютъ еще разныя названія здѣшнихъ тюленей, употребительныя у промышленниковъ для означенія разности ихъ пола и возраста. Такъ лысанами или лысунами они называютъ совершеннолѣтнихъ самцовъ, утѣлыгами — самку. Дѣтенышей обозначаютъ разными именами, смотря по ихъ цвѣту и возрасту: самыхъ молодыхъ именуютъ бѣльками, потому что они выходятъ на свѣтъ въ бѣлой шерсти. Когда эта шерсть нача-

*

наетъ выпадать, ихъ называютъ хохлушками: черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія — плѣханками, потому что по сходѣ бѣлой шерсти у нихъ на тѣлѣ оказываются черныя плѣшины. Чрезъ полтора мѣсяца послѣ рожденія они именуются сѣрками, спустя годъ — сѣрунами, а въ третью весну уже самцы лысунами, а сами утѣльгами. Впрочемъ въ употребленіи этихъ разныхъ именъ не соблюдается строгой послѣдовательности.

Есть еще родъ тюленя, который однако свойственъ не столько берегамъ Новой Земли, сколько Тиманскому берегу и входу въ Бѣлое море, да и тамъ является довольно рѣдко. Это тевякъ, у котораго на головѣ находится родъ шапки или капишона. По мнѣнію г-на Ф. Бэра это тотъ же самый тюлень, котораго Голландцы называютъ Klappmüts или хохлатый тюлень Phoca cristata Erxl., Cystophora borealis Nilsson.

Бѣлуха или бѣлуга (Delphinus Leucas, Delphin, Weissfisch). Ее не должно смѣшивать съ бѣлугою (Huso), водящеюся въ Волгѣ, Оби и въ другихъ рѣкахъ, а напротивъ того, это особое морское животное изъ рода дельфиновъ и изъ семейства китовыхъ. Цвѣтъ кожи ея изжелта бѣлый. Голова болѣе заострена, чѣмъ у кита, хвостъ горизонтальный, какъ у кита. На каждомъ плечѣ находится по одному перу, которое служитъ бѣлугѣ вмѣсто весла. Питаются онѣ наиболѣе семгою, корюхою и другою мелкою рыбою. Гоняясь за нею, онѣ заходятъ въ рѣки. Плаваютъ обыкновенно, кувыркаясь, т. е. приподнимаясь изъ воды и въ слѣдъ затѣмъ, опускаясь въ нее. Дѣтей родятъ по одному или по два.

Иногда бѣлуги появляются у береговъ Новой Земли цѣлыми юровами т. е. стадами. Пахтусовъ, 24-го іюня 1833 года, видѣлъ такое юрово не меньше, какъ изъ 700 штукъ, въ числѣ которыхъ было много матокъ, несшихъ на хребтахъ своихъ дѣтенышей.

Изъ дельфиновъ, кромѣ уже вышеупомянутаго Delphinus Leucas, еще имѣются косатка (Delphinus Orca) и морская свинья, на счетъ которой Г. Бэръ недоумѣваетъ, причислять ли ее къ Delphinus Delphis или къ Delph. Phocaena.

Изъ семейства китообразныхъ (Cetaceae) море около Новой земли являетъ еще родъ кита, или собственно гиббара (Balaenoptera) съ весьма короткою бородою. Онъ впрочемъ заходитъ сюда только изрѣдка, между тѣмъ какъ у береговъ Лапландіи показывается весьма часто. Замѣчательно, что Гренландскій китъ, повидимому, никогда не заблуждается въ окрестности Новой Земли, и посему г. Ф. Бэръ полагаетъ, что ловля китовъ, которую Норманы, по свидѣтельству Отера, отправляли въ 9-мъ вѣкѣ у Нордкапа, собственно имѣла предметомъ своимъ вышесказаннаго гиббара.

Изъ рыбъ глубокій сѣверъ, даже тамъ, гдѣ онъ весьма богатъ недѣлимыми, обыкновенно обладаетъ только немногими видами, отчасти потому, что прѣсная вода тамъ лишена особо принадлежащихъ ей формъ, какими она преизобилуетъ въ теплыхъ странахъ, а имѣетъ только такихъ рыбъ, которыя въ извѣстное время заходятъ изъ моря. Г. фонъ-Бэръ не могъ собрать на Новой Землѣ болѣе 10-ти видовъ. Самый замѣчательный изъ нихъ голецъ (Salmo alpinus Fabr.), родъ семги съ мелкими, едва замѣтными, чешуйками, отчего и получилъ свое названіе. Длиною бываетъ до $^3/_4$ аршина, вѣсомъ отъ 3 до 15 фунтовъ: заходитъ осенью въ горныя озера, которыя почти всѣ, такъ же, какъ и рѣки, соединяющія ихъ съ

моремъ, изобилуютъ этою рыбою: весною же снова возвращается въ море. Въ іюмъ году онъ ловится въ чрезвычайномъ множествѣ и далеко развозится за предѣлы Новой Земли. Онъ впрочемъ, кажется, свойственъ только западному берегу. Въ рѣкахъ же на восточномъ берегу его, по замѣчанію Лошкина, вовсе нѣтъ.

Омуль (Salmo Omul, Pallas) водится болѣе въ восточной части Новой Земли.

Изъ прочихъ рыбъ для хозяйства природы имѣютъ нѣкоторое значеніе только треска (Gadus) и Cyclopterus Liparis.

Глубокій сѣверъ весьма бѣденъ насѣкомыми, потому что они, такъ же, какъ и растенія, требуютъ для своего существованія опредѣленнаго количества и нѣкоторой продолжительности теплоты. Но насѣкомыя не такъ легко могутъ быть акклиматизированы, какъ растенія. Этой причинѣ г. фонъ-Бэръ приписываетъ то, что на Шпицбергенѣ собственно нѣтъ настоящихъ насѣкомыхъ. На Новой Землѣ г. Леманнъ нашелъ до 10 видовъ и изъ нихъ семь, которые не чужеядны. Изъ Гренландіи Фабриціусъ описалъ гораздо болѣе породъ и между ними даже нѣсколько бабочекъ, а Скоресби присовокупилъ къ нимъ еще нѣсколько видовъ изъ восточной Гренландіи. Но западная Гренландія, хотя и слыветъ въ общежитіи какъ бы тѣмъ странъ глубокаго сѣвера, потому что издавна сдѣлалась общеизвѣстною чрезъ миссіонеровъ братской общины, особенно въ южныхъ своихъ частяхъ гораздо болѣе благопріятствована природою, (тамъ между прочимъ еще подъ 61° с. ш. растутъ березы отъ 2 до 3 саженъ вышиною и толщиною съ ногу) [1]). Эгеде нашелъ зерно, которое онъ для опыта посѣялъ подъ 64°, 13 сентября уже околосившимся и даже съ крупинками [2]). Изъ этого видно, что западная Гренландія не входитъ въ сравненіе съ Новою Землею, да и метеорологическія наблюденія достаточно доказываютъ, что тамъ гораздо болѣе тепла. Но и страны, надѣленныя значительно низшею среднею годичною температурою, чѣмъ Новая Земля, гораздо обильнѣе жизнью, если только лѣтомъ въ нихъ развивается больше теплоты. Нижне-Колымскъ имѣетъ среднюю годичную температуру — 10° Ц. По наблюденіямъ же Врангеля недалеко оттуда находится граница высокоствольныхъ деревъ и если бы не близость морскаго берега, она достигла бы до этого мѣста, потому что близъ Нижне-Колымска еще встрѣчаются приземистые Сибирскіе кедры и множество кустарника. Комары въ короткое лѣто становятся тамъ нестерпимою мукою.

Впечатлѣніе, которое производитъ скудная жизнію природа Новой Земли на посѣтителя, г. фонъ-Бэръ описываетъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Одно изъ дѣйствій, производимыхъ на насъ отсутствіемъ деревъ и даже рослой травы, — это чувство одиночества, чувство, овладѣвающее душою не только мыслящаго наблюдателя, но и самаго грубаго матроса. Это чувство не имѣетъ въ себѣ ничего стѣснительнаго, напротивъ того, въ немъ есть что-то торжественное, и оно можетъ быть сравниваемо только съ тѣмъ могучимъ впечатлѣніемъ, какое производитъ на насъ видъ Альповъ. Я не

1) См. Egede, Nachricht von der Grönländischen Mission, стр. 78.
2) Тамъ же, стр. 106 и 112.

могъ подавить въ себѣ мысли, невольно мнѣ представившейся, будто теперь только-что настаетъ утро мірозданія и вся жизнь еще впереди... Иногда, правда, видишь движущееся по землѣ животное; иногда вдали отъ берега видна большая чайка, носящаяся по воздуху, но этого не довольно для оживленія ландшафта. Недостаетъ, при тихой погодѣ, звуковъ и движенія, особенно, когда предпримешь экскурсію во внутрь страны по удаленіи множества гусей, витающихъ, во время линянья перьевъ, по озерамъ. И безъ того уже скудныя на Новой Землѣ сухопутныя птицы не голосисты, беззвучны также сравнительно еще болѣе скудныя насѣкомыя. Даже песецъ слышенъ бываетъ только ночью. Это совершенное отсутствіе звуковъ, особенно господствующее въ ясные дни, напоминаетъ собою тишину могилы и вдругъ выходящія изъ подъ земли, прямо снующія передъ вами и столь же внезапно опять исчезающія, пеструшки являются какъ будто какими то призраками. Однакожъ вопреки этимъ слѣдамъ животной жизни, ея какъ будто-бы нѣтъ, потому что слишкомъ мало замѣтно движенія. Въ другихъ странахъ мы привыкли видѣть, что листья высокихъ растеній и деревъ своимъ шелестомъ обнаруживаютъ присутствіе легкаго зефира: низкія же растенія глубокаго сѣвера недоступны и легчайшему вѣтерку, — ихъ можно почесть какъ бы нарисованными. Да и почти не видать насѣкомыхъ, которыя искали бы на нихъ удовлетворенія своихъ потребностей. Изъ многочисленнаго семейства жуковъ нашлось одно только недѣлимое, коровка (Chrysomela), можетъ быть новое. Иногда, правда въ солнечный день и на согрѣтомъ мѣстѣ напр. около небольшихъ выдающихся скалъ порхаетъ пчела; но она едва жужжитъ, какъ и у насъ въ ненастные дни. Не много чаще встрѣчаются комары и мухи; но и они такъ рѣдки, такъ смирны и вялы, что ихъ должно почти искать, чтобы замѣтить ихъ. Я не припомню, чтобы кто нибудь изъ насъ жаловался на укушеніе комаромъ, и почти невольно стоскуешься по этимъ назойливымъ воздушнымъ обитателямъ Лапландіи, чтобы только почувствовать хотя нѣсколько жизни въ природѣ». Какъ самое явное доказательство рѣдкости насѣкомыхъ на Новой Землѣ, г. Бэръ приводитъ то обстоятельство, что онъ въ трупѣ моржа, лежавшемъ болѣе двухъ недѣль на берегу, столь же мало открылъ слѣдовъ личинки насѣкомыхъ, какъ и въ костяхъ убитаго въ прежніе года звѣря, хотя на немъ не было недостатка въ изсохшихъ мясистыхъ частяхъ. И такъ, по остроумному замѣчанію естествоиспытателя, избитая фраза нашихъ надгробныхъ рѣчей, что человѣкъ становится добычею червей, теряетъ свое значеніе на глубокомъ сѣверѣ и тотъ, кто страшится этой участи, можетъ дать себя похоронить на Новой Землѣ или на Шпицбергенѣ, гдѣ и общеразрушительныя силы природы будутъ дѣйствовать на него только весьма медленно [1]).

[1]) Да и то только надъ землею, а въ нѣкоторой глубинѣ трупы остаются замерзшими.

ГЛАВА VII.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НА НОВОЙ ЗЕМЛѢ.

1. Общія замѣчанія.

Изобиліе морскими животными искони привлекало къ берегамъ Новой Земли множество промышленниковъ, особенно изъ архангельскаго поморья [1]), но иногда также изъ числа самоѣдовъ, которые однако отправляются туда болѣе для ловли оленей.

При отправленіи своего промысла поморцы держатся извѣстныхъ правилъ и обычаевъ, издавна у нихъ принятыхъ и ненарушимо ими соблюдаемыхъ изъ рода въ родъ.

Обыкновенно они отправляются изъ Архангельска на небольшихъ своихъ судахъ, т. е. лодьяхъ [2]) и карбасахъ [3]), въ началѣ лѣта, лишь только Бѣлое море вскроется отъ льда, а другіе осенью, если они собираются зимовать на Новой Землѣ [4]). Промышленники каждаго судна, называемые также покрутченниками, или покрутчиками, составляютъ особую артель, числомъ отъ 8-ми до 20-ти человѣкъ. Глава этого общества и вмѣстѣ съ тѣмъ правящій судномъ, подобно капитану, называется кормщикомъ, второй по немъ въ начальствѣ судна —

[1]) Подъ словомъ поморье или поморскій берегъ разумѣется часть западнаго берега Бѣлаго моря отъ города Онеги до входа въ Кандалакскій заливъ. (Изсл. о сост. рыбол. въ Россіи, т. VII, стр. 99).

[2]) Лодья-плоскодонное судно, отъ 36 до 60 и болѣе фут. длиною, отъ 10—18 ф. шириною и отъ 7 до 11 ф. глубиною. При углубленіи въ водѣ до 9 фут. оно способно поднимать грузу до 12,000 пудовъ; обыкновенно же углубляется въ воду отъ 3 до 5 ф. и тогда поднимаетъ грузу отъ 1500 до 9600 ф. Недостатокъ этого судна состоитъ въ томъ, что оно неповоротливо, а посему на немъ опасно плавать по открытому морю. (Матеріалы для геогр. и статист. Россіи, собр. Офицерами Гл. Штаба. Арх. губ. СПб. 1865.)

[3]) Карбасъ, наиболѣе употребительное изъ всѣхъ бѣломорскихъ судовъ, отъ 18 до 28 ф. длиною и отъ $4^1/_2$ до 6 ф. шириною; въ водѣ сидитъ на 1 футъ, ходитъ на веслахъ и на парусахъ. Смотря по различію промысла, оно имѣетъ разныя названія. Для весеннихъ промысловъ морскихъ звѣрей употребляется такъ называемый весновальный карбасъ о двухъ мачтахъ и о 6 веслахъ, до 28 фут. длиною, до 4-хъ шириною и до $2^1/_2$ глубиною. Строится по всему Поморью, въ Холмогорахъ и въ Мезени. Для того, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было тащить его по льду, къ днищу придѣланы два деревянные полоза. (Тамъ же).

[4]) Въ настоящее время изъ архангельскаго поморья уже не идутъ болѣе туда на зимовку, но съ Печоры ходятъ еще каждый годъ по нѣсколько судовъ зимовать на Н. З. (Изсл. о сост. рыбол. въ Россіи, т. VI, стр. 161).

полукормщикомъ, а третій — у́женщикомъ [1]). Всѣ прочіе въ качествѣ рядовыхъ служителей, обязаны повиноваться этимъ начальникамъ, подъ опасеніемъ наказанія, если провинятся въ какомъ либо важномъ нарушеніи дисциплины. Всѣ эти лица состоятъ, такъ сказать, въ подрядѣ у хозяина, затрачивающаго свой капиталъ на такое промышленное предпріятіе и слѣдовательно берущаго на себя всѣ издержки и заботы для надлежащаго его снаряженія.

Для жительства на Новой Землѣ поморцы берутъ съ собою готовый деревянный срубъ избы или складную избу, отъ 2-хъ до 3-хъ саженъ въ длину и ширину, вмѣстѣ съ сѣнями въ $1^1/_2$ или 2 саж. въ квадратѣ и съ запасомъ дровъ назиму. Для промысла на мѣстѣ, каждая лодья везетъ съ собою отъ 5-ти до 10-ти карбасовъ, которые помѣщаются по бортамъ и на рострахъ судна, вкладываемые одинъ въ другой. Сверхъ того запасаются и провіантомъ на цѣлый годъ, на счетъ хозяина [2]). Каждаго изъ рабочихъ людей на суднѣ хозяинъ еще снабжаетъ оленьею шкурою для постели и овчиннымъ одѣяломъ, а равно всѣмъ необходимымъ для промысла, какъ-то: огнестрѣльнымъ оружіемъ, порохомъ, рыболовными снастями и пр. Съ другой стороны, покрученники обязаны предоставлять хозяину всю свою добычу морскихъ или горныхъ животныхъ и дѣлить съ нимъ весь промыселъ соразмѣрно количеству ужны. Хозяинъ обыкновенно беретъ на свою долю $^2/_3$ всего промысла, а послѣднюю треть раздѣляетъ на разныя части: кормщикъ получаетъ вчетверо или впятеро, а иногда вшестеро или всемеро больше противъ простаго рабочаго, полукормщикъ — половину противъ кормщика, а простые покрутченики — особый участокъ (покрутъ), смотря по заключенному ими съ хозяиномъ обоюдному договору.

Переѣздъ по Бѣлому и Ледовитому морямъ иногда бываетъ сопряженъ для промышленниковъ съ опасностію быть заключенными между плавающихъ льдинъ. Въ такомъ случаѣ ледъ сокрушаетъ своимъ давленіемъ утлое судно и людямъ остается роковой выборъ или быть тутъ же погребенными въ волнахъ, или носиться на льдинахъ по морю, доколѣ холодъ и голодъ не положатъ конецъ ихъ страданіямъ. Но иногда случается, что эти смѣльчаки, послѣ нѣсколькихъ недѣль плаванія на льдинахъ, невредимо достигаютъ берега.

По прибытіи на Новую Землю промышленники [3]), приведши свое судно въ безопасную якорную стоянку, иногда находятъ себѣ близъ нея избу, оставшуюся послѣ прежнихъ промышленниковъ. Въ противномъ случаѣ они немедленно принимаются строить себѣ на выбранномъ для зимовки мѣстѣ становую избу, т. е. главное жилье зимующихъ промышленниковъ съ сѣнями, баней и шалашомъ для провіанта, а затѣмъ строятъ еще нѣсколько мень-

---

[1]) Отъ слова ужна — пай, т. е. доля провіанта, требующагося на каждаго промышленника, а равно и добычи отъ промысла.

[2]) Лепехинъ исчисляетъ въ своемъ путешествіи IV ч., стр. 142, въ чемъ именно состоитъ этотъ годовой запасъ на одного рабочаго: 30 пудовъ ржи и ячной муки, 5 пуд. житной крупы и толокна, 5 пуд. соленой трески, 5 пуд соленаго мяса, 1 пуд. коровьяго масла, 5 фунтовъ коноплянаго масла, 2 или 3 ф. меду-сырцу на кисель, 5 ф. гороху, 5 небольшихъ ушатовъ кислаго молока или творогу съ сывороткою, что составляетъ бочку въ аршинъ длиною и въ столько же шириною. Наконецъ, какъ средство отъ цынги, заготовляется еще такая же бочка морошки.

[3]) Они обыкновенно норовятъ попасть туда около Петрова дня, а иногда въ безледные годы и раньше въ началѣ Іюня къ поздней Троицѣ, какъ они выражаются. Изслѣд. о сост. рыболовства въ Россіи т. VI, стр. 158.

шихъ избъ, называемыхъ разволочными, которыя служатъ имъ временными караульнями при ловлѣ песцовъ. Эти разволочныя избы, для удобнѣйшаго промысла во время зимы, ставятся въ разстояніи отъ 5-ти до 10-ти верстъ съ тѣмъ, чтобы кулемникъ (пространство, обхватываемое кулемами, см. ниже), занимало больше мѣста вдоль берега, потому что песцы въ зимнюю пору питаются выбрасываемыми изъ моря убитыми звѣрями. Въ такой караульнѣ обыкновенно бываетъ отъ 2-хъ до 3-хъ человѣкъ, которые отъ времени до времени смѣняются изъ главнаго становища.

Устройство становой избы на Новой Землѣ всегда одинаково. Въ ней нѣтъ деревяннаго пола. По обѣимъ сторонамъ избы сдѣланы изъ досокъ нары, служащія вмѣсто кроватей. Въ серединѣ оставляется узкій проходъ не болѣе 2-хъ аршинъ шириною. Сверхъ того, внутри жилья находится черная печь безъ дымовой трубы, отчего изба во время топки всегда наполняется дымомъ. Происходящій оттого угаръ иногда причиняетъ зимующимъ на Новой Землѣ промышленникамъ и мореходцамъ скоропостижную смерть.

По окончаніи промысла, поморцы возвращаются къ хозяину судна съ грузомъ, состоящимъ изъ моржеваго, тюленьяго, бѣлужьяго и медвѣжьяго сала, шкуръ разныхъ звѣрей, гагачьяго пуха и пр. и раздѣляютъ съ нимъ свою добычу по выше объясненному порядку. Но промыселъ не всегда бываетъ удаченъ: иногда затраченный хозяиномъ на предпріятіе капиталъ пропадаетъ безвозвратно. Лепехинъ говоритъ, что въ его время требовалось на снаряженіе судна отъ 1500 до 2000 руб. Незажиточный купецъ не въ состояніи вынести такой уронъ. Оттого въ его время 1772 года во всемъ Архангельскѣ было только двое судохозяевъ, изъ коихъ одинъ, Панфилъ Кудиновъ, отправлялъ на промыселъ къ Новой Землѣ одно судно, а другой, Матвѣй Сгукачевъ, посылалъ также одно судно къ Шпицбергену. Сверхъ того, Даниловское общество старообрядцевъ отпускало одно судно къ Новой Землѣ, а изъ Мезени ходило туда на одно только лѣто четыре судна. Вообще Новоземельская промышленность состоитъ въ нѣкоторой связи съ Шпицбергенскою. Если на Шпицбергенѣ китовая ловля была особенно обильна, спросъ на добываемое съ Новой Земли сало уменьшается и цѣна на него падаетъ. Это случилось въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Требованіе за-границу сала изъ Архангельска понизилось отъ 40—70 тысячъ пудовъ до 10 и 20 тысячъ. Къ тому же, около того времени, нѣкоторые изъ лучшихъ кормщиковъ померли. Нѣсколько судовъ, ввѣренныхъ менѣе опытнымъ людямъ, претерпѣли неудачу, другія были затерты льдами въ сѣверныхъ частяхъ Новой Земли. Вслѣдствіе этого архангельскіе судохозяева понесли большіе убытки и на нѣсколько лѣтъ прекратили свои предпріятія [1]). По причинѣ этихъ частыхъ неудачъ г-нъ Бэръ по справедливости уподобляетъ экспедиціи на Новую Землю азартной игрѣ. Если море очень свободно отъ льдовъ, уронъ бываетъ огромный, но одинъ день способенъ вознаградить весь претерпѣнный ущербъ. По этой-то причинѣ предпріятія промышленниковъ въ теченіе вѣковъ безпрестанно возобновляются, хотя иногда и прекѣкаются временно. Обыкновенно послѣдствіемъ одного удачнаго года бываетъ то, что въ слѣдующемъ

[1]) Четырекратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый Океанъ капитана Литке; ч. I, стр. 148, 149.

году идетъ слишкомъ много судовъ на Новую Землю и чрезъ то или истребляютъ или, по крайней мѣрѣ прогоняютъ этихъ животныхъ, привыкшихъ къ общежительству. Такъ въ 1834 году, послѣ временнаго застоя, нѣсколько промышленныхъ предпріятій были особенно счастивы. Зато въ слѣдующемъ году съ одного Поморья пустилось къ Новой Землѣ около 80 судовъ, на которыхъ можно считать около 1000 человѣкъ. Въ 1836 году количество судовъ понизилось до половины. Въ 1837 отправилось туда 20 судовъ, но одно только, проникшее въ Карское море, пріобрѣло значительный барышъ, одно или два съ трудомъ покрыли свои издержки, а прочія потеряли болѣе половины капитала, употребленнаго на снаряженіе судовъ [1]). Въ настоящее же время новоземельскіе промыслы упали еще болѣе, такъ что въ 1859 и 1860 годахъ съ Поморья отправлялось туда не болѣе 5 или 6 судовъ [2]).

Причина такого упадка, сверхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, можетъ быть, еще заключается и въ томъ, что Новоземельскіе промышленники, конечно болѣе отъ недостатка потребныхъ капиталовъ, слишкомъ упорно придерживаясь однажды принятыхъ ими старинныхъ обычаевъ, остаются недоступными всякому нововведенію, которое могло бы существенно возвысить собственныя ихъ выгоды. Великій переворотъ, совершившійся въ промышленномъ мірѣ, отчасти передъ ихъ глазами, одною только волшебною силою пара, прошелъ мимо ихъ, вовсе, какъ будто незамѣченный ими. Какъ исконн, такъ и поныпѣ они пускаются въ дальнее и опасное свое плаваніе на обыкновенныхъ лодьяхъ, похожихъ не только по наружному своему виду, но и по своему оснащенію на чухонскія лайбы или на галіоты (лихтера), служащіе для перевоза товаровъ между С.-Петербургомъ и Кронштадтомъ. Эти плоскодонныя двухмачтовыя суда съ палубою, вмѣщающія въ себѣ довольно груза и сидящія въ водѣ мало, могутъ въ обширныхъ становьяхъ безопасно стоять на мели. Хотя они въ этомъ отношеніи и приспособлены къ мѣстному своему назначенію, но для переходовъ по бурному морю слишкомъ ненадежны и въ этомъ случаѣ примѣненіе нѣкоторыхъ усовершенствованій, сдѣланныхъ особенно для недавнихъ экспедицій въ полярныя страны англичанами и сѣвероамериканцами, конечно, могло бы принести несомнѣнную пользу. Для промысловъ на самомъ мѣстѣ поморы берутъ съ собою отъ 5 до 10 карбасовъ, т. е. меньшихъ гребныхъ лодокъ, также самаго простѣйшаго устройства, напоминающихъ собою, какъ и самыя лодьи, первобытность судоходства. Прежде они не руководствовались даже ни картами, ни лагомъ, а однимъ только своимъ собственнымъ компасомъ [3]) и направляли свой ходъ по навыку, наиболѣе соображаясь съ силою вѣтра: отъ Канина Носа держали мимо Колгуева на NO или ONO, смотря по тому, въ какую именно часть Новой Земли хотѣли попасть. При благопріятнѣйшихъ условіяхъ самый большой ходъ судна бываетъ до 200 верстъ въ сутки, тогда какъ съ примѣненіемъ пара они могли бы гораздо болѣе ускорить свое плаваніе.

[1]) Baer Expedition à Novaia Zemlia въ Bulletin de l'Académie. T. III 1838 г., стр. 349.

[2]) Изслѣдованія о сост. рыболовства въ Россіи. T. VI. 1862, стр. 157.

[3]) Это обыкновенный компасъ, но румбы его картушки носятъ особыя названія по 8-ми главнымъ: сѣвера, полуночника, востока, обѣдника, полдня, шалонника, запада и глубника. Послѣднимъ именемъ они означаютъ NW, потому что онъ ведетъ отъ Архангельска, Мезени и св. Носа въ глубину, въ море. Названіе шалонника вѣроятно заимствовано отъ Новгородцевъ (см. Журн. Мануф. и Торг. 1835 кн. 5 стр. 60 и сл.).

Впрочемъ надобно удивляться, какъ эти смѣлые удальцы, при столь скудныхъ своихъ средствахъ, могутъ совершать такія опасныя предпріятія. Частыя ихъ путешествія на Новую Землю освоили ихъ какъ съ природою водъ, ими посѣщаемыхъ, такъ и съ важнѣйшими для нихъ урочищами острова. Многіе изъ нихъ, посѣщая Новую Землю съ самой своей юности почти изъ года въ годъ, пріобрѣли необыкновенную опытность и узнаютъ по вѣтрамъ и временамъ года, въ какой именно губѣ или въ какомъ краю моря болѣе всего скопляются тѣ или другія животныя и въ какую именно пору всего выгоднѣе производить тотъ или другой промыселъ. Со временъ же путешествій Литке и Пахтусова они ознакомились съ картами того края и съ большею вѣрностію могутъ разсчитывать свои предпріятія.

Къ чести промышленниковъ надо замѣтить то, что они отличаются большою честностію и почти никогда не случается, чтобы кто нибудь изъ нихъ похитилъ добытые промыслы изъ ямы, или чтобы покрутчики утаили что нибудь изъ вырученныхъ за продажу, денегъ или чтобы кто нибудь изъ нихъ, попавъ на побитую залежку, обобралъ ее [1]).

Но поставляя на видъ лицевую сторону предмета, нельзя не коснуться здѣсь и оборотной его стороны. Это—страсть поморовъ, которую они раздѣляютъ впрочемъ съ промышленниками другихъ, даже образованнѣйшихъ націй, голландцевъ, англичанъ и пр., предаваться, по окончаніи промысловъ, разгулу въ самомъ широкомъ значеніи этого слова и безразсчетно расточать въ нѣсколько недѣль и даже дней, все то, что было ими нажито съ такимъ трудомъ, съ такими опасностями и лишеніями.

Было время, когда Новая Земля считалась могилою для посѣщающихъ ее мореходцевъ. Но если дѣйствительно на Новой Землѣ въ разныя времена погибало много людей и если справедливо и то, что человѣкъ не успѣлъ основать себѣ тамъ постоянное жилище, то это происходило не отъ того, чтобы тамошній климатъ былъ самъ по себѣ вреденъ. Лѣтомъ, правда, тамъ бываютъ сильные и непостоянные вѣтры, а зимою бури съ мятелью иногда свирѣпствуютъ непрерывно по цѣлымъ недѣлямъ съ такою жесткостію, что человѣкъ не устоитъ на ногахъ и не можетъ видѣть передъ собою кого либо въ 5-ти саженяхъ [2]). Застигнутые такою бурею люди нерѣдко бываютъ заживо погребаемы въ снѣгу, а становыя избы заноситъ снѣгомъ и заключенные въ нихъ много претерпѣваютъ отъ недостатка движенія, отъ испорченнаго испареніями воздуха и особенно отъ духоты, причиняемой горящимъ въ свѣтильникахъ саломъ, отчего они чувствуютъ въ гортани постоянную горечь и изорга у нихъ появляется черная слина. Къ тому же длинная полярная ночь, продолжающаяся болѣе двухъ, а иногда около трехъ мѣсяцевъ производитъ на человѣка какое-то томительное впеча-

---

[1]) Путеш. Лепехина ч. VI, стр. 12.

[2]) Пахтусовъ въ первую свою экспедицію 24 апрѣля 1883 года былъ застигнутъ такою мятелью, что люди его бросились ницъ и были занесены снѣгомъ, и хотя въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда были зарыты въ снѣгу съѣстные припасы, однако невозможно было достигнуть ихъ и они три дня оставались подъ снѣгомъ безъ всякой пищи. Розмысловъ въ одну такую вьюгу лишился одного изъ своихъ спутниковъ. Да, и г. Бэръ испыталъ во время своей экспедиціи бурю, продолжавшуюся съ одинакою жестокостью 9 дней сряду, въ продолженіи которыхъ нельзя было выходить изъ избы.

тлѣніе. Въ это-то время въ тѣсныхъ, грязныхъ и худо построенныхъ избахъ развивается въ сильной степени цынга. Бывали примѣры, что отъ нея погибали цѣлыя артели промышленниковъ и экипажи морскихъ судовъ [1]). Однако примѣры Литке и Пахтусова доказали, что при соблюденіи нѣкоторыхъ правилъ чистоты, движенія на вольномъ воздухѣ и осторожности въ пищѣ и питьѣ можно избѣгнуть цынги. Притомъ же сама предусмотрительная природа является тутъ на помощь человѣку, разсадивъ здѣсь повсюду щедрою рукою цѣлебное средство отъ этого злаго недуга, — ложечную траву (Cochlearia officinalis).

Сверхъ того промышленники съ пользою употребляютъ отъ цынги моченую морошку, отваръ сосновыхъ шишекъ и морской Новоземельскій салатъ, а самоѣды, и, по ихъ примѣру, также Русскіе, — горячую кровь и сырое мясо оленей [2]).

Съ другой стороны справедливость требуетъ замѣтить, что по благорастворенію воздуха на Новой Землѣ неизвѣстны, или по крайней мѣрѣ весьма рѣдки, разныя болѣзни, свойственныя другимъ краямъ, какъ то напр. горячка. Одержимые ею, еще на дорогѣ, промышленники, по прибытіи на Новую Землю, отъ одной только перемѣны воздуха, въ короткое время совершенно исцѣляются [3]).

2. Промыслы.

Хотя природа и создала Новую Землю неудобообитаемою, однако она не сдѣлала ее безполезною для человѣка, а напротивъ того щедро надѣлила ее дарами, не только полезными, но даже, можно сказать, крайне необходимыми, именно для обитателей сѣвера, замѣнивъ тѣмъ отчасти свою къ нимъ скупость въ другихъ отношеніяхъ.

Здѣсь, въ этой безлюдной пустынѣ, они находятъ все, что нужно для ихъ пропитанія, одежды, освѣщенія и для разныхъ другихъ потребностей жизни; а посему Новоземельскіе промыслы составляютъ важный предметъ народнаго хозяйства, достойный обращать на себя вниманіе заботливаго правительства. Ихъ можно раздѣлить на три отрасли: морскія, рѣчныя и сухопутныя.

---

[1]) Такъ, по разсказу кормщика Рахманина, около 1774 года въ становищѣ на берегу Черной губы померли отъ цынги одиннадцать человѣкъ промышленниковъ, которые были отправлены туда архангельскимъ купцомъ Зыковымъ.

[2]) Цынготная болѣзнь, по словамъ Пахтусова, считается у Самоѣдовъ постыдною и они неохотно допускаютъ, чтобы кто либо изъ нихъ могъ умереть отъ нея. По этому поводу Пахтусовъ разсматриваетъ вопросъ, кто болѣе способенъ къ зимовьямъ въ необитаемомъ краю, Русскіе ли или Самоѣды и рѣшаетъ его въ пользу первыхъ, потому что Самоѣды, особенно если съ ними не случится Русскаго, который распоряжался бы ими, вслѣдствіе лѣнивой и праздной своей жизни, въ такихъ случаяхъ неминуемо подвергаются цынгѣ. Записки Гидрогр. Деп. ч. 1 1842, стр. 147, 148. — Но если справедливо, что Русскіе предусмотрительнѣе Самоѣдовъ, то съ другой стороны нельзя отрицать того, что полѣдніе, уже по одной свычкѣ отъ самой колыбели съ природою глубокаго сѣвера, способнѣе переносить лишенія полярной зимы.

[3]) Впрочемъ Пахтусовъ во 2-ую свою экспедицію въ исходѣ апрѣля 1835 года лишился одного изъ своихъ людей, Симонова, отъ нервной горячки.

Главное богатство Новой Земли заключается въ чрезвычайномъ ея изобиліи морскими животными и разнаго рода рыбою. Это есть, такъ сказать, важнѣйшее подспорье поморцевъ и у нихъ на этотъ счетъ вошло въ поговорку: «была бы рыба, а хлѣбъ будетъ». Оттого неудача въ рыбномъ промыслѣ бываетъ для нихъ столько же ощутительна, какъ неурожай хлѣба въ хлѣбородныхъ частяхъ имперіи [1]).

Статьи морской Новоземельской промышленности составляютъ моржи, разнаго рода тюлени и бѣлуга, но главная изъ нихъ — моржевой промыселъ, которымъ наиболѣе занимаются мезенцы, а въ послѣднее время ижемцы.

Этотъ промыселъ, сопряженный съ наибольшими трудностями и опасностями, производится отъ исхода іюня по начало августа и потомъ на короткое время возобновляется съ середины августа.

По прибытіи къ Новой Землѣ, хозяинъ посылаетъ свои карбасы въ море промышлять моржей. Выбравъ на этотъ конецъ хорошую погоду, въ которую моржи любятъ отдыхать или лащиться на сушѣ или на льдинахъ, промышленники пускаются въ море, покрытое плавающими льдами, на своихъ небольшихъ безналубныхъ карбасахъ, изъ которыхъ на каждомъ бываетъ по 4 человѣка; а какъ эти суда не могутъ выдерживать бурь и зыби въ открытомъ морѣ: то они стараются войти, какъ можно скорѣе, въ плавучій ледъ, въ предѣлахъ котораго, если онъ раскинутъ на большое пространство, нѣтъ никакого волненія. Если же ледъ начинаетъ спирать ихъ, грозя сокрушить судно, то они выгаскиваютъ его на льдину. Каждый карбасъ везетъ съ собою сверхъ провіанта необходимыя для ловли орудія, какъ то: носки [2]), спицы [3]), винтовки, порохъ, лямки [4]) и пр.: воду же промышленники достаютъ себѣ изъ льду или снѣга. Отъѣхавъ отъ берега верстъ на десять, каждый карбасъ выбираетъ себѣ большую льдину и, приставъ къ ней, разъѣзжаетъ по ней въ разныя стороны или люди обводятъ около нея свой карбасъ на лямкахъ, высматривая, не найдутъ ли гдѣ нибудь залежки, гдѣ собраны моржи. Открывъ ее, они подъѣзжаютъ или подходятъ къ ней съ подъ вѣтра для того, чтобы моржи по чуткости своего обоняніи не почуяли приближенія къ нимъ людей, а иначе они всѣ немедленно ныряютъ въ воду. Достигши залежки, промышленники стремятся заградить моржамъ своими острогами путь къ краю льдины, для чего требуется необыкновенная ловкость и проворство. Заколовъ тутъ тѣхъ моржей, которые прежде всѣхъ хотѣли спастись въ море, промышленники спѣшатъ отбить остальныхъ отъ продушины, обыкновенно дѣлаемой ими по срединѣ льдины. Послѣ этого моржи, не находя себѣ нигдѣ убѣжища, собираются въ кучу, лазя одинъ на другаго

[1]) Вообще пища у жителей поморья преимущественно рыбная. Мясо они ѣдятъ весьма рѣдко, и какъ собственнаго урожая хлѣба далеко недостаточно для ихъ продовольствія, то рыба составляетъ для нихъ важнѣйшее средство къ пріобрѣтенію себѣ необходимаго имъ количества этой главной потребности человѣка.

[2]) Родъ остроги или гарпуны, снабженной широкимъ обоюдо-острымъ лезвеемъ въ видѣ кинжала, которое кверху съуживается. Поверхъ него съ одной стороны прикрѣпленъ крюкъ, а съ другой придѣлана трубка, въ которую слабо втыкается древко. Къ трубкѣ привязывается длинная обора или ремень.

[3]) Спицы родъ вилъ, которыми колютъ звѣрей.

[4]) Толстый ремень до $3^1/_2$ аршинъ длиною.

съ тѣмъ, чтобы своею теплотою растопить льдину или своею тяжестью проломить ее. И тутъ то промышленники удобно убиваютъ ихъ дубинками одного за другимъ.[1]) Потомъ взбираются на другой торосъ, убивая между тѣмъ носками, спицами или изъ ружья тѣхъ моржей, которые покажутся изъ воды по близости судна. Иногда у одной залежки добываютъ такимъ образомъ столько моржей, что на судахъ своихъ могутъ увезти только ихъ головы и клыки, а шкуру и жиръ покидаютъ на мѣстѣ, или же часть побитыхъ звѣрей оставляютъ на льдинѣ, а позже, возвратясь съ берегу и отыскавъ торосъ, обираютъ остальную добычу.

Но если моржи успѣютъ заблаговременно укрыться въ собственную свою стихію, воду, то съ ними начинается борьба, гораздо опаснѣйшая. Не надобно забывать того, что человѣкъ имѣетъ здѣсь дѣло съ врагомъ, величиною не меньше вола, и вооруженнымъ кромѣ острыхъ зубовъ, еще двумя огромными крѣпкими клыками. Въ этомъ случаѣ нападеніе на нихъ производится со льдинъ носками, которые прикрѣплены длиннымъ ремнемъ къ древку и которые моржеловъ старается вонзить въ грудь своему противнику. Затѣмъ, воткнувъ въ льдину колъ, промышленники обвиваютъ около него другой конецъ длинной оборы или ремня и стоя на торосѣ, уносятся моржемъ въ море до тѣхъ поръ, пока звѣрь не выбьется изъ силъ, послѣ чего вытаскиваютъ его ремнемъ на льдину и добиваютъ въ конецъ.

Если же моржи лежатъ на льдинѣ такъ близко къ водѣ, что имъ удастся вскочить въ нее прежде нежели воспослѣдовало на нихъ нападеніе, то промышленники, бросивъ въ нихъ носки, прикрѣпляютъ ремень къ передней (носовой) части карбаса, который затѣмъ увлекается моржемъ такъ глубоко въ воду, что ловцы всѣ должны удалиться къ кормѣ. Послѣ тщетныхъ усилій оторваться отъ ремня, моржъ всплываетъ на поверхность воды и вступаетъ съ своими преслѣдователями въ страшный бой. Нерѣдко имъ удается сокрушить лодку своими клыками или ловкимъ прыжкомъ вскочить въ самую средину карбаса. Тогда людямъ не остается ничего болѣе, какъ самимъ выскочить изъ лодки и держась за край ея, дожидаться, пока не подоспѣютъ къ нимъ на помощь другіе ловцы. Для уменьшенія опасности въ такихъ несчастныхъ случаяхъ, промышленники не только напередъ принимаютъ всевозможныя предосторожности, но еще установляютъ между собою особыми правилами все, что должно соблюдать каждому изъ нихъ во время этой ловли.

Около средины лѣта, т. е. половины іюля, когда западная сторона южнаго острова очистится отъ льда и моржамъ становится тамъ уже слишкомъ тепло, они уходятъ въ Карское море, гдѣ всегда довольно льду[2]). Къ началу августа отряженные для ловли ихъ карбасы возвращаются къ своимъ судамъ. Около половины же августа промышленники съ своими судами спускаются къ Желѣзнымъ Воротамъ, и снова бьютъ моржей, возвращаю-

---

[1]) Прежде моржей часто стрѣляли изъ такъ называемыхъ моржовокъ, т. е. изъ широкодульныхъ ружей, но нынѣ этотъ способъ оставленъ для того, чтобы убивъ одного не запугать и не разогнать другихъ, вблизи находящихся моржей.

[2]) У сѣвернаго острова моржи бываютъ все лѣто и ходятъ цѣлыми стадами или семьями, матки съ дѣтьми; но туда забираются лишь немногіе промышленники. У южнаго же острова стада встрѣчаются рѣдко, а болѣе отдѣльно живущіе старые самцы и самки. Изсл. о сост. рыбол. т. VI, стр. 159.

щихся съ наступленіемъ осени изъ Карскаго моря въ океанъ. По окончаніи же этого вторичнаго промысла, суда возвращаются восвояси, стараясь вернуться въ Бѣлое море къ началу сентября мѣсяца. (Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи 1862. Т. VI. стр. 160, 161.

Статьи моржеваго промысла, поступающія въ торговлю, состоятъ изъ жиру, шкуры и клыковъ этихъ звѣрей.

Такъ какъ моржи очень велики и тучны [1]), — вѣсъ большаго моржа около ста пудовъ, — то ихъ обыкновенно не везутъ на берегъ, а свѣжуютъ на водѣ или на льдинѣ, гдѣ убили ихъ, и берутъ съ собою только кожу, содранную съ нихъ, вмѣстѣ съ тукомъ и клыками, а самую тушу, т. е. тѣло съ потрохами бросаютъ въ море.

Сыраго сала съ моржа получается отъ 10 — 15, а съ самаго большаго даже до 28 пудовъ. Обыкновенно промышленники привозятъ его домой нерастопленнымъ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ловятся моржи, не имѣется довольно для того дровъ. Но отъ этого жиръ не мало теряетъ своей доброты, а слѣдовательно и цѣнности. Добытый на Новой Землѣ жиръ покупается перекупщиками, которые, привезши его въ Архангельскъ или въ какое нибудь селеніе, кладутъ его въ особо вырытыя для того ямы или въ колоды, которыя ставятъ наклонно для того, чтобы сало удобно стекало въ другую подставленную колоду, изъ которой оно уже стекаетъ въ бочки. Такъ вытопленное солнечнымъ зноемъ сало называется сыротопомъ. Оно чисто, тонко и бѣловато, и хранится въ особыхъ сосудахъ. Оставшійся отъ сыротопа тукъ вываривается въ особыхъ мѣдныхъ котлахъ, вмѣщающихъ въ себѣ до 40 и болѣе пудовъ сала.

При растопленіи моржеваго жира обыкновенно примѣшивается къ нему еще тюленій и бѣлужій жиръ и эта смѣсь называется ворванымъ саломъ. По вытопкѣ обыкновенно получается $^3/_4$ вѣса жидкой ворвани и остается $^1/_3$ гущи, вовсе никуда уже негодной.

Ворвани прежде отпускалось за-границу отъ 2 до 10 тысячъ бочекъ, каждая въ 7 пудовъ вѣсомъ. Нынѣ средняя цѣна за пудъ ворвани — 2 руб. 50 коп. серебромъ.

Ворвань употребляется на мыловаренныхъ заводахъ, также при изготовленіи кожъ и для горѣнія въ свѣтильникахъ, а сверхъ того она пригодна и въ разныхъ ремеслахъ и искусствахъ. Впрочемъ моржевой жиръ не имѣетъ такой доброты, какъ жиръ нѣкоторыхъ другихъ морскихъ животныхъ: онъ слишкомъ жиловатъ и оттого твердъ, какъ хрящъ. Изъ одного моржа вытапливается отъ 8 до 10 пудовъ сала.

Кожа моржей употребляется разрѣзанная и вымятая безъ поддѣлки на подкаретные ремни (рессоры) и на гужи къ лошадинымъ хомутамъ, а изъ обрѣзковъ кожи вываривается клей, годный на бумажныхъ фабрикахъ.

---

[1]) По замѣчанію кормщика Рахманина моржи въ Карскомъ морѣ величиною и вѣсомъ меньше моржей западнаго моря: изъ первыхъ, по его словамъ, получается отъ 7 до 8, а изъ послѣднихъ — отъ 15 до 18 пуд. жиру.

Цѣльная кожа моржа стоитъ отъ 10 до 12 руб. сер. Если же промышленникъ разрѣжетъ ее на ремни, то можетъ выручить за нее до 40 руб. сер. [1]).

Клыки моржей идутъ на разныя рѣзныя издѣлія и украшенія; но кость ихъ не такъ чиста, какъ слоновая или мамонтовая, и отличается отъ послѣдней нѣкоторою сужелтью въ серединѣ, придающею ей видъ мрамора. Клыки Новоземельскихъ моржей отъ $^3/_4$ до 1 фунта, а иногда и до полупуда вѣсомъ. Сибирскіе же еще больше и бываютъ до 50 фунтовъ голова, т. е. пара клыковъ. Нынѣшняя цѣна клыкамъ 60 коп. за фунтъ.

Изъ вышеприведеннаго видно, что отъ самаго большаго моржа можно добыть: за 18 пудовъ вытопленной ворвани — 45 р. с.; за клыки — 12 р. с.; за кожи — 12 или 40 р. сер. итого отъ 69 до 97 руб. сер. Отъ обыкновенной же величины моржа: за 10 пудовъ чистаго сала 25 р. с.; за клыки — 4 р. с., за сырую кожу — 8 р., а за разрѣзанную на ремни — до 20 р. с. итого отъ 37 до 49 р. с. Обыкновенно судно добываетъ не болѣе 10-ти, а въ случаѣ особенной удачи и до 50 моржей [2]).

Такъ какъ прочія части моржа, т. е. самое его тѣло съ потрохами (по архангельскому нарѣчію раушка или равушка) бросается промышленниками въ море или на берегъ и по взморью Новой Земли, а равно Бѣлаго моря и въ устьѣ Печоры, многія тысячи такихъ тѣлъ пропадаютъ безъ всякой пользы, то Академикъ Гамель предлагалъ сдѣлать изъ нихъ слѣдующее употребленіе. Учредить въ удобныхъ мѣстахъ вдоль морскаго берега заводы для приготовленія изъ этихъ азотистыхъ продуктовъ сжатаго навоза; этотъ составъ перевозить на доценкахъ по рѣкамъ въ такія мѣстности, которыя способны для хлѣбопашества, но по причинѣ недостатка въ средствахъ удобренія не даютъ обильныхъ урожаевъ. Оттуда же на оборотъ привозить къ морскому берегу муку, соль и другіе припасы. Россія обладаетъ въ Ледовитомъ и Бѣломъ моряхъ неистощимымъ запасомъ такого годнаго для воздѣлыванія земли матеріала и, кажется, будто сама природа предлагаетъ его для оплодотворенія скудной почвы сѣвера, между тѣмъ какъ во внутренности имперіи, гдѣ подвозъ такихъ средствъ удобренія невозможенъ, Провидѣніе даровало жителямъ черноземъ, вовсе не нуждающійся въ какомъ либо навозѣ [3]).

Тюленей промышляютъ по большей части въ губахъ, а именно въ особо выбираемыхъ на то становищахъ. Эта ловля несравненно легче предъидущей. Отпустивъ свои карбасы на промыселъ моржей, хозяинъ самъ обыкновенно остается на судиѣ съ мальчикомъ и разставляетъ прометы, т. е. особаго рода ставныя сѣти, именно употребляемыя для ловли разнаго рода тюленей, какъ то: нерпъ, лысуновъ и морскихъ зайцевъ. Они дѣлаются изъ веревокъ толщиною съ линію, съ ячеями отъ узла до узла около 4 вершковъ. Длина этихъ сѣтей отъ 20 до 30 саженъ, ширина — отъ 3 до 4. Они всегда выставляются крюкомъ на глубинѣ

[1]) Изсл. о состояніи рыболовства въ Россіи. Т. VI, стр. 159.

[2]) Тамъ же.

[3]) См. Recueil des Actes de la Séance publique de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, tenue le 29 décembre 1845; стр. 328.

отъ 3 до 4 саженъ [1]). По всей длинѣ верхней тетивы привязываются въ разстояніи 11 вершковъ деревянные плавки. А какъ эти сѣти долго оставляются въ морѣ, то ихъ смолятъ, а плавки нѣсколько обугливаютъ. Нижней тетивы у этихъ сѣтей нѣтъ, а непосредственно къ самимъ ячеямъ прикрѣпляются камни, служащіе грузилами. Крюкъ составляется изъ двухъ сѣтей, бережника, саженъ въ 26 длиною, который ставится отъ самаго берега перпендикулярно къ его направленію и собственно крюка, слишкомъ 30 саженъ въ длину, удерживаемаго въ своемъ положеніи на якоряхъ. Входъ изъ бережника въ крюкъ называется воротцами.

Приближаясь къ выставленнымъ прометамъ, тюлень встрѣчаетъ на своемъ пути бережникъ, плыветъ вдоль его, попадаетъ въ воротцы и, кружась внутри крюка, мечется въ ячеи сѣти и застрѣваетъ въ нихъ. Но иногда бойкій звѣрь, попавъ въ ячеи, пятится назадъ и счастливо избѣгаетъ ловушки.

Каждое судно, отправляющееся на Новую Землю, беретъ съ собою отъ 6 до 7 прометовъ, — и вотъ почти вся издержка на этотъ промыселъ, и оттого онъ, послѣ такихъ годовъ, когда судохозяева претерпѣли большіе уроны, беретъ верхъ надъ прочими промыслами. Да и самый трудъ и опасности этого лова не могутъ войти въ сравненіе съ тѣми, которые сопряжены съ моржевымъ промысломъ: все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы хозяинъ, какъ можно чаще, по крайней мѣрѣ каждый день, осматривалъ выставленные крюки и убивалъ или, по выраженію промышленниковъ, процалъ попавшихся тюленей, ударяя ихъ по головѣ деревянными колотушками. Судно во время этой ловли не остается на одномъ мѣстѣ, а переходитъ съ одного и становится на другое. Иногда этотъ ловъ производится и зимою, въ каковомъ случаѣ прометы выставляются подъ льдомъ и притомъ съ нѣкоторыми измѣненіями.

Нынѣ промыселъ тюленей ограничивается только южнымъ островомъ; у береговъ сѣвернаго нерпа уже не водится болѣе, морскіе же зайцы рѣдко попадаютъ въ прометы. Въ послѣднее время, кажется всего обильнѣе добываются лысуны. Иногда ловъ прометами у береговъ Новой Земли бываетъ очень обиленъ. Случалось, что въ трое сутокъ въ три прометa попадало до 200 звѣрей. Средній же уловъ въ цѣлое лѣто около ста тюленей.

Морскихъ зайцевъ и нерпъ стрѣляютъ также съ береговъ и въ устьяхъ рѣкъ, куда они заходятъ. Но иногда пускаются за ними въ море на карбасѣ, какъ за моржами. Тутъ они попадаются между стадами лысуновъ, но всегда одиночно, или небольшими стаями. Ихъ бьютъ также съ самыхъ береговъ, куда они выходятъ отдыхать и грѣться.

Содравъ съ тюленей кожу, отдѣляютъ жиръ и складываютъ въ бочки сырьемъ. Вытапливаютъ же его дома [2]), отчасти для того, чтобы не терять на это лишняго времени, отчасти же потому, что на мѣстахъ ловли нѣтъ достаточнаго топлива [3]).

[1]) Излѣд. о сост. рыбол. т. VII, стр. 23.

[2]) Почти во всѣхъ деревняхъ по берегу Бѣлаго Моря имѣются салотопенные заводы или салогрѣйни. Изсл. о сост. рыбол. въ Россіи Т. VII, стр. 80.

[3]) Изсл. о сост. рыбол. въ Россіи. Т. VI, стр. 158.

Изъ морскаго зайца болѣе добывается жиру, чѣмъ отъ моржа, а именно до 15 пудовъ. Сало нерпы отпускается за границу и много употребляется также внутри Россіи для выдѣлки ровдушныхъ или замшеныхъ кожъ, лосиныхъ и оленьихъ. Обыкновенная цѣна такой кожи отъ 20 до 30 коп. сер. за штуку.

Кожа нерпы предпочитается всякой другой кожѣ морскихъ животныхъ и выдѣланная употребляется на сапоги, башмаки и рукавицы. Невыдѣланная же остается жесткою и ни къ чему болѣе не годится какъ только на обивку сундуковъ, и дорожныхъ возковъ, на котомки, рабочіе запаны и т. д.

Кожа морскихъ зайцевъ очень толста, и посему преимущественно идетъ у поморовъ на подошвы, а вымятая на санныя вожжи, на оборы и пр. Если бы эти кожи тщательнѣе выдѣлывались на кожевенныхъ заводахъ, то безъ сомнѣнія дали бы подошвенный товаръ, ни сколько не уступающій толщиною и плотностію воловьему и еще превосходящій его способностью предохранять отъ мокроты и сырости. Шкуру молодыхъ морскихъ зайцевъ скорняки выдѣлываютъ такъ же, какъ и прочую рухлядь и она по осѣтой, мягкой своей шерсти и по своему густому подсѣду нѣсколько похожа на бобра: а потому ее окрашиваютъ въ цвѣтъ бобра и употребляютъ на воротники къ шубамъ, на околыши къ шапкамъ и пр.

Шкуры лысуновъ иногда солятъ въ бочкахъ, кладя въ каждую отъ 50 до 80 шкуръ и на всякую шкуру отъ 2^1_2 до 4 фунтовъ соли и потомъ въ бочкахъ отъ 25 до 28 пудовъ вѣсомъ, безъ всякой дальнѣйшей подготовки, посылаютъ за границу. Шкура весенняго лысуна обыкновенно вѣситъ 1 пудъ: осенняго—30 фунтовъ, шкура нерпы —не болѣе $^1_2$ пуда; шкура морскаго зайца отъ 1^1_2 до 2 пудовъ, а шкура моржа до 10 пудовъ. Но большая часть шкуръ морскихъ звѣрей идетъ на внутреннее употребленіе. Сперва для очищенія шкуры отъ всякой шерсти распяливаютъ ее на рамкахъ и въ такомъ видѣ опускаютъ недѣли на двѣ въ воду на быстромъ мѣстѣ рѣки: затѣмъ вынувъ изъ воды, просушиваютъ ее. Иногда же, вмѣсто того, чтобы опускать въ воду, ее покрываютъ мхомъ и зарываютъ въ тундру, гдѣ она отъ закваски сама собою очищается отъ шерсти. Послѣ того шкуру дубятъ, или, если она назначается на ремни, оставляютъ въ сыромятномъ видѣ.

Изъ кожи лысуна выкраиваютъ 6 паръ лучшихъ подошвъ, а изъ кожи морскаго зайца— 10 паръ. Впрочемъ кожи послѣднихъ, коихъ вообще добывается немного, промышленники обыкновенно не продаютъ, а сами разрѣзываютъ на ремни для гужей, вожжей и вообще всякой упряжи. Изъ кожи большаго морскаго зайца можно получить до 80 маховыхъ саженъ ремней. Цѣна сажени отъ 10 до 20 коп. сер.

Изъ лысуньей кожи выдѣлывается также черная сапожная кожа, особенно въ Холмогорахъ. Изъ нерпичьихъ же шкуръ въ Соловецкомъ монастырѣ приготовляются кожи, подходящія къ козловымъ. Изъ нихъ же тамъ шьютъ на рыболововъ легкія и мягкія рубахи, не проникаемыя водою [1]).

[1]) Изслѣд. о сост. рыбол. въ Россіи. Т. VII, стр. 83.

Бѣлужій промыселъ начинается немедленно по очищеніи моря отъ льдовъ или по крайней мѣрѣ, когда торосы отстанутъ отъ берега. Орудія употребляются тѣ же самыя, какъ и при ловлѣ моржей, т. е. носки, спицы и большаго калибра винтовки. Но сверхъ того каждый карбасъ ведетъ съ собою нѣсколько неводовъ: одни большіе подвижные, саженъ въ 200 длиною и отъ 5 до 6 шириною, разнствующіе отъ обыкновенныхъ неводовъ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ матицы или рукава, а другіе, меньшіе, стоячіе, вязаные—изъ веревокъ толщиною въ палецъ съ большими ячеями.

Ловля стоячими неводами производится въ губахъ. Ставя такой неводъ поперегъ бухты, пересѣкаютъ бѣлугѣ, заплывшей въ кутъ залива съ прибылою водою, обратный выходъ оттуда въ мелководье. Но эта ловля незначительна. Главный же ловъ подвижными неводами на отмелыхъ мѣстахъ во время случки бѣлугъ, а потомъ еще осенью, когда бѣлуги, гоняясь за своею добычею, т. е. разною мелкою рыбою, цѣлыми рунами заходятъ въ заливы и рѣки. Отъѣхавъ далеко отъ берега, карбасъ становится на якорь и промышленники по нѣсколькимъ часамъ стоятъ на кормѣ, вглядываясь, не вынырнетъ ли гдѣ либо бѣлуга. Замѣтивъ ее, поднятіемъ на мачту краснаго флага, даютъ о томъ знать своимъ товарищамъ, которые немедленно на парусахъ или веслахъ направляются туда въ сопровожденіи и другихъ карбасовъ, стараясь объѣхать бѣлугу съ голомянной, т. е. морской стороны и тѣсня ее ближе къ берегу или къ мелкимъ мѣстамъ на глубину 10 или 12 саженъ. Затѣмъ выкинувъ свои невода и простивъ ихъ вмѣстѣ, составляютъ изъ нихъ полукружіе. Когда же бѣлуга начнетъ показываться въ окинутомъ сѣтями пространствѣ, то отнимая у неводовъ по одному крылу, стѣсняютъ полукружіе. Такое окинутое крыломъ пространство называется дворомъ. Потомъ стянувъ большой неводъ въ кругъ и составивъ изъ самаго двора отовсюду непроходимую для звѣря преграду, въѣзжаютъ въ середину и поднимая громкій крикъ и свистъ, поровнятъ вонзить вынырнувшей изъ воды бѣлугѣ носокъ. Испуганный и раненный звѣрь употребляетъ всѣ свои усилія, выйти изъ ловушки и съ неимовѣрною быстротою мечется во всѣ стороны, унося за собою карбасъ. Тогда бѣлужники отдаютъ мало по малу обору т. е. шнуръ отъ носка, для того, чтобы звѣрь своею силою не потопилъ или не опрокинулъ карбаса, что нерѣдко случается. Чѣмъ болѣе бѣлуга напрягаетъ свои силы, тѣмъ скорѣе она достается своимъ преслѣдователямъ въ добычу, потому что, замѣтивъ ея изнеможеніе, они исподоволь притягиваютъ ее къ карбасу и стараются спицею попасть ей въ дыхало, чѣмъ окончательно ее докалываютъ.

Самый главный ловъ бѣлуги бываетъ отъ половины іюня по девятое іюля, потому что въ это время она ластится и плаваетъ большими рунами. Въ эту пору случается, что промышленники окидываютъ ихъ заразъ своими мережами отъ 30 до 40 штукъ и тутъ-то требуются необыкновенная отвага, ловкость и проворство, чтобы удерживать въ сѣтяхъ такое большое руно и расправляться со всѣми. Иногда же, если неводъ не проченъ, бѣлуга, пробивая его, уходитъ въ море и всѣ труды промышленниковъ остаются втунѣ.

По окончаніи лова промышленники немедленно везутъ добытыхъ ими бѣлугъ на берегъ, надрѣзываютъ имъ кожу и тукъ вдоль на четыре части и разрываютъ полосами.

*

Затѣмъ, отдѣливъ жиръ отъ кожи, укладываютъ его пластами въ бочки и продаютъ въ архангельскія салотопни. Мясо же, потроха и кости бросаютъ или въ море, или на берегъ на съѣденіе птицамъ, вслѣдствіе чего окрестные берега тѣхъ урочищъ, гдѣ ловятъ бѣлугъ, наполнены обгложенными костями. Изъ одной бѣлуги получается отъ одной до двухъ бочекъ жиру, цѣною до 200 рублей. Жиръ этотъ чище и бѣлѣе тюленьяго и считается самымъ лучшимъ жиромъ морскихъ животныхъ. Вообще ворвань бываетъ тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе къ ней примѣшано бѣлужьяго жиру. Въ свѣтильникахъ бѣлужье сало горитъ почти вовсе безъ копоти.

Кожаные пласты бѣлуги, называемые у промышленниковъ лафтаками или лахтаками, склавъ въ кучу, зарываютъ въ тундру, чтобы подвергнуть ихъ легкому броженію. Тутъ они лежатъ до тѣхъ поръ, пока отъ нихъ не отстанетъ кожица, называемая алаперою [1]). Послѣ этого, намазавъ пласты ворванью, мнутъ ихъ въ станкѣ дотого, что побѣлѣетъ вся кожа и тогда, оскобливъ мездру тупикомъ, выдѣлываютъ изъ нея гужи, узды, шлеи, хомуты и вообще все, на что употребляется сыромятная кожа. Отъ сыромяти она не разнится съ виду, но только не можетъ выносить мокроты и сырости, а расползается и, высохнувъ, коржавѣетъ и лопается. Но если бы ее выдѣлывать по способу кожевниковъ, то она безъ сомнѣнія давала бы весьма годный для обуви товаръ. Нынѣ же она на внутреннихъ рынкахъ неизвѣстна, да и въ самомъ поморьѣ идетъ только на плохую конскую сбрую.

Шкура бѣлуги вѣситъ до трехъ пудовъ. Изъ нея можно выкроить отъ 4 до 6 паръ лучшихъ гужей, маховая сажень которыхъ продается по 40 и 60 коп. сер. Изъ лафтака выкраиваютъ 3 пары подошвъ, а посему шкура большой бѣлуги даетъ 12 паръ крѣпкихъ и тонкихъ подошвъ.

Впрочемъ нельзя не замѣтить, что бѣлужій промыселъ, сколько ни выгоденъ самъ по себѣ, сопряженъ съ немалыми издержками. Одно обзаведеніе неводами уже составляетъ не маловажный расходъ. Обметный бѣлужій неводъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, изъ которыхъ каждое стоитъ отъ 60 до 150 руб. сереб. Для обмета же бѣлужьихъ стадъ нужно, чтобы въ ловлѣ участвовало не менѣе 4-хъ карбасовъ: обыкновенно ихъ соединяется въ одну партію отъ 6-ти до 8-ми. Итакъ все обзаведеніе обойдется отъ 900 до 1200 руб. сер. Между промышленниками поморья немного найдется такихъ, которые были бы въ состояніи затратить такую значительную сумму на предпріятіе, успѣхъ котораго иногда зависитъ отъ вовсе случайныхъ обстоятельствъ. Бѣлужій неводъ, при хорошемъ сбереженіи, служитъ 10 лѣтъ, и по 10 лѣтней сложности приноситъ ежегоднаго дохода около 4000 р. А какъ бѣлужій неводъ отдается на прокатъ изъ половины добычи, то хозяинъ невода получаетъ 2000 руб. въ годъ, другая же половина идетъ въ дѣлежъ на всю артель, состоящую изъ 40 чел., которымъ слѣдовательно достается по 50 руб. на каждаго за 6 недѣль, проведенныхъ въ морѣ на своихъ карбасахъ и на всемъ своемъ иждивеніи.

---

[1]) Клѣтчатая пленка поверхъ кожи, опушенная разновиднымъ волосомъ.

Рѣчные промыслы на Новой Землѣ собственно ограничиваются только двумя породами рыбъ: гольцами и омулями.

Важнѣйшій изъ нихъ ловъ гольцовъ. Онъ производится съ начала августа, когда на время прерывается моржевой промыселъ и оканчивается около половины августа, когда моржи снова возвращаются изъ Карскаго моря. Остающіеся на своихъ судахъ хозяева, правда, и ранѣе занимаются ловлею гольцовъ, но уловъ ихъ до августа мѣсяца обыкновенно незначителенъ и только идетъ на собственное потребленіе промышленниковъ.

Гольцы, такъ же какъ и семга, стремятся къ верховьямъ рѣкъ для метанія икры, а посему главный ихъ ловъ производится посредствомъ на-скоро устроиваемыхъ заборовъ. На этотъ конецъ, перебросивъ черезъ рѣку якорный канатъ [1]), прислоняютъ къ нему нѣсколько вбитыхъ въ дно рѣки кольевъ, между которыми растягиваютъ сѣть. Позади забора устраивается тайникъ изъ плетня или сѣти, на подобіе верши, открытый сверху. Входъ въ этотъ тайникъ такъ тѣсенъ, что въ него разомъ можетъ пройти не больше одного гольца. Не находя себѣ другаго прохода, кромѣ этого отверстія, рыба тѣснится въ него и набиваетъ тайникъ. Чрезъ нѣсколько времени промышленникъ приходитъ къ тайнику и, заткнувъ коломъ тѣсный входъ его, вычерпываетъ изъ него гольцовъ саками.

Но иногда ловятъ гольцовъ и въ морѣ, перехватывая ихъ вдоль берега на пути ихъ къ рѣкѣ. Въ этомъ случаѣ употребляются другія орудія, а именно ставушки, ставные невода, гораздо больше обыкновенныхъ, безъ мотней, и другіе невода, которыми окружаютъ рыбу и притягиваютъ къ берегу. Каждое судно запасается 12 ставушками, 3 ставными неводами и 3 тяглыми.

Уловъ гольцовъ не всегда бываетъ одинаково обиленъ. По показанію г. Даниловскаго, въ началѣ 30-тыхъ годовъ, а именно съ 1830 по 1833 годъ, онъ былъ необыкновенно богатъ, такъ что и нонынѣ эти года еще слывутъ гольцовыми. Тогда гольцы были главною отраслью Новоземельской промышленности вообще. Суда, стоявшія на одномъ становищѣ и устроивавшія сборъ общими трудами, дѣлили гольцовъ не счетомъ, а цѣлыми карбасами и даже просто каждый бралъ себѣ, сколько ему требовалось, т. е. на сколько ставало соли и мѣста въ суднѣ. Если вѣтеръ не благопріятствовалъ карбасамъ, нагрузившимся гольцами, свозить ихъ на берегъ, то ихъ выбрасывали въ воду, а на другой день набирали новыхъ. Но отъ такой безразсчетности запасъ гольцовъ скоро истощился. Впрочемъ, спустя нѣсколько времени, они опять размножились и 1852 годъ снова былъ очень обиленъ. Двое промышленниковъ въ одной только рѣкѣ Нехватовой наловили ихъ тогда одинъ 470, а другой—430 пудовъ и могли бы наловить еще болѣе, если бы у нихъ хватило соли. Средній уловъ гольцовъ полагается около 300 пудовъ на каждое судно [2]).

Изъ вышесказаннаго видно, что привозъ въ Архангельскъ соленыхъ гольцовъ бываетъ весьма различенъ. Иной разъ ихъ привозятъ очень много, въ другой же только незначитель-

[1]) А иногда и цѣпь.

[2]) Изслѣд. о сост. рыболовства въ Россіи. Т. VI, стр. 160.

ное количество, а слѣдовательно и цѣна имъ на тамошнемъ рынкѣ неодинакова. Въ послѣдніе годы она была до 3 руб. сер. за пудъ.

Омулей обыкновенно солятъ осенью, полагая на пудъ рыбы по $1\frac{1}{2}$ фунта соли. При этомъ бросаютъ внутрь каждой рыбы по одной щепоткѣ, а сверхъ того, каждый рядъ ея пересыпаютъ солью.

Мѣстами, особенно около губы Митюшихи, ловится также треска, составляющая, какъ извѣстно, любимую пищу поморцевъ.

Хотя морскія и рѣчныя ловли и составляютъ главныя отрасли промышленности поморцевъ на Новой Землѣ, однако, занимаясь ими только въ то время, когда воды бываютъ открыты, они употребляютъ остальное время, когда зимуютъ тамъ, на охоту за нѣкоторыми сухопутными животными, а именно за бѣлыми медвѣдями, песцами, оленями и за разными птицами.

Первыми тремя промыслами сверхъ поморовъ занимаются также самоѣды, отправляясь иногда зимою небольшими ватагами или отдѣльными семьями по льду чрезъ Вайгачскій проливъ на Новую Землю. Чтобы не заблудиться на необозримыхъ снѣжныхъ равнинахъ, они чертятъ въ снѣгу разныя фигуры, которыхъ каждая семья имѣетъ свои собственныя для того, чтобы скорѣе прослѣдить и отыскать другъ друга. Охотничьи ихъ оружія состоятъ изъ лука, стрѣлъ, дротиковъ, петель и ловушекъ.

Хотя охота на бѣлыхъ медвѣдей и довольно выгодна, однако она сопряжена съ немалыми опасностями. Ихъ обыкновенно бьютъ винтовками или рогатинами. Но въ собственной ихъ стихіи, на твердой землѣ, ихъ встрѣчать очень опасно и тутъ они гораздо смѣлѣе и даже сами нерѣдко нападаютъ на человѣка. Но онъ легко избавляется отъ ихъ погони, если свернетъ въ сторону съ прямаго пути, потому что неуклюжій медвѣдь, по своей неповоротливости, долженъ въ такомъ случаѣ дѣлать большую околицу, чтобы настигнуть своего противника. Впрочемъ Пахтусовъ никакъ не совѣтуетъ приближаться къ бѣлому медвѣдю безъ ружья; идти же на него съ одною рогатиною опасно, потому что онъ иногда вышибаетъ ее изъ рукъ промышленника.

По этой причинѣ поморы всего охотнѣе стрѣляютъ бѣлаго медвѣдя на морѣ, когда онъ перебирается со льдины на льдину, ища себѣ въ добычу бѣлугу, тюленя или моржа. Отъ этого-то у промышленниковъ водится поговорка: дай Богъ промышлять моржа на берегу, а ошкуя (бѣлаго медвѣдя) на водѣ.

Впрочемъ иногда человѣкъ отдѣлывается отъ бѣлаго медвѣдя однимъ громкимъ крикомъ. Нѣсколько подобныхъ случаевъ разсказываетъ Пахтусовъ. Одинъ изъ его людей увидѣлъ бѣлаго медвѣдя, шедшаго къ избѣ зимовья, и зная, что тамъ никого не было дома, отъ страху закричалъ изо всей силы. Услышавъ крикъ, медвѣдь самъ испугался, остановился и потомъ, часто оглядываясь, обратилъ шаги свои назадъ. Въ другой разъ двое изъ людей команды, посланные изъ избы къ взморью, на обратномъ своемъ пути, неожиданно наткнулись на медвѣдя, бывшаго отъ нихъ не болѣе какъ шагахъ въ 12-ти; оружія при нихъ никакого не было. Въ этой крайности они, испуганные внезапнымъ появленіемъ страшнаго

звѣря, чтобы отогнать его и дать знать своимъ товарищамъ объ угрожающей имъ опасности, громко закричали. Медвѣдь остановился и пристально посмотрѣвъ на нихъ, побрелъ въ гору. Въ тотъ же самый день одинъ изъ матросовъ вышелъ изъ избы въ сѣни и, отворивъ наружныя двери, увидѣлъ тутъ другаго медвѣдя, спокойно лакомившагося ворваннымъ саломъ изъ стоявшей подлѣ сѣней бочки. Матросъ закричалъ отъ испуга, а медвѣдь, также испугавшись, бросился бѣжать опрометью.

Впрочемъ бѣлый медвѣдь очень силенъ и сказываютъ, что онъ иногда въ борьбѣ съ моржами, одолѣваетъ такого большаго и могучаго звѣря и вытаскиваетъ его на ледъ и на берегъ.

Употребленіе, дѣлаемое изъ убитаго медвѣдя многоразлично. Шкура его, обыкновенно сдирается на мѣстѣ побоища, сушится при становыхъ избахъ и идетъ на разную теплую одежду и обувь, на шубы, рукавицы и подошвы. Она отличается прочностью, теплотою и непромокаемостію. Цѣна ей отъ 6 до 8 руб. Ее подкрашиваютъ для полстей, а иногда выдѣлываютъ на черную кожу. Подошва изъ нея очень пригодна для промышленниковъ, занимающихся ловомъ моржей, потому что съ помощью ея они не скользятъ на льду. Мясо медвѣжье употребляется въ пищу и считается у нихъ за особое лакомство. И жиръ медвѣжій также вкусенъ и здоровъ. Сала отъ одного медвѣдя можно добыть отъ 5 до 6 пудовъ и болѣе.

Ловля песцовъ производится посредствомъ особыхъ деревянныхъ ловушекъ, называемыхъ кулёмами. Ихъ обыкновенно ставятъ вдоль по морскому берегу, въ разстояніи около 25 саженъ одну отъ другой. Отправляясь на эту ловлю, промышленники удаляются отъ становой избы въ обѣ стороны верстъ на 30, 50 и на 100 въ пустыя избы, построенныя для становья другими промышленниками. Вся артель распредѣляется на этотъ конецъ на 3 или 4 жилища. Построеніе ловушекъ очень просто: для этого требуется только доска, обыкновенно изъ выкиднаго и даже сыраго, гнилаго и вовсе негоднаго на дрова лѣсу, и жердь для установки и поддержанія доски въ наклонномъ положеніи. Для приманки звѣря кладутъ въ каждую кулёму наживу, состоящую золотниковъ изъ трехъ ворваннаго сала или свинаго жиру. Когда песецъ тронетъ наживу, доска падаетъ на него и задерживаетъ его до прибытія охотниковъ [1]). Но довольно трудно охранять кулёмы отъ посѣщенія бѣлыхъ медвѣдей, которые нерѣдко объѣдаютъ въ нихъ наживу. Обыкновенно они предпочитаютъ наживу изъ ворваннаго сала, но въ случаѣ недостатка его не брезгаютъ также свинымъ жиромъ. Песцы также посѣщаютъ кулёмы, но такъ хитры и ловки, что объѣдая наживу, никогда не попадаются въ кулёмы. Иногда промышленники ходятъ за песцами по взморью на лыжахъ съ чумкою или санками, которыя служатъ для перевозки дровъ.

Вообще на Новой Землѣ ловятъ болѣе бѣлыхъ песцовъ: самые же цѣнные, голубые, водятся на Шпицбергенѣ [2]). Шкуры ихъ доставляютъ ловцамъ немалую прибыль.

---

[1]) Записки Гидрогр. Департ. Ч. I. 1842. Стр. 74.

[2]) По показанію капитана Литке на Шпицбергенѣ изъ 10 песцовъ ловится 8 голубыхъ и 2 бѣлыхъ, а на Новой Землѣ обратно: 8 бѣлыхъ и 2 голубыхъ. Послѣдніе же въ 8 кратъ цѣннѣе первыхъ. Пут. въ Сѣв.

Лисицъ на Новой Землѣ немного. Онѣ обыкновенно ловятся тамъ капканами и окормкою.

Но тѣмъ болѣе Новая Земля издавна изобиловала оленями. Они особенно во множествѣ водятся на болотистыхъ, покрытыхъ мхомъ, низменностяхъ восточной части острова. Но туда лишь весьма рѣдко пускаются промышленники, потому что восточный берегъ не представляетъ имъ ни одного безопаснаго становища. Въ западной же части олени въ послѣднее время, кажется, уже стали рѣже. По свидѣтельству г-на Фонъ-Бэра, въ бытность его на Новой Землѣ было ихъ убито только немного и одна изъ артелей, проведшая тамъ предшествовавшую зиму, не могла ихъ добыть вовсе [1]).

Оленье мясо служитъ для промышленниковъ любимою и здоровою пищею, а горячая кровь убитаго оленя считается у нихъ весьма полезнымъ средствомъ противъ цынги. Оленья же кожа и сало идутъ на продажу. Изъ оленьихъ шкуръ дѣлается теплая одежда, употребляемая самоѣдами и русскими крестьянами Мезенскаго уѣзда, а именно малица, совикъ, пимы, люпты, пыжиковая шапка и кéньги. Малица шьется изъ шкуръ молодыхъ оленей, коихъ, спустя три или четыре мѣсяца послѣ рожденія, нарочно для того убиваютъ въ половинѣ августа. Она покроемъ похожа на женскую рубашку и надѣвается чрезъ голову шерстью къ тѣлу. Для прикрасы ее обшиваютъ по подолу пандой, т. е. оборкою, черными и бѣлыми полосами вдоль, изъ той же шкуры шерстью внизъ. Въ ненастную или холодную погоду на малицу надѣвается совикъ, сшитый изъ шкуры взрослыхъ оленей, такого же покроя какъ малица, но шерстью вверхъ. Онъ снабженъ родомъ капишона для прикрыванія головы. Пимами называются длинные теплые сапоги, сдѣланные изъ комаса, т. е. шкуръ съ оленьихъ ногъ. Подошвы пимовъ сшиваются изъ мелкихъ лоскутковъ, составляющихъ щетки у оленьихъ копытъ. Люпты — это чулки, сшитые изъ шкуры оленьихъ телятъ и надѣваемые на босую ногу, шерстью къ тѣлу. Пыжиковая шапка дѣлается изъ шкуръ маленькихъ оленьихъ телятъ, умершихъ ранѣе мѣсяца. Вся вышеозначенная одежда шьется нитками изъ оленьихъ жилъ или изъ верхней перепонки кишокъ.

Вѣсъ большаго оленя бываетъ до 12 пудовъ, т. е. 10 пудовъ мяса и 2 пуда сала.

Изъ птичьихъ промысловъ самый важный составляетъ ловля гагки (Anas mollissima). Мягкій пухъ, выщипываемый этими птицами изъ груди и изъ подкрыльевъ для согрѣванія своихъ птенцовъ въ гнѣздахъ, дорого цѣнится не только въ Россіи, но и за-границею. Но добываніе его чрезвычайно трудно, потому что гагки обыкновенно вьютъ свои гнѣзда въ ущеліяхъ горъ или на неприступныхъ скалахъ и никогда не отлетаютъ съ острововъ или съ морскаго берега, гдѣ онѣ водятся, далеко во внутренность страны. По этой причинѣ про-

---

Лед. Ок. Т. I, стр. 149. — Люди Пахтусова во всю зиму 1832 — 33 поймали 42 бѣлыхъ и одного только голубаго песца.

[1]) Впрочемъ Пахтусовъ въ первую свою экспедицію 1832 года видѣлъ близъ своей стоянки въ губѣ Каменкѣ стадо оленей, состоявшее головъ изъ 500, а Розмысловъ (въ 1768 году) говоритъ еще о томъ, что олени водятся на Новой Землѣ цѣлыми стадами.

мышленники, доискиваясь гнѣздъ гагки, нерѣдко съ величайшею опасностію должны спускаться на веревкахъ съ крутыхъ скалъ, прямо висящихъ надъ морскою пучиною.

Обыкновенно въ одномъ гнѣздѣ бываетъ отъ 5 до 6 яицъ, которыя гагка бережно закрываетъ своимъ нѣжнымъ пухомъ. Изгнанная изъ своего гнѣзда гагка вьетъ себѣ другое, которое также наполняетъ пухомъ, а когда и это гнѣздо опустошитъ жадность ея преслѣдователей, то вьетъ себѣ на самыхъ отдаленныхъ и недоступныхъ утесахъ третье и послѣднее гнѣздо, которое еще обильнѣе, чѣмъ прежнія, снабжаетъ своимъ пухомъ. Всѣ перья, которыя гагка не выщипала себѣ сама, коротки и грубы. Впрочемъ и тѣ перья, которыя вынимаются изъ гнѣзда, нужно напередъ тщательно очищать. Оттого-то изъ одного пуда собранныхъ перьевъ обыкновенно получается не болѣе 15 фунтовъ чистаго пуху. Большая часть продаваемаго въ Архангельскѣ гагачьяго пуха идетъ съ Новой Земли и съ Шпицбергена, гдѣ люди, отправляющіеся на промыслы морскихъ животныхъ, занимаются собираніемъ его въ досужее время [1]). Сама гагка употребляется въ пищу промышленниками, а яйца ея такъ вкусны, что далеко превосходятъ яйца домашнихъ птицъ. Кромѣ мяса, пуха и перьевъ этихъ птицъ немалую пользу можно было бы получить также сборомъ ихъ помета, особенно для такихъ частей Архангельской губерніи, которыя способны къ хлѣбопашеству, но нуждаются въ достаточномъ для удобренія своихъ полей количествѣ скота.

Кромѣ гагки промышленники ловятъ на Новой Землѣ еще гагарокъ и гусей, отчасти для собственной своей пищи, отчасти для продажи. Для послѣдней цѣли мясо гагарокъ солятъ въ бочкахъ и привозятъ въ Архангельскъ. Соленыя гагарки очень вкусны, когда усолъ былъ удаченъ. Кожу съ шейки этихъ птицъ выдѣлываютъ и шьютъ изъ нея красивые мѣха, а пухъ ихъ мѣшаютъ съ набивочнымъ перьемъ разныхъ другихъ птицъ и продаютъ на рынкѣ [2]).

Почти такое же употребленіе дѣлается и изъ лѣнныхъ гусей: мясо ихъ также солятъ и въ бочкахъ отправляютъ въ Архангельскъ на продажу, а пухъ и мелкое перье употребляются для набивки першъ и подушекъ. Крупныя же перья изъ крыльевъ гусей служатъ для письма.

По словамъ Лепехина особенно богатъ промыселъ олиняльхъ гусей по берегамъ и островамъ Кармакульской губы, гдѣ промышленники просто ловятъ ихъ руками [3]). Также на южномъ концѣ Новой Земли очень много лѣнныхъ гусей и они тамъ проживаютъ цѣлое лѣто, выводятъ дѣтей, линяютъ и, оперясь, снова отлетаютъ въ тѣ теплыя страны, откуда прилетѣли.

Въ послѣдніе годы промышленность Новоземельская пришла въ замѣтный упадокъ. Главная тому причина, какъ показано г-мъ фонъ Бэромъ, періодическій характеръ тамошнихъ промысловъ. Одно время морскія животныя появляются у береговъ Новой Земли въ большомъ изобиліи и привлекаютъ туда сонмы промышленниковъ, которые въ нѣсколько лѣтъ почти вовсе вылавливаютъ ихъ, послѣ чего остатки ихъ удаляются, какъ должно полагать въ дальнѣйшія полярныя моря, пока не размножатся опять въ преизбыткѣ. Естественно, что такому прекращенію или уменьшенію промысловъ нельзя пособить никакими

[1]) Озерецковскій о гагкѣ и ея пухѣ въ С.-п.-б. Журналѣ ч. VIII, стр. 140.
[2]) Путеш. Лепехина Ч. IV, стр. 350.
[3]) Тамъ же Ч. IV, стр. 162.

мѣрами. Тутъ остается только терпѣливо выжидать наступленія вновь болѣе благопріятнаго времени. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого, основаннаго на самомъ естествѣ вещей, переворота бываетъ охладѣніе капиталистовъ къ подобнаго рода предпріятіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшеніе судоходства и числа лицъ, занимающихся этою торговлею, а равно и людей, опытныхъ въ морскихъ промыслахъ и въ морской лоціи [1]).

Съ возвращеніемъ морскихъ посѣтителей Новой Земли въ прежнее ихъ нормальное число, конечно явятся снова и капиталисты готовые на предпріятія, обѣщающія имъ бо́льшія выгоды, чѣмъ хлѣбопашество [2]) и удальцы, ревнующіе служить имъ орудіемъ. Но чтобы этотъ благопріятный оборотъ не засталъ поморья врасплохъ, кажется, не неумѣстно было бы покамѣстъ питать и поддерживать предпріимчивость поморовъ посредствомъ особыхъ занятій, которыя служили бы приготовленіемъ къ будущимъ ихъ промышленнымъ подвигамъ. Такъ можно было бы направить ихъ дѣятельность на продолженіе открытій въ Новой Землѣ и въ окружающихъ ее моряхъ и для большаго ихъ поощренія назначать на этотъ конецъ особыя преміи. Это было бы, можетъ быть, наиболѣе кстати теперь, когда англійское правительство имѣетъ въ виду возпріять свои изслѣдованія глубочайшаго сѣвера, доставившія такую славу британскому флагу и послужившія къ образованію цѣлыхъ поколѣній смѣлыхъ и опытныхъ арктическихъ мореходцевъ. Учрежденіе такихъ премій могло бы возбудить въ русскихъ поморахъ соревнованіе, если не къ достиженію сѣвернаго полюса, на которое англичане безспорно имѣютъ наибольшее право, уже принесши на этотъ конецъ столько жертвъ, то по крайней мѣрѣ къ разрѣшенію ближайшей для Россіи задачи, — достиженія самыхъ сѣверныхъ предѣловъ Новой Земли и точнѣйшаго изслѣдованія восточнаго ея берега, а вмѣстѣ съ тѣмъ подготовила бы отважныхъ и искусныхъ мореходцевъ, которые, по наступленіи снова благопріятнаго для тамошнихъ промысловъ времени, могли бы со славою замѣнить собою прежнихъ Лошкиныхъ, Рахманиныхъ, Откупщиковыхъ, Шухобовыхъ и Юшковыхъ, съ столь рѣдкою настойчивостію посвящавшихъ всю свою жизнь на исполненіе опасныхъ и многотрудныхъ своихъ предпріятій.

---

[1]) «Море», говорятъ поморцы — «вотъ наше поле, вотъ наша пашня».

[2]) Городъ Мезень, нѣкогда имѣвшій столько капиталистовъ, посылавшій на Новую Землю по десятку судовъ и произведшій такихъ смѣлыхъ сподвижниковъ, каковы: Рахманинъ, Откупщиковъ, Шухобовъ и Юшковъ, нынѣ опустился до степени жалкаго мѣстечка и изъ торговаго сословія въ 1858 году считалъ одного только купца, да и то третьей гильдіи. (См. Арханг. сборникъ 1865 года).—Во всей же Арханг. губ. купечества всѣхъ гильдій состояло:

Въ **1802.** г. въ Архангельскѣ 330, въ Мезенѣ 42, въ Холмогорахъ 23, въ Онегѣ 27, въ Колѣ 10, въ Кеми 13, въ Сумскомъ посадѣ 6, въ Пинегѣ 4, въ Шенкурскѣ 3, и того 458; Въ **1846** г. въ Архангельскѣ 109, въ Мезени 1, въ Холмогорахъ 5, въ Онегѣ 6, въ Колѣ 1, въ Кеми 4, въ Сумскомъ посадѣ ни одного, въ Пинегѣ 2, въ Шенкурскѣ 2, и того 130.

Бѣломорская торговля съ Европою имѣла свои времена процвѣтанія и упадка. Она началась съ прибытія къ устью Двины Англичанъ. Петръ всячески старался о ея развитіи и при немъ устроено было нѣсколько верфей близъ Архангельска. Но вскорѣ потомъ эта торговля стала упадать, по мѣрѣ развитія Петербурга. Въ царствованіе Екатерины II. она снова оживилась и къ Арханг. порту ежегодно приходило не менѣе 200 судовъ. Еще въ нынѣшнемъ столѣтіи отпускъ въ одну навигацію иногда доходилъ до 10 и 11 милл. р. ас., позже торговля Архангельска стала опять упадать отъ уменьшенія спроса на произведенія сѣверо-восточной Россіи (Матер. для геогр. и стат. Россіи, 1865, стр. 37 и пр.). — Средняя годовая цѣнность улова морскихъ звѣрей съ 1846 — 1856 составляла 44,927 р. Сала ворваннаго добывалось до 20,000 пудъ; всего же сала изъ Архангельска отправлялось за границу съ 1857 по 1862 г. около 30,500 п. въ годъ. (Тамъ же стр. 171, 172.).

ПОПРАВКИ.

Стр. 5 на 21 строкѣ снизу, вмѣсто: Максимкова, въ широтѣ $74^{1}/_{2}°$, слѣдуетъ читать: Максимкова, крайняго предѣла и т. д.

Стр. 129 на 3 строкѣ снизу, вмѣсто: въ СПб. Журналѣ ч. VIII, стр. 140, слѣдуетъ читать: Нов. Еж. Соч. 1804 г., ч. 2, стр. 53 и сл.

Стр. 130. Примѣчаніе 1) должно стоять послѣ Примѣчанія 2).

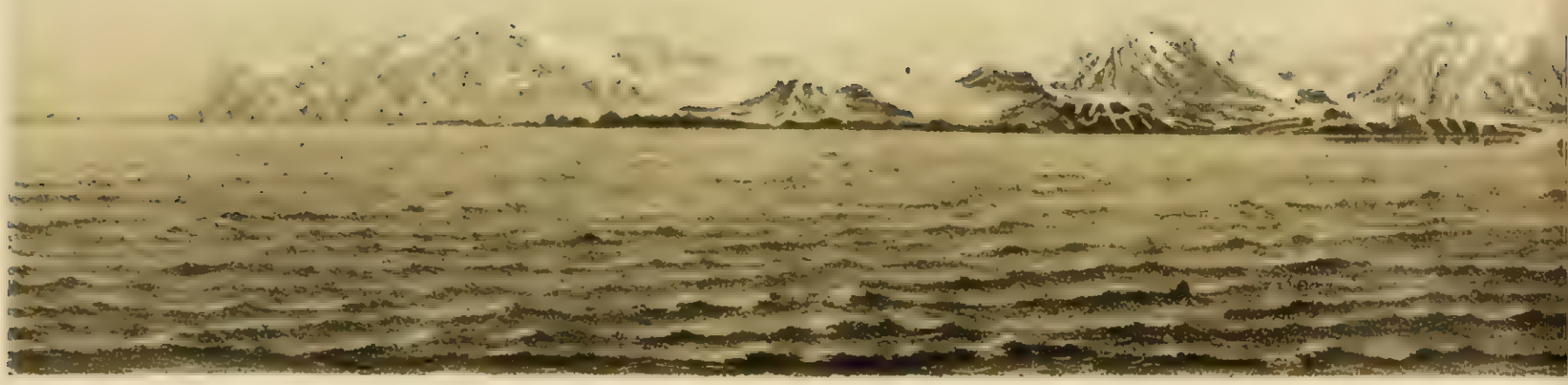
На той же страницѣ въ 8-й строкѣ снизу, вмѣсто: Петрь, должно читать: Петръ Великій.

КАРТА

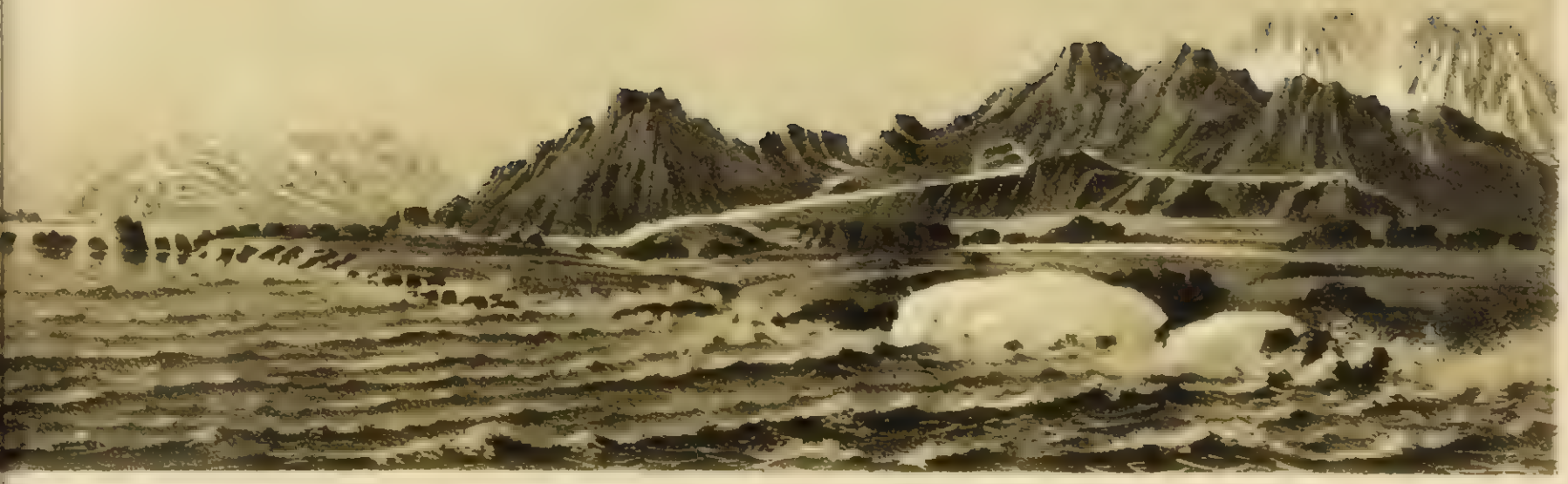
НОВОЙ ЗЕМЛИ

и

Прилежащаго матерaго берега



ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГЪ НОВОЙ ЗЕМ



У ВХОДА ВЪ МАТОЧКИНЪ ШАРЪ.

МИТЮШЕВЪ КАМЕНЬ НА ЗАПАДНОМЪ БЕРЕГУ НОВОЙ ЗЕМЛИ.